

ФОРУМ

ОБЩЕСТВЕННО — ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

16

1987

Ф О Р У М

ОБЩЕСТВЕННО — ПОЛИТИЧЕСКИЙ

ЖУРНАЛ

16

1987

«СУЧАСНІСТЬ»

Ответственный редактор:

ВЛАДИМИР МАЛИНКОВИЧ

Консультативный совет:

Петр АБОВИН-ЕГИДЕС, Владимир БОРИСОВ, Борис ВАЙЛЬ, Николай ДРАГОШ, Лев КОПЕЛЕВ, Кронид ЛЮБАРСКИЙ, Михайло МИХАЙЛОВ, Игорь ПОМЕРАНЦЕВ, Галина САЛОВА, Тамара САМСОНОВА, Надя СВИТЛЫЧНА, Сейтхан СОРОКИНА, Виктор ФАЙНБЕРГ, Михаил ХЕЙФЕЦ, Борис ШРАГИН.

Мнения авторов не всегда совпадают с точкой зрения редакции.

Журнал выходит четыре раза в год.

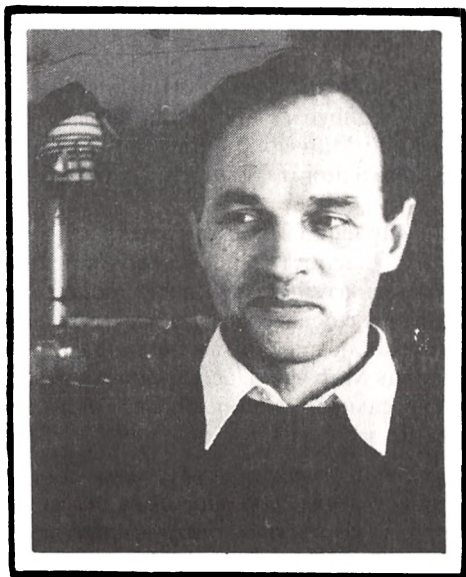
Für den Inhalt verantwortlich: Dr. W. Malinkowitsch.

Адрес редакции: Georg-Mauerer-Weg 11, 8000 München 50, BRD.

Оформление подписки на журнал: «Sučasnist» e. v., München, Müllerstr. 33, Rgb, 8000 München 5, BRD.

АРХИПЕЛАГ ГУЛАГ СЕГОДНЯ

ГИБЕЛЬ АНАТОЛИЯ МАРЧЕНКО

Анатолий Марченко умер восьмого декабря 1986 года в Чистопольской тюрьме после четырехмесячной голодовки.

Он впервые попал в тюрьму 30 лет тому назад девятнадцатилетним. Молодой рабочий стал в лагере читать, самоучкой приобрел основательное образование, написал книгу «Мои показания» (1967). Это была первая книга о послесталинских лагерях. Ее перевели на многие языки. Позже он написал другие книги, статьи, эссе.

Анатолий был членом московской группы «Хельсинки». Он стал одним из самых бесстрашных и самозабвенных

защитников прав человека. Его шесть раз арестовывали и судили. Больше половины сознательной жизни он провел в лагерях, тюрьмах, ссылках. Но и там он продолжал отстаивать гражданские права и человеческое достоинство. И там он протестовал против беззакония, произвола, требовал амнистии для всех политзаключенных. Поэтому его избивали, неделями пытали голодом и холодом в карцере. Последние два года он был лишен свиданий с женой и сыном.

Анатолий погиб как мученик. И не он один. В пермском лагере в течение одного года умерли Олекса Тихий, Юрий Литвин, Валерий Марченко, Василь Стус. Эти имена известны. А сколько политзаключенных погибает, чьих имен мы не знаем!

Анатолий Марченко всю свою жизнь добивался правды, справедливости, гласности, добивался именно того, что сегодня широковещательно провозглашают Генеральный секретарь Горбачев и советские газеты. Но до тех пор, пока в тюрьмах и ссылках остаются тысячи людей только потому, что они, так же как Марченко, бесстрашно говорили и писали правду, никакие, самые красноречивые заявления советского правительства не заслуживают доверия.

Сегодня гибель угрожает Мустафе Джемилеву. Его арестовали в седьмой раз, арестовали за то, что он отстаивает права крымских татар вернуться на родину предков, откуда весь народ более сорока лет тому назад изгнали сталинские палачи.

Тяжело болен в тюрьме Анатолий Корягин — врач, осужденный за то, что был верен своему долгу: он сопротивлялся чиновникам КГБ, требовавшим объявлять психически больными здоровых людей, арестованных за инакомыслие.

Джемилева, Корягина и других еще можно спасти.

Анатолий Марченко погиб потому, что не хотел мириться со злом, потому что снова и снова спешил помогать преследуемым. Он отдал душу свою за други своя.

Мы обращаемся к тем, кто с меньшим риском может писать, говорить, протестовать, кто может просить,

требовать освобождения политзаключенных. Ведь именно такие общие усилия спасли в этом году Ирину Ратушинскую, Анатолия Щаранского, Юрия Орлова.

Мы не можем сегодня прийти к могиле Анатолия, не можем обнять его жену Ларису, его сына Павла. Скорбя вместе с ними, мы призываем людей доброй воли в Советском Союзе и во всем мире продолжить дело Анатолия Марченко: добиваться политической амнистии.

Гибель Анатолия и других правозащитников не должна пройти бесследно.

*Василий Аксенов
Людмила Алексеева
Игорь Бурихин
Елена Варгафтик
Николай Вильямс
Георгий Владимов
Владимир Войнович
Лев Друскин
Дина Каминская
Лев Копелев
Наталья Кузнецова
Майя Литвинова*

*Павел Литвинов
Кронид Любарский
Владимир Малинкович
Виктор Некрасов
Мария Розанова
Галина Салова
Константин Симис
Андрей Снявский
Наталья Содомская
Борис Шрагин
Ефим Эткинд*

10. 12. 1986 г.

ПРОБЛЕМЫ ДЕМОКРАТИИ

Владимир Малинкович

ЭТЮДЫ НА ТЕМУ РЕФОРМ

1. ВОЗМОЖНА ЛИ ПЕРЕСТРОЙКА?

Возможны ли в принципе радикальные преобразования, перестройка советской системы?

Очень многие ответят на этот вопрос отрицательно — система-то ведь тоталитарная. Рискну, однако, сказать: да. Да, верю, что возможны. Именно в силу своей тоталитарной природы советский режим *не способен* больше управлять страной.

Если бы, как предполагали Маркс и Ленин, коммунизм победил во всем мире, существующая модель социализма могла бы продержаться гораздо дольше. Но, слава Богу, этого не случилось. Конкуренции с капитализмом Советский Союз не выдерживает, а отгородиться от всего мира «железным занавесом», как при Сталине, уже не может — отстанет еще больше.

Ленин и Бухарин, убедившись, что немедленной мировой революции ожидать не приходится и нужно будет конкурировать с «буржуазными» странами, решились на НЭП. И получили совсем неплохие результаты.

НЭП не был изжит, социализм не победил частного в экономическом соревновании, даже овладев «командными высотами». НЭП попросту отменила сталинская антикрестьянская революция в 1928-29 г. В год «Великого перелома».

При помощи массового террора, ценой миллионов человеческих жизней Сталину удалось построить ту систему жесточайшей централизации всей социальной жизни, что существует в СССР по сей день. Существовать-то существует, но давно уже не развивается. Система эта может быть только временной, поскольку в основе ее — установка

на выжимание всех без остатка человеческих сил, всех ресурсов страны. Это система чрезвычайных положений, всеобщей трудовой мобилизации.

Уже лет через десять такая система сменившего НЭП «нового военного коммунизма» , наверняка, выявила бы свою неспособность решать долговременные задачи. Но началась война, а затем нужно было восстанавливать разрушенное. Положение стало действительно чрезвычайным, и из людей удалось выжать, здесь уже с их согласия, самое что ни есть последнее. А потом? А потом умер Сталин...

Уже тогда и правителям (во всяком случае некоторым из них) и обществу стало очевидно, что систему пора менять. Начали менять — не получилось. Сталинисты удержались, согласившись в чем-то на компромисс. И вот система существует уже не десять, а более пятидесяти лет. Как же это случилось?

Страна наша невероятно богатая, а режим достаточно сильный, чтобы подавить отдельные проявления недовольства и, используя монополию на средства массовой информации и закрытость советской системы, попытаться если не обмануть, то хотя бы отвлечь от насущных проблем бо́льшую часть населения.

Ни обмануть, ни отвлечь — в той мере, в какой хотели бы этого власти, — не удалось. Массовое общественное недовольство выявилось в том, что советские граждане отказались отдавать все свои силы труду на государство (а именно на этом держалась сталинская система) и перестали доверять лозунгам вождей. Работать стали хуже, впали. Как реакция на идеологический пресс, развился массовый скептицизм, даже цинизм. Жизнь по принципу: «Ты — мне, я — тебе», коррупция, воровство, алкоголизм — все это норма в советском обществе. Лучшая, самая здоровая и сильная часть общества ударились в различного вида инакомыслие. Диссидентство — часто единственная альтернатива для тех, кто не способен превратиться в подлеца или идиота.

Для всего брежневского периода советской истории характерна своеобразная форма компромисса между обществом и системой. Он-то (компромисс) и позволил этой уже совсем не развивающейся системе продержаться еще около

двадцати лет. Страна богатая. Не удавалось выжимать из людей — нещадно грабили природу. Никогда до того не губили естественные богатства так, как в брежневские десятилетия. Но все же хозяйственный кризис назрел. А за ним виден уже и кризис экологической.

Новые руководители рассчитывают править долго. Поэтому они *должны* отказаться от уже не функционирующей сталинской системы. Но они хотят сохранить на время своего правления (о дальнейшем, я думаю, они не помышляют) партийную диктатуру, без чего им не удержаться у власти. Естественно, они ищут выход в опыте коммунистических стран — в ленинском НЭПе, в венгерской и китайской моделях социализма.

Но со времени НЭПа 20-х годов много воды утекло. Страна из аграрно-индустриальной превратилась в индустриально-аграрную (сельское население уменьшилось с 82% в 26 году до 33% в наши дни). Вся экономика давно в руках государства, управляемого партией. Предоставив возможности для развития индивидуального хозяйства (без использования наемного труда), советские руководители не боятся реставрации капитализма. Частная инициатива поможет решить продовольственный вопрос, проблемы сервиса, производства товаров широкого потребления. Главные же элементы хозяйственной системы в любом случае останутся социалистическими. Конкуренция здесь возможна лишь между государственными и кооперативными предприятиями (и в том и в другом случае форма собственности коллективная, общественная). Необходимо только отказаться от системы жестко централизованного управления экономикой, перевести ее на хозрасчет, обеспечить ту или иную форму самоуправления на предприятиях и во всех творческих коллективах.

Все это даст, на мой взгляд, колоссальной силы стимул для развития общественной жизни в стране.

Конечно, партаппаратчики старой школы в новых условиях останутся без кормушки. Но наиболее активная и способная часть партийных руководителей в своих эгоистических целях, кажется, готова пожертвовать десятками тысяч партийных бездельников и заключить с обществом новый

компромисс. Их поддержит, по-видимому, большинство менеджеров. Уровень компромисса будет в конце-концов зависеть от соотношения между силой общественного давления и мерой упругости новой партийной власти.

Если давление общества будет постоянно нарастающим, соревнование этих сил завершится демократизацией всей социальной жизни.

Не стоит, однако, сбрасывать со счетов и силу сопротивления консерваторов. Это не столько брежневские партаппаратчики (у них и возраст не тот, и энергии нет), сколько КГБ (не забудем, что Горбачеву покровительствовал шеф ГБ Андропов) и армия (генералы понимают, что реформы, наверняка, ослабят их влияние). Да и внутри общества есть консервативная сила — так называемая «русская партия», готовая при случае объединиться с властью имущими под общим лозунгом «Единая российская империя, самодержавная власть (совсем не обязательно царская — сгодится и другая форма диктатуры), моноидеология». Демократию эта партия считает западной выдумкой, противной русским традициям. «Патриотическая» пропаганда уже сделала свое дело, и потому националисты, вполне вероятно, смогут увлечь за собой значительную часть русского населения. Особенно, если жизненные условия, после пусть даже не завершенных реформ, улучшатся.

Настораживает, что в общем спектре общественных сил, пробудившихся после прихода Горбачева к власти, «русская партия» (от национал-большевиков, типа Пикуля и Проханова, до национал-либералов Лихачева и Залыгина) занимает самое видное место.

Надеюсь все же, что это временно, что демократы, изрядно побитые в последние годы КГБ (тогда как русским националистам всегда удавалось сохранять свои основные силы и благорасположение властей*), смогут вскоре вновь стать влиятельной частью общества как в самой России, так и в других республиках.

Как бы не сложилась в дальнейшем раскладка сил,

---

* Сказанное не означает, что среди русских националистов не было людей, мужественно противостоящих произволу властей и за это жестоко преследуемых В. М.

очевидно, что сталинская система уже агонизирует. Возможно, то, что происходит сегодня в стране, — это только оттепель, но за оттепелью чуть раньше или чуть позже, но обязательно придет весна.

2. ЧТО ПОСЛЕДУЕТ ЗА НАЧАЛОМ?

Летом 1985 года газета «Известия» начала публикацию серии статей о перестройке советской экономики. Год спустя, в июне 1986-го, сотрудники газеты и специалисты-социологи решили выяснить, как же оценивает население страны экономические последствия нового партийного курса. На две предложенные анкеты ответили 1.012 человек. По мнению специалистов, достаточно хорошо были представлены все основные социальные группы. Самые общие выводы, сделанные на основании результатов опроса, были приведены в статье «Начало» («Известия», 16.8.1986).

Каковы же эти выводы?

Лишь 5,3% опрошенных считают, что предоставленные предприятиям дополнительные права «реализованы полностью», 13,2% — что улучшилась организация труда, 10% — что хорошо внедряется новая технология, 12,3% — что повысилось качество выпускаемой продукции. Большинство же отвечающих существенных изменений на своем производстве не заметили. Правда, 78,5% ответили, что «принимаются меры по повышению ответственности всех работников», а 59,6% — что «внедряются хозрасчетные методы, коллективный подряд, работа на единый наряд и т. д.» Как мы видим, все это без должного эффекта. Да иначе и быть не могло. Для того, чтобы хозрасчет был подлинным, необходимы правовое закрепление самостоятельности предприятий и если не полная ликвидация, то хотя бы значительное ослабление централизации управления. А между тем газета признает:

«Относительно промышленности, да и народного хозяйства в целом *общего решения о радикальной реформе пока не было* (подчеркнуто здесь и далее мною — В. М.)... Самым массовым по охвату пока остается постановление о новых методах планирования, распространяющих на всю промышленность положения широкомасштабного эксперимента

1984-1985 годов. *Ни полного хозрасчета, ни оптовой торговли, ни нормативного управления эта система не дает.»*

Самое печальное, что никто из руководителей якобы просто не знает, каким оно должно быть — это нормативное управление экономикой. Генсек Горбачев откровенно сказал в своем хабаровском выступлении:

«Ни у кого, не только в Хабаровске, но и в Москве, в министерствах, в Госплане, в правительстве и в Политбюро готовых рецептов — как нам обеспечить задачу ускорения — нет. Мы должны учиться на ходу, решая новые задачи.»

Но если нет теоретических рецептов, то и практика не спасет. Авторы статьи в «Известиях» утверждают:

«Если говорить о хозяйственной практике, особенно в промышленности, то радикальная реформа еще находится в самом начале пути.»

Впрочем, Горбачев и сам это понимает. В той же хабаровской речи он говорит еще более определенно:

«Достигнутое пока ни в коей мере не может нас удовлетворить... *Глубоких качественных изменений, которые закрепили бы тенденцию ускоренного роста, пока не произошло.*»

В статье «Начало» утверждается, что по сути реформы коснулись лишь сельского хозяйства:

«На хозяйственно-правовом уровне больше всего сделано для перестройки управления агропромышленным комплексом. Уже принятое в этой сфере постановление открывает путь для радикальной реформы, и хотя многие правовые акты еще предстоит обновить, центр тяжести всех забот перемещается на хозяйственную практику...»

Забот этих — ох, как много. И хлеб Советский Союз по-прежнему закупает за границей, и продовольственные товары государство реализует по ценам гораздо ниже их себестоимости. Систему цен, очевидно, нужно менять. Заместитель председателя Госкомитета по ценам А. Н. Кошкин сказал недавно:

«В США, например, никто не продает продукты дешевле

себестоимости. А мы продаем. В итоге, между прочим, 50 миллиардов рублей недосчитываем только по мясу и молоку. А наш товарооборот 340 миллиардов...»

Вынужденное признание несостоятельности системы жестко централизованного планового хозяйства по сравнению с рыночной экономикой. Трудно ожидать немедленного повсеместного внедрения рыночных отношений в советскую экономику, однако ослабление роли центральных органов управления, изменение методов планирования, перевод предприятий на полный хозрасчет, использование частного сектора и рыночных отношений в сельском хозяйстве и сфере услуг — все это крайне необходимо уже сегодня. Лицемерят советские руководители, утверждая, что у них нет нужных рецептов. Хороших специалистов в стране достаточно, и многие из них готовы дать и, уверен, дают руководству дельные советы. Беда в том, что их советами часто боятся воспользоваться. Потому что перестройка не может ограничиться только сферой экономики — она должна изменить всю существующую в стране социально-экономическую систему. Это сознает и новый генсек:

«Нынешняя перестройка охватывает не только экономику, но и все другие стороны общественной жизни: социальные отношения, *политическую систему*, духовно-идеологическую сферу... Я бы поставил знак равенства между словами перестройка и революция.»

В той же хабаровской речи Горбачев говорит о том, что же мешает осуществлению революции-перестройки:

«...нельзя допускать того, чтобы застарелые догмы застилали нам глаза, мешали идти вперед...»

В этом суть вопроса. Жизнь настойчиво требует изменений, а приверженность «застарелым догмам» тянет назад. И не только приверженность догмам, но и страх за собственную судьбу: «А вдруг мы, профессиональные партработники, больше не понадобится, а вдруг окажется, что мы лишние и только тормозим движение вперед?» Что и говорить, для этих опасений у партаппаратчиков есть основания. А потому следует ожидать, что они будут всячески тормозить процесс преобразований. Но ведь и

требования жизни бесконечно долго игнорировать тоже нельзя. Объективные законы социальной жизни, как любят при случае подчеркнуть марксисты, сильнее воли и желания отдельных людей. Приходится руководителям идти на компромисс.

Прошло только три месяца после публикации статьи в «Известиях», и вот уже принят «Закон об индивидуальной трудовой деятельности» — закон, позволяющий советским гражданам самостоятельно заниматься различными видами промыслов, оказывать услуги населению. Сфера, в которой допускается использование индивидуального труда, к сожалению, ограничена. Это изготовление одежды и обуви, мебели, художественных товаров, галантереи, строительство и ремонт жилья советских граждан, ремонт аппаратуры, использование личного транспорта для обслуживания населения и т. д. Всего около 30 видов промыслов и услуг. Заниматься индивидуальной трудовой деятельностью могут, как правило, лишь те, кто работает в общественном производстве, да еще пенсионеры, домохозяйки, инвалиды и учащиеся. Т. е. заработки в сфере услуг должны быть для этих людей дополнительными, а не основными. Хотелось бы надеяться, что в будущем индивидуальный труд уравниют в правах с трудом в общественном производстве — ведь и тот и другой приносят равную пользу всему обществу. И тогда... Впрочем, что будет тогда, мы можем только предполагать. Важно, что положено начало. Пусть и половинчатая, но все-таки реформа. До сих пор же были одни только разговоры о перестройке.

Да и к разговорам тоже не стоит относиться скептически. Особенно к тому новому, о чем пишет сегодня советская печать — ведь в стране по-прежнему все пропускается через цензуру, и если мы тем не менее встречаем на страницах газет и журналов свежее слово, это что-нибудь да значит.

Совсем еще недавно не дозволялось ставить под сомнение необходимость колхозной системы. Но сейчас и это позволили. И не кому-нибудь, а партийному чиновнику очень высокого ранга. Газета «Советская культура» от 7 ноября 1986 г. опубликовала статью зам. председателя Совмина Грузии Мгеладзе, где есть такие слова:

Когда создаются оптимальные условия для слияния общественных и личных интересов, тогда и человек лично заинтересован в том, чтобы больше сделать для государства, для общества...

В Грузии есть труднодоступные участки, на которых крестьяне работают вручную. Как правило, это происходит в горах, малонаселенных деревнях. И когда я на одном высоком совещании заявил, что коллективное хозяйство там нерентабельно, а заключить договор с семьей, испокон веку обрабатывающей клочек своей кровной земли, гораздо умнее и выгоднее всем, мне сказали: «Так что же, колхоза не будет?».

Ну что тут ответишь. Ну да, не будет колхоза. Не нужен он там, где невыгоден. И в конце концов колхоз — это аббревиатура, к которой мы привыкли. Но это вовсе не означает, что она неприкасаема и единственно возможна. Словом, не будет где-то колхоза — будет другая форма организации производства, тоже кооперативная, тоже социалистическая.

Разумные слова. Хочется верить, что скоро мы будем ссылаться уже не на слова, а на реальные примеры радикальной перестройки сельского хозяйства.

Но ни сфера услуг, ни даже сельская экономика не является решающими. Нужен закон о перестройке управления промышленностью.

3. «ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ФАКТОР»

Еще в марте была опубликована очень интересная статья академика Заславской из Сибирского отделения Академии Наук — «Решающее условие ускорения социально-экономического развития». Хотя статья эта напечатана в экономическом журнале «ЭКО» и название у нее почти производственное, она имеет самое прямое отношение к проблеме прав человека. Потому что речь в ней идет о так называемом «человеческом факторе».

Что это за выражение такое — «человеческий фактор»? Мы читаем о нем едва ли не в каждой статье, слышим эти слова в выступлениях ученых и писателей, партийных чиновников и руководителей предприятий. Эти слова не раз и не два произносил в своих речах генсек Горбачев. Очевидно,

выражение взято из лексикона советского бюрократа, но почему в таком случае оно стало популярно именно сейчас, когда ведется, по крайней мере на словах, борьба против бюрократизма? Академик Заславская пишет:

«В энциклопедических словарях фактор определяется как причина, движущая сила чего-либо. Следовательно, понятие „человеческий фактор“ фиксирует внимание на активной, движущей роли человека в экономике, что в наибольшей степени соответствует современной ступени развития.»

А что же раньше, на предыдущей ступени, два-три года назад, — человек не играл активной роли в экономике? Это может показаться парадоксом, но советский человек, оказывается, до сих пор в производственных процессах *активно* не участвовал. По сути и сегодня еще людей, занятых в общественном производстве, рассматривают лишь как «трудовые ресурсы». Заславская этого не скрывает:

«... в общественном сознании пока еще силен стереотип, сложившийся несколько десятилетий назад... Рассмотрение людей как трудовых ресурсов означает как бы приравнение их к материально-вещественным факторам производства, таким, как техника, сырье, энергия и т. д. При таком подходе люди рассматриваются не как сознательные субъекты трудовой и хозяйственной деятельности, а как объекты управления. Ведь ресурсы по самой своей природе, пассивны: они не ставят собственных целей, не имеют личных потребностей и интересов, не проявляют инициативы... Напротив, их „формирует“, „распределяет“ и „использует“ кто-то другой.»

Словом, люди-винтики. И это в стране, где официально провозглашалось: «Все для блага человека! Все во имя человека!» На плакатах. Но ставили же руководители советского государства перед собой и другие, не плакатные, цели? По мнению Заславской, до последнего времени предполагалось, что

«...основной целью общества является наращивание экономического и производственного потенциала (строительство материально-технической базы коммунизма), обеспечение же нормальных условий жизни и труда людей есть средство достижения этой цели.»

Но люди не хотят и не могут быть просто винтиками, средством для достижения чьих-то целей. Если нет возможности протестовать — слишком жесток и силен карательный аппарат советского государства, — они будут приспособляться, стараясь поскорее и с наименьшей затратой сил отделаться от производственных заданий, в выполнении которых они очень мало заинтересованы, и погрузиться в сферу личную.

В годы сталинских пятилеток, рабочий, орудуя лопатой, киркой или напильником, еще мог более или менее сносно работать из-под палки, но сейчас экономическое развитие государства возможно лишь при внедрении новой сложной технологии. В этих условиях от работника требуются не только высокая квалификация, но и надежность, инициативность, ответственность за порученное дело. Не формальная отписка, а действительно личная ответственность, которую-то и проконтролировать никак нельзя. Вот вам и внутреннее противоречие: с одной стороны — для поддержания своей абсолютной власти руководители страны нуждаются в людях-винтиках, готовых послушно выполнить любое, пусть даже самое абсурдное, задание начальства, с другой стороны — интересы экономического развития страны (а значит, в какой-то мере и интересы ее руководителей) настоятельно требуют от каждого трудящегося проявления творческой инициативы, самостоятельности, личной заинтересованности в деле. Именно это противоречие, на мой взгляд, и лежит в основе нынешнего политического кризиса. Пока оно не будет разрешено, советская экономика будет продолжать производить товары исключительно низкого качества, будут одна за другой происходить аварии и катастрофы.

В марте этого года Заславская писала о железнодорожной катастрофе на станции Барабинск, которая произошла по вине опытных, но не заинтересованных в своем деле железнодорожников. Через два месяца после опубликования статьи Заславской произошла чернобыльская трагедия. Причина — по советской официальной версии — в халатности (и рядовых инженеров, и руководителей самого высокого ранга). Причина — в их личной незаинтересованности в деле, в формализме, в стремлении любой ценой

«выполнить и перевыполнить» спущенные сверху задания. В качестве примера приведу газетную заметку под названием «Созвездие энергоблоков»:

«...Завершающий год одиннадцатой пятилетки был для Чернобыльской АЭС необычный — здесь действовали на полную мощность сразу все энергоблоки. Подобного еще не было за всю историю эксплуатации атомного богатства. Раньше ежегодно, согласно графику, хотя бы один из энергоблоков останавливали на плановый ремонт: он длился в зависимости от сложности от 15 до 80 суток. *Благодаря сокращению сроков ремонтов графики удалось совместить...*»

Газета «Известия» опубликовала эту заметку в январе 86-го, за четыре месяца до катастрофы в Чернобыле. Прошло еще три месяца, и мы узнаем о том, что затонул в Черном море пассажирский корабль «Адмирал Нахимов». Около 400 погибших. Сухогруз «Петр Васев» безо всякой, казалось бы, видимой причины врезался в пассажирское судно. Причина все та же: халатность. На сей раз — капитанов кораблей.

Что это — случайности или мистическое наваждение? Нет, конечно. Дело, мне кажется, в том, что люди на производстве просто разучились проявлять инициативу, самостоятельность, не умеют анализировать ситуацию. И не хотят уметь. Академик Заславская пишет в своей статье:

«Если жизненный опыт ...людей убеждает... в том, что инициатива чаще наказывается, чем поощряется, и наибольшего благополучия добиваются исполнительные, но не творческие работники, то... трудно ждать преобладания работников активного типа. Если основная масса трудящихся фактически не распоряжается средствами производства и не несет экономической ответственности за результаты труда, то вряд ли она будет проявлять хозяйское отношение к социалистической собственности.»

С этими словами нельзя не согласиться. Но возникает вопрос: «А можно ли собственность, которой не имеют права распоряжаться трудящиеся, назвать социалистической? Можно ли общество, где господствует такой тип собственности, именовать социализмом?» Нельзя, если следовать принципам марксистской идеологии. Ведь, согласно марксизму, социализм — это общество, где орудия и средства

производства находятся в руках трудящихся, а значит — они владеют и распоряжаются ими. В Советском Союзе, по признанию Заславской, сами эти трудящиеся приравниваются к средствам производства, к тому, чем они должны, в принципе, владеть. Иными словами, социализм в СССР не построен. Но дело даже не в этом. Главная беда в том, что человек для советских руководителей был, а во многом и по сей день остается, как блестяще продемонстрировала в своей статье академик Заславская, всего лишь объектом манипуляций.

Нынешняя экономическая структура создавалась в конце двадцатых — начале тридцатых годов, во время первых сталинских пятилеток. В стране еще была масса неграмотных, большинство рабочих едва умело писать, читать и считать. Очень высок был процент сельского населения, мало знакомого с основами современной цивилизации. Сегодня же на предприятия приходят люди со средним образованием. Очень много, вероятно больше, чем в любой другой стране, специалистов с высшим образованием. И дело не только в том, что это люди более квалифицированные. Как утверждает Заславская,

«более сложной стала система ценностных ориентаций людей, разнообразными — типы их личности. Сильнее индивидуализировалась структура потребностей и интересов, развилось правовое и личностное самосознание трудящихся...»

А чего же от людей требует производство? Прежде всего, чтобы они были послушными исполнителями. Но культурно и социально развитый человек — плохой объект для манипулирования. Он ищет возможности творчески проявить себя, а когда видит, что его самостоятельность никому не нужна и приносит ему лишь одни неприятности, теряет интерес к результатам своего труда и всего производства. Такой человек мог бы, возможно, и не имея моральной заинтересованности в работе, быть хорошим исполнителем, если бы его труд адекватно вознаграждался. Но и этого нет. Плохо ли, хорошо ли трудится работник — это практически никак не сказывается на его заработках. И он вынужден

выбирать между двумя стратегиями трудового поведения. Заславская пишет об этом:

«Первая (стратегия) выражается формулой „Максимум дохода ценою максимума труда” и характерна, например, для работников, занятых на семейном подряде в сельском хозяйстве, инициативных бригад сезонных строителей, владельцев крупных товарных личных хозяйств, артелей старателей в золотодобывающей промышленности и проч. Другая стратегия характеризуется формулой „Гарантированный доход ценой минимума труда”.

Здесь необходимо пояснение. Сферы деятельности, где человек мог бы работать с максимальной отдачей ради материальной выгоды, либо совсем отсутствуют в советском хозяйстве, либо до недавнего времени являлись незаконными. Большинство же людей следует скорее второму стратегическому принципу, т. е. старается получить гарантированный доход при минимальных усилиях. А недостаток материальных средств они часто пытаются восполнить за счет левых или, как их называет советская пресса, «нетрудовых» доходов. Результат — очень низкое качество работы на советских предприятиях плюс массовая коррупция и воровство.

Заславская пишет о сохраняющемся социальном неравенстве в стране и о том, что работники не имеют возможности трудиться в полную силу. Она приводит примеры:

«Рабочие, систематически простаивающие из-за отсутствия сырья, энергии, запчастей; учителя, не имеющие возможности преподавать так, как считают нужным и правильным; ученые, которым закрывают темы накануне их завершения; артисты, годами не получающие соответствующих их дарованиям ролей; инициативные хозяйственники, по рукам и ногам скованные запрещающими деловую активность инструкциями, работают ниже своих возможностей.»

Мы видим, что критика Заславской касается не только социальных, но и политических аспектов советской жизни. Не реализована, — считает Заславская, — и вторая часть принципа социализма: «Каждому по труду». Автор статьи предлагает и конкретные меры улучшения ситуации с учетом

интересов участников производства. Предложения эти разумны и могут дать положительный эффект. Однако по сути — это попытка изменения, пусть и к лучшему, системы *управления людьми*. Для того же, чтобы установились действительно гармоничные отношения между гражданином и государством, необходимо равноправие интересов общества и отдельной личности. Заславская это понимает и с сожалением констатирует, что сегодня

«чаще пишется о необходимости подчинения личных интересов общественным, чем об опыте интеграции названных интересов.»

Она признает, что советские граждане не могут удовлетворить свои потребности в «достоверной общественно-политической информации, политической и хозяйственной демократии, общественном уважении, .. интенсивной духовной жизни», что их свободному волеизъявлению препятствуют «бюрократическое рассмотрение заявлений и просьб трудящихся ...неправильное, заведомо предвзятое судопроизводство». Заславская пишет:

Укрепление социальной справедливости — это сложный социальный процесс, осуществляющийся через борьбу интересов разных общественных групп и слоев. В этих условиях особенно важно расширение возможностей трудовых коллективов, профессиональных и территориальных групп открыто выражать, обсуждать и отстаивать свои интересы.»

Право открыто выражать, обсуждать и отстаивать свои интересы. Не реализации ли прежде всего *этого* права добивались и добиваются правозащитники? Но до сих пор продолжаются репрессии против диссидентов. Уже при Горбачеве погибли в неволе выдающийся украинский поэт Василь Стус и активист независимого профсоюзного движения Марк Морозов. До сих пор власти не изменили своего отношения к правам человека.

Однако пренебрежительное отношение советских властей к личным правам граждан не может отрицательно не сказаться на социально-экономическом развитии государства. Сегодня руководители империи это почувствовали. Сегодня им недостаточно просто иметь «трудовые ресурсы»,

им нужен активный, самостоятельный участник производственного процесса. Еще не человек, но уже «человеческий фактор». Без него, как пишет Заславская, невозможно «ускорение социально-экономического развития». Мне кажется, подлинная перестройка невозможна до тех пор, пока человека, наконец, не научатся уважать просто как человека, как личность.

4. РАЗГОВОР ПОЧТИ ОТКРОВЕННЫЙ

13 августа «Литературная газета» опубликовала беседу собственного корреспондента Ирины Ришиной с известным советским писателем Чингизом Айтматовым.

Разговор получился *почти* откровенным. Айтматов беды страны воспринимает как свои собственные. На вопросы он пытается отвечать честно. И действительно — многое из сказанного во время этой беседы не могло быть опубликовано в советской печати всего лишь год назад. Отрадно, что сегодня это возможно.

И все же... Многое остается недоговоренным, не всегда писатель откровенен. Остается ощущение авторской самоцензуры, ощущение несвободы.

Разговор касался всех основных тем творчества писателя — национальные проблемы, духовно-религиозные искания, экология, возможность ядерной катастрофы. Хочу остановиться на одной из них.

«Если бы я выступил с трибуны, — рассказывает Айтматов о съезде писателей, — то говорил бы прежде всего о проблемах национальных... Эти вопросы для нас жизненно важны, поскольку наша страна федеративная, многонациональная...»

К сожалению, Айтматов на съезде не выступал — объясняет, что не успел подготовиться.

На первом при Горбачеве съезде советских писателей обсуждалось много очень важных литературных проблем. И все же одним из самых примечательных было событие, прямого отношения к проблемам художественного творчества, пожалуй, не имеющее. Речь идет о конфликте, возникшем на почве нерешенных межнациональных проблем.

Сергей Михалков в своем выступлении упрекнул известного русского писателя Виктора Астафьева в том, что тот в одном из своих последних рассказов «обидно и бестактно задевает национальные чувства братского народа». Представитель этого «братского» народа Георгий Цицишвили тут же подтвердил, что грузины действительно обиделись. Говорят, что грузинские писатели демонстративно покинули зал заседаний. Трудно сказать, как все в точности происходило, но важен факт: от имени редколлегии журнала «Наш современник», где был напечатан рассказ Астафьева «Ловля пескарей в Грузии», писатель Гавриил Троепольский публично, с трибуны съезда, извинился перед «дорогими товарищами из Грузии». Небывалый случай!

Надо сказать, что в своем рассказе Астафьев оскорбил не только грузин. О монголах, к примеру, он не постеснялся писать в откровенно расистском стиле:

«...ни доброй памяти, ни добрых, разумных дел — уж такое их назначение во все времена... в храме пьяные от кровавого разгула они посваивались раскосыми мордами в вонючее конское дерьмо...»

Нечто подобное писали люди из ведомства Геббельса о евреях.

Монголов на съезде некому было защищать, зато на защиту Астафьева бросился Валентин Распутин. Он и обоснование дал, почему грузин и прочих нерусских жителей Страны Советов русскому писателю обижать позволительно:

«...все мы, представители разных народов и национальностей, живем все вместе в одном, хоть и просторном, но общем доме. Кто-то из выступавших сказал здесь: в коммунальной квартире — и это так и есть... именно потому, что живем в одном доме и одной семьей и от недостатков любого из нас страдаем сообща.»

Грустно, что большому писателю, решительнее других защищавшему в своих романах право человека жить *своим* домом, а не в коммунальном бараке, не пришла в голову простая мысль: в коммуналке потому и нельзя жить, что один сосед там все время норовит навязать свои правила другому. Не пришла эта мысль, думаю, потому, что, хотя и

вспомнил Распутин коммуналку, в виду он имел вовсе не ее, а свой родной «русской дом». Плохо в таком доме русскому человеку или хорошо — это его дом. А для нерусского согражданина советско-российское государство — если не тюрьма, то, в лучшем случае, коммуналка, в которой он принужден жить, собственного дома не имея. Не замечают этого русские люди, даже лучшие из русских писателей. Глаза застит туман веками возвращаемой великодержавной идеологии. Идеологии русского национализма.

Айтматов, видимо, понимает сложность ситуации. Он осуждает и «высокомерие, равнодушие к другим, говорящим на иных языках» (т.е. попросту — великодержавный шовинизм), и проводимую в республиках русификацию:

«Во Фрунзе киргизских школ не прибавляется, а строится их сотни. Давно назрела пора открыть в столице республики детские сады с киргизским языком... ведь все это в современных условиях приобретает жизненно важное значение для народа. Что же это за национальная культура, которая не имеет своей базы?»

Сказано честно. Но здесь же оговорка: никто, мол, открытию киргизских детских садов и школ не препятствует. Т.е. русификация, хотя и происходит, но вовсе не принудительная. В это можно было бы, пожалуй, поверить, если бы Советский Союз не был государством централизованного планирования. Но мы знаем: отсутствие киргизских детских садов и школ *запланировано*, и у граждан республики нет иного выхода, как только отдавать своих детей в *русский* детсад, в *русскую* школу. Можно ли в этом случае утверждать, что развитию киргизской культуры никто не препятствует? Не верится что Айтматову незнакомы решения Ташкентской и других конференций самого высокого уровня — в вопросах образования сделать основной упор на обучение нерусских детей русскому языку за счет родного языка и общеобразовательных предметов. А если кто-то рискнет возражать против такой политики? «Тут же находятся люди, которые начинают рассматривать это как проявление национализма, узости взглядов», — говорит Айтматов, умалчивая, однако, о том, что каждого, кого

признают националистом, ожидает концлагерь и, возможно, смерть.

За сопротивление русификаторской политике Кремля были брошены в лагеря и там убиты выдающийся украинский поэт Василь Стус, правозащитники Юрий Куку, Валерий Марченко, Олекса Тихий, Юрий Литвин, Эдуард Арутюнян.

Как только появились признаки оттепели, подцензурные писатели забили тревогу. Выступая на пленуме СП Украины, один из самых талантливых современных украинских прозаиков Владимир Дрозд сказал:

Бывает время, когда молчать аморально, даже если такое молчание тебе выгодно. Мы бы совершили преступление перед будущими поколениями... если бы не произошло кардинальных изменений во всей нашей и духовной, и экономической, и общественной жизни. Пути назад нет. Наше отступление означало бы окончательно утрату веры в возможности социализма...

...На нашей совести и погубленные реки, и на десятилетия утраченные бесценные украинские черноземы, и безвозвратно разрушенные памятники отечественной истории...

...Время взглянуть правде в глаза и проанализировать, наконец, почему же нас мало читают. Можно обвинять читателя — мол, не дорос. Но разве не мы сами воспитывали такого читателя на протяжении десятилетий, предлагая ему подделку вместо художественности, полуправду вместо правды, убивая нем гражданина...

...Начинать, видимо, надо с тщательного пересмотра всех тех богатств, что создавались нашими предшественниками... Разве мало у нас таких имен, что мы очень уж нерасчетливо отдали классовым врагам или же просто забыли?

...Ответить на вопрос, почему нас мало читают, невозможно и без обращения к проблемам родного языка на Украине... Здесь нужны государственные решения, украинский язык должен стать элементарно необходимым в повседневной жизни, в театре, в науке, в вузах, — тогда не нужны будут и призывы. Даже обыватель сделает соответствующие выводы.

...Есть над чем поразмыслить и тем на кого равняются во многом широкие слои населения и кто в конце концов несет ответственность за сохранение культуры украинского народа

перед историей. Иначе наш язык вскоре станет на самом деле только писательским...

В ноябре прошлого года выступал Чингиз Айтматов на организованном западногерманскими коммунистами митинге в Мюнхене. Я спросил писателя, не считает ли он, что нынешняя национальная политика КПСС резко отлична от ленинской национальной политики времен образования СССР. Тогда, при Ленине, XII съезд партии подчеркивал: «разговоры о преимуществах русской культуры и выдвигание положений о неизбежности победы более высокой русской культуры над культурами более отсталых народов являются... попыткой закрепить господство великорусской национальности». Сегодня же откровенно провозглашается «особая» роль русского языка и русской культуры.

Отвечая на мой вопрос, Айтматов рассказал о том, в каком состоянии находилась киргизская культура до революции и как широко распространена сегодня в республике грамотность, сколько там сейчас школ (как мы теперь узнали — русских), газет, журналов, театров.

Прошло немногим более полугода, и вот я читаю в «Литературной газете» нечто совсем иное:

«Мы все еще (это слова Айтматова), обращаясь к состоянию национальных культур, вспоминаем, что были когда-то малограмотными, бесписьменными, и ссылаемся без конца на эти факты в своем осмыслении сегодняшней действительности... Нельзя уже ликовать по тому поводу, что все умеют читать и писать, что есть газеты, радио, телевидение, театры... Не надо изображать дело так, будто в наших национальных сферах все решено, и нет никаких проблем. Не надо приводить в качестве примеров эти элементарные вещи, не об этом следует теперь размышлять.»

Тогда в Мюнхене Айтматов такие вот элементарные примеры и приводил. Знаменательно, что сегодня он намерен обсуждать национальные проблемы всерьез. Кажется, киргизский писатель хорошо понимает, к чему может привести принудительная русификация и партийная линия на создание «единого советского народа». Айтматов подчеркивает:

«Я стою на том, чтобы было множество литературных языков, чтобы у них были основательные возможности существовать и развиваться. Бессмертие народа — в его языке.»

А как же с единым советским народом? Ведь у единого народа должен быть единый язык. Айтматов чувствует противоречие. И он отступает, в качестве выхода из положения предлагая двуязычие — свободное владение русским языком и своим родным. Как бы не замечает писатель, что условия для развития языков не равны, что в едином централизованном государстве, с единой плановой экономикой его родной киргизский язык, в отличие от русского, очень быстро утратит свою социальную функцию.*

А без социальной функции (марксисту Айтматову это должно быть известно) язык неминуемо погибнет. Одновременно (если бессмертие народа — в языке) погибнет и нация.

Не равнодушен Айтматов к судьбе киргизского и других нерусских народов, хочет он им помочь, да не свободен. Не только в поступках, но и в мыслях. И потому не знает (или делает вид, что не знает) решения, которое в общем-то увидеть несложно и которое не противоречит социалистическим идеалам Чингиза Айтматова, — добиваться, как минимум, чтобы СССР был не империей с единым центром и провинциями, а федерацией или, точнее, союзом *независимых* республик. Такое решение пошло бы на пользу и русскому народу — смог бы он, наконец, избавиться от ненужного ему бремени советского империализма, гонки вооружений, афганской войны, так называемой «братской помощи» тем, кто в ней не нуждается, и, как сказал Солженицын, «перестав пригреть державною рукою соседей, желающих жить вольно и сами по себе», начал приводить в порядок свой собственный русский дом.

---

* Ср.: Лишь 5% Молдавии желает обучать своих детей в молдавских школах, причем среди молодых этот процент еще ниже — менее 3 (Социально-культурный облик советских наций. «Наука», М., 1986, с. 310).

5. БОРЬБА ЗА МЕНЬШУЮ НЕСВОБОДУ

Самым популярным в разговорах о реформах в прошлом году было слово «хозрасчет». Да еще слова «рентабельность», «подряд» (бригадный или семейный), «интенсификация производства» и тому подобные хозяйственные термины. Сегодня ключевое слово — «гласность». Оно постоянно звучит в выступлениях руководителей государства, в газетных статьях, в художественных произведениях, повсюду.

Безусловно, только подлинная гласность способна обеспечить успех реформ, в том числе и хозяйственных. Гласность — самое надежное средство против коррупции, бюрократизма, злоупотребления властью. Гласность — это и необходимый элемент развития общественной жизни в стране, и неперемнное условие общественного контроля за политическими и экономическими сферами жизнедеятельности советского государства. Без гласности нельзя ожидать ни активного участия советских людей в управлении делами общества и государства, на которое рассчитывает Горбачев, ни проявления творческой инициативы людей, необходимой для того, чтобы перестройка, наконец, стала реальностью.

В начале 1986 года советские творческие работники попытались добиться для себя большей свободы, точнее — меньшей степени несвободы. В необычайно острых дискуссиях проходили съезды творческих союзов в республиках и, особенно, всесоюзные съезды писателей и кинематографистов.

Летом в Париже советский поэт Евгений Евтушенко дал интервью газете «Либерасьон», в котором, отрицая, что все перемены в Советском Союзе происходят «по указке из Кремля», заявил: многое изменяется к лучшему, «благодаря неутомимой деятельности писателей». Конечно, этим высказыванием Евтушенко хотел привлечь дополнительное внимание к себе как одному из лидеров писательской оппозиции — набивал себе цену. Но доля правды в том, что говорил популярный советский поэт, безусловно есть. Наверняка, инициатива в борьбе за уровень официально дозволенного исходила от художников, а не партийных деятелей.

Всесоюзный съезд Союза кинематографистов кто-то из «киношников» назвал «нашей Польшей, нашей Чехословакией». Создается впечатление, что все происходящее там было неожиданным даже для министерства культуры и покровителей муз из ЦК. Почти никто из асов соцреализма не попал в руководящие органы Союза кинематографистов, а самый, пожалуй, влиятельный «орденоносец» — Сергей Бондарчук — не был даже избран делегатом на съезд. Возглавил организацию относительно молодой, но хорошо известный в стране и на Западе режиссер Элем Климов, чьи фильмы годами не имели доступа на экран. Новое руководство создало конфликтную комиссию для выяснения вопроса о судьбе ранее запрещенных фильмов. В беседе с корреспондентом «Советской культуры» Элем Климов говорил о ситуации в кино в предшествующие десятилетия:

«Смонтировать бы сейчас все вырезанные эпизоды из всех фильмов за эти годы, не только моих, конечно, вот был бы комментарий к работе нынешних комиссий Союза кинематографистов! И смешно, и наглядно. И грустно ...Шукшин не снял своего Разина, Панфилов не снял Жанну д'Арк; а иные режиссеры, не увидев на экране свой фильм, с годами вообще уверовали, что успех и художественная ценность вообще не обязательно должны совпадать.»

Целый ряд ранее запрещенных фильмов уже выходит на экран, два из них — «Мой друг Иван Лапшин» талантливого режиссера Алексея Германа и очень искреннюю картину «Чучело» Ролана Быкова — мне удалось посмотреть. На мюнхенском кинопразднике, помимо «Ивана Лапшина», советское кино было представлено фильмом недавно умершей Динары Асадовой «Мой дорогой, любимый, единственный» в котором авторы (сценарист и режиссер) ставят серьезные этические проблемы, остросатирической лентой грузина Георгия Шенгелая «Голубые горы...» и лирической картиной украинского режиссера Михаила Беликова «Как молоды мы были». Да еще в разделе ретроспекции был показан фильм «Летят журавли» — одна из лучших картин времен «хрущевской оттепели». Символично.

И гости — Эдуард Володарский и Михаил Беликов —

разговаривали со зрителями гораздо свободнее, чем позволялось раньше советским посланцам за рубежом. После демонстрации фильма «Как молоды мы были» режиссер Беликов отвечал на вопросы.

Вопрос: Вас на недавнем съезде Союза кинематографистов в Москве избрали в секретариат Союза. На съезде, как кажется, были приняты очень важные решения. Полагаете ли Вы, что теперь начнется новая эра в советском кино?

Ответ: Я не идеализирую ситуацию. Но очевидно, что многое меняется. Приведу несколько примеров. Год назад невозможно было представить, чтобы на экран вышел фильм Алексея Германа «Мой друг Иван Лапшин». А сейчас он вышел, и Вы могли его увидеть здесь на кинопразднике в Мюнхене. Выходит фильм Ларисы Шепитько, долго лежавший на полке; и «Тема» Панфилова, «Чучело» Быкова, фильмы Андрея Смирнова, Киры Муратовой..

Вопрос: И фильмы Сергея Параджанова?

Ответ: Да. Один фильм Параджанова уже вышел, и его показывали за границей. Сейчас Параджанов снимает на студии «Грузия-фильм». Снимает в стиле грузинских национальных традиций, что очень интересно. Есть и другие примеры.

Вопрос: Как обстоят дела в украинском кино и в украинской литературе.

Ответ: Сейчас прошли два съезда — союзов писателей и кинематографистов Украины. И надо сказать, что руководство обеими организациями обновилось чуть ли не на 90%. Я вижу хорошие перспективы в украинском кино. Выходят на экран и ставятся новые фильмы молодых режиссеров. Прежде всего молодых. Очень интересен фильм Романа Балаяна «Полеты во сне и наяву». Вот-вот выйдет на экран еще один его фильм, который Вы, наверняка, тоже увидите — «Храни меня, мой талисман». Интересный фильм ставит режиссер Михаил Ильенко. Сейчас много молодых и талантливых режиссеров получили возможность ставить фильмы. Что интересно им сейчас дают постановку сразу же после окончания института.

В литературе не совсем так. Украинская литература — это, прежде всего, поэзия. Это такие талантливые поэты как Микола Винграновский, Иван Драч, Лина Костенко...

Вопрос: И Васыль Стус?!

Ответ: Да, и Стус.

Вопрос: Знаете ли Вы о гибели Васыля Стуса?

Ответ: Нет, не знаю (опускает голову). В прозе ситуация несколько иная. Любопытно, что появились молодые прозаики, молодые драматурги, которые предпочитают идти работать в кинодраматургию, в кино.

Вопрос: А как обстоит дело с украинским языком в украинском кино?

Ответ: На студии Довженко принято так: если украинская классика — на украинском языке, и если действие фильма в Карпатах — то же. Если сюжет из военных лет — говорят, как в жизни, каждый на своем родном языке. В любом случае каждый фильм студии Довженко имеет и украинскую редакцию.

Вопрос: Сможем ли мы на Западе увидеть советские фильмы не только на фестивалях?

Ответ: Очень хочу надеяться. Думаю, все будет зависеть от художественных достоинств фильма, от профессиональных достоинств режиссера и актеров. Раньше на первом месте всегда была тема, сейчас самое важное — чтобы фильм был художественно качественным.

Вопрос: Создана комиссия по разбору недостатков советского кино. Каковы перспективы ее работы?

Ответ: Такой комиссии еще нет. Было бы хорошо, чтобы она была создана. Есть конфликтная комиссия — художественный совет, который решает вопросы, связанные с выходом на экран фильмов, до того лежавших на полке. Я должен сказать, что абсолютно все фильмы, в художественном отношении качественные, вышли или выйдут на экраны.

Вопрос: Какие у Вас лично художественные проблемы?

Ответ: Проблема узнаваемости. Это такой стиль. И у Германа то же. И у других. Мы ищем типажи — как в жизни, какими были люди в те времена, о которых снимается фильм. Мы хотим передать правду жизни, жизненные типы, жизненные отношения.

Вопрос: Как Вы оцениваете критическую статью Алексея Германа в Литературной газете?

Ответ: Это очень интересная статья. И факт ее публикации в «Литературной газете» - свидетельство того, что мы начинаем откровенно обсуждать проблемы и недостатки нашего кино.

Вопрос: Выходят ли фильмы с критикой сталинских времен?

Ответ: Сейчас на «Грузия-фильм» снимается картина о сыне Сталина Якове. О тридцатых-сороковых годах. Очень своеобразный и довольно смелый фильм.

В общем, я надеюсь на возрождение советского кино.

Это было летом, а осенью в Грузии и в Москве показывали пролежавший два или три года на полке антисталинский, антитоталитаристский фильм Тенгиза Абуладзе «Покаяние» — фильм, который, по мнению известного литературного критика Владимира Лакшина, должен стать «заметной вехой для советского и всего мирового кинематографа».

Оживление культурной жизни в Советском Союзе сегодня очевидно. Публикуются романы и повести Залыгина, Дудинцева, Стругацких, Распутина, Астафьева, Белова, Быкова, Адамовича, Айтматова, Бека, которые не могли бы попасть к читателю год-два назад; издается ранее запрещенный Гумилев; готовится к печати «Защита Лужина» Набокова; вероятно, появится «Доктор Живаго» Пастернака.

В театре Ленинского комсомола идет пьеса Михаила Шатрова «Диктатура совести», в центре которой «суд над Лениным». Зрители в зале записывают. Откровенно отрицательный персонаж, бывший коммунист и «герой революции» Андре Марти так излагает свое понимание сути коммунистической власти:

«Если освободиться от пропагандистской шелухи слов, которыми мы научились покрывать суть проблемы, то

скажем прямо: не массы, не класс, а партия, точнее ее аппарат, еще точнее, ее руководители — вот живое воплощение революционной идеи в истории. А честь, совесть, ум индивидуума — кого и когда это волновало? Насилие... это повивальная бабка истории, говорил нам Маркс.»

Много новых, экспериментальных театров. По-иному ставят сегодня Михаила Булгакова. Интересны пьесы Петрушевской, Славкина и других драматургов новой, поствампировской, волны, — о повседневном быте «маленького» человека, о сложностях его взаимоотношений с «близкими» — родными, соседями, о проблемах, которые с вершин державной власти кажутся бесконечно малыми, но для человека часто оборачиваются трагедией...

Здесь остановимся. Как раз пьесы «поствампировцев» советским чиновникам не по нраву. Только-только успели сказать свое «полусвободное» слово, как их начали пугать запретами и учить что и как следует говорить.

Августовский номер журнала «Театр» начинается статьей секретаря ЦК, члена Политбюро Лигачева с красивым названием «Нам нужна полная правда». Название никого не должно смущать — вовсе не о правде беспокоится товарищ Лигачев. Он наставляет художников на путь истинный:

«...обидно и больно, когда появляются спектакли и фильмы, где наша жизнь предстает узким мирком, как бы подсмотренным в замочную скважину...

Надо вести дело так, чтобы в литературе и искусстве критика... была пронизана социальным оптимизмом, верой в силу партии и советского народа. Литература, искусство *должны звать людей на труд, на подвиг во имя Родины, во имя коммунизма*».

Вот так понимает Лигачев «полную правду». Приглашает говорить все как есть, но только в рамках социалистического реализма, которому *правда* противопоказана. Словесная эквилибристика.

И все же — сохраним надежду. Ведь герои пьесы «Диктатура совести» еще имеют возможность произносить

открыто, со сцены столичного театра, слова:

«Правда не должна зависеть от воли того, кому она будет служить.»

ноябрь, 1986 г.

Новая книга:

ИГОРЬ ПОМЕРАНЦЕВ

АЛЬБЫ И СЕРЕНАДЫ

Сборник рассказов, в которых события и мотивировки диктуются не топографией и хронологией, а литературной школой и языковыми пристрастиями автора. Большинство рассказов, включенных в сборник, переведены на английский и передавались британским Радио-3 Би-Би-Си.

RUSSIAN ROULETTE PRESS LTD.

8A Rochester Terrace.

London, NW1 9 JN.

Ц. - £ 5.0

ВОЗМОЖНА ЛИ ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ СОВЕТСКОГО РЕЖИМА?

С того времени, как Горбачев начал проявлять намерение проводить либеральные реформы, не утихают споры о том, возможно ли в принципе демократизировать существующий в СССР режим?

В русской политической эмиграции, судя по прессе, большинство считает, что реформировать систему невозможно. В крайнем случае допускается, что Горбачеву может быть удастся создать какой-то русский вариант венгерского «гуляшного коммунизма».

Цель этой статьи показать, что это не так, что существующий в СССР режим допускает возможность демократизации мирным путем и сверху. Как возможно и создание здоровой и эффективной экономики без воссоздания капитализма.

Очень трудно всего этого добиться, но можно. Другое дело, что в итоге, на мой взгляд, строй этот будет уже иным. Из государственного, тоталитарного социализма превратится в социализм демократический, базирующийся на самоуправлении трудовых коллективов (как преимущественной формации). Строй этот будет представлять собой синтез по отношению к капитализму и тоталитарному социализму.

Что же касается половинчатых реформ типа НЭПа или венгерского НЭМа, то вот их-то как раз, я думаю, в СССР провести теперь невозможно. Т.е. провести-то можно, но положительного эффекта они не дадут, лишь приведут к серьезной дестабилизации положения, к опасности взрыва насилия и кровопролития.

Впервые я постарался это показать в 1975 г. в статье *«Письмо к будущим вождям СССР. Альтернатива предложениям Со.лженицына»**

---

* См. Сборник «СССР—Демократические альтернативы», Ахберг. ФРГ.

Основных положений этого «Письма» я придерживаюсь и по сей день, и они положены в основу данной статьи, наряду с новыми тезисами.

Объективные преграды

Посмотрим, какие преграды лежат ни пути проведения серьезных демократических реформ в СССР.

Прежде всего отметим, что распространенное мнение о страхе советских вождей за свою власть как о главной преграде на пути к демократическим преобразованиям — представляется слишком упрощенным. Власть Дубчека и его сподвижников, к примеру, фактически лишь окрепла в процессе демократизации во время Пражской весны за счет мощной поддержки общественности. Ее пришлось сокращать с помощью «братских» танков.

Другое дело — страх перед демократическими реформами чиновников среднего уровня: руководителей обкомов, горкомов, министерств, главков и т. п. Он реально обоснован, так как при проведении демократических реформ функции среднего уровня руководства начнут резко сокращаться.

Еще более несерьезным представляется мнение, что руководители партии не ведают о том, что творится в стране. В конкретных случаях подчиненные, разумеется, пытаются обманывать их, и наверху узнают о печальных событиях или опасных тенденциях с запозданием, но — узнают. И, как правило, полнее и раньше, чем общественность страны и мира.

Убежден я и в том, что руководители, или хотя бы часть из них, не могут в силу своего положения у руля великого государства не испытывать тревоги за ситуацию в стране и не чувствовать своей ответственности.

Что же тогда мешало им до сих пор проводить серьезные демократические реформы?

1976. Отдельно напечатана: «Український самостійник» N 209, 75, Мюнхен; «Partisan Review» N 2, 75, Нью-Йорк; «Politique Aujourd'hui», июль 75 г., Париж; «Mondoperaio», август 75, Рим, «Listy-blatter» N 4, 5, 7. 75-76 гг. Франкфурт/М.

Прежде всего — это именно их осведомленность о том, как плохо, тяжело живут люди! Они, наверняка, боятся, что при первых же послаблениях, в самом начале реформ недовольство вырвется наружу и приведет к взрыву, как то часто и случалось в истории, когда реформы затевались слишком поздно.

Получается в итоге парадоксальное положение: первая причина, требующая демократизации, — тяжелейшие условия жизни в стране — является и первой объективной преградой на пути проведения демократических реформ.

Прежние руководители страны, Хрушев, Брежнев, пытались начинать с реформы экономики, чтобы потом, возможно, когда люди станут уже жить лучше, богаче, подумать и о демократизации. Но из этого, разумеется, ничего не получалось. В СССР экономические и демократические реформы надо проводить одновременно. В этом проявляется отличие СССР от Венгрии или Китая. В Советском Союзе значительно дальше зашли негативные последствия тоталитарного социализма — гипертрофия промышленности средств производства (группа «А»), бюрократизма (и самого сословия бюрократов), военной промышленности, которая вместе с нерентабельной группой «А» высасывает капиталы и рабочую силу (лучшую!) из всех других сфер народного хозяйства. Больше накопилось неверия в способность и желание властей серьезно изменить положение (очень важный момент!). Сильнее подорвано плодородие земли и значительно многочисленнее при этом городское население (в СССР — 65,6%, в Венгрии — 54%, в Китае — менее 20% населения, как в СССР при НЭПе!).

В результате, крестьянство не в состоянии удовлетворительно кормить городское население без эффективной помощи со стороны города — промышленности и науки, вне зависимости от того, какая система хозяйствования будет установлена в сельском хозяйстве.

Уже в Польше крестьянство, при единоличной системе(!) не в состоянии прокормить города. Польша по перечисленным выше последствиям тоталитаризма занимает промежуточное место между СССР и Венгрией (или Китаем).*

---

* Подробнее я пишу об этом в статье «Перспективы Горбачева»

Так вот, руководители СССР, зная это (и то, как тяжело живут люди в стране), боятся, видимо, проводить серьезные демократические реформы.

Играет тут, между прочим, роль и народофобия. Жорж Бартоли в своей книге «Смерть Сталина» рассказывает о беседе одного западного журналиста с Косыгиным. Когда этот журнал осторожно высказал мнение, что страна нуждается в демократизации, Косыгин в волнении воскликнул: «Вы с ума сошли! Наши русаки тут же передушили бы друг друга!»

Но, вероятно, самая серьезная преграда на пути к демократическим преобразованиям сверху — это страх руководителей партии, сосредоточенных в Политбюро ЦК, перед кадрами среднего уровня, входящими в состав ЦК. В послесталинское время эти кадры стали силой, и силой — консервативной. Они «функционально» испытывают тревогу только за свои кресла: надежд сохранить эти кресла при демократизации у них, как мы отмечали, очень мало. И тут гипотетическим реформаторам в Политбюро ЦК не помогут никакие чистки и перестановки, никакое выдвижение новых, «своих» людей. «Своими» они будут оставаться только до того момента, пока их посты не окажутся под угрозой сокращения.

И эта последняя преграда — средний слой «номенклатуры» — стоит на пути самых первых шагов к демократическим преобразованиям. Потенциальный советский Дубчек должен опасаться, что он будет устранен, и может быть даже физически, как только проявит свои намерения. Не говоря уж о том, какое мощное сопротивление реформам будет оказываться на местах.

Положение невеселое, и все же, повторим, теоретически не безнадежное.

Первый шаг — демократизация ЦК

В партии имеется большой слой людей, жизненно заинтересованных в демократизации. Это *рядовые* предста-

реформагора» («Панорама» N 260-61. Лос-Анджелес, 1986 г. и «Листы» N 4, 1986 г., Рим.)

вители заводской и научно-технической интеллигенции: инженеры, рабочие, техники, научные работники. Они не имеют особых привилегий и страдают от некачественности жизни, бюрократической анархии и произвола не меньше, чем все остальные советские люди. К ним примыкают, как мы уже говорили, и многие инициативные «менеджеры» предприятий и учреждений, которые тоже задыхаются в атмосфере «всеобщей централизации».

Так вот, для успешного проведения первых и самых опасных шагов к серьезным демократическим реформам необходимо, на мой взгляд, чтобы эти шаги, во-первых, сразу же дали реформаторам возможность опереться на представителей научно-технического и инженерно-рабочего слоя, т. е. дали бы возможность втянуть их представителей на вершину власти — в партийный парламент, в ЦК, и, во-вторых, активизировали бы общественность страны, вселили бы надежду, веру в серьезность намерений властей. Ведь без помощи общества не обойтись. И нужны очень серьезные меры, шаги, чтобы пробить толщу накопившегося в людях скепсиса, неверия в способность и желание властей провести настоящие, серьезные реформы. Одновременно такие шаги уменьшили бы и опасность возникновения острой конфронтации с обществом, опасность взрыва.

Но возможны ли подобные «шаги» в принципе, теоретически?

Возможны! И первый из них предложил в свое время... Ленин.

Я имею в виду категорическую рекомендацию Ленина в его «Завещании» о необходимости (тогда, главным образом, для спасения партии и страны от междоусобицы вождей) ввести в состав ЦК с правом *решающего голоса* 100 простых рабочих (что составило бы тогда примерно половину численности членов ЦК), не занимавших до того никаких руководящих советских и партийных постов, ибо они должны были бы бороться именно с теми тенденциями, которые сложились среди людей, занимающих посты.

Гипотетический вождь-реформатор всегда может объявить в удобную минуту, что пришла пора осуществить еще ряд заветов Ленина, и прежде всего упомянутую выше меру,

для развития советской демократии, борьбы с бюрократизмом и оздоровления экономики.

Разумеется, в конце XX века в обсуждаемый ленинский пункт надо внести поправку, расширение: выдвигать в ЦК не только рабочих, но инженеров и ученых. И конечно, они должны выдвигаться не местным начальством, а их партийными коллективами с помощью демократической процедуры: тайным голосованием при неограниченном числе кандидатов. Число таких новых членов должно составлять не менее 50% общего состава ЦК.

Одновременно, конечно, необходимо призвать к реализации и еще одного важнейшего условия, о котором тоже много говорил Ленин, — внести гласность в работу ЦК и правительства. (Нас сейчас совершенно не интересует, насколько искренне хотел этого Ленин). Горбачев же, например, пока говорит о гласности в жизни страны, но не конкретно в работе ЦК, Политбюро и правительства.

Иных читателей, особенно вне Советского Союза, может смутить то обстоятельство, что избирать людей в ЦК придется только партийных. Но в СССР (в отличие от социалистических стран Восточной Европы) рядовые члены партии, повторим, в инженерно-рабочей и научной среде мало чем отличаются от остальных людей из этих слоев. При тайном голосовании за неограниченное число кандидатов, понимая значение такой нешуточной, революционной меры, как выборы прямо в ЦК, люди стали бы отдавать свои голоса за самых честных и толковых кандидатов.

И если бы были проведены довыборы новых членов ЦК, все дальнейшие шаги, думается, сделать было бы уже много проще. Появилась бы почва под ногами. Первый предлагаемый шаг представляется необратимым. Марксизм канонизирован, Ленин возведен в божество, и вряд ли кто-нибудь осмелится поднять руку против предложения реализовать важнейший пункт ленинского завещания. Переворот или физическая расправа с реформаторами сделались бы слишком рискованным делом. Путчистам пришлось бы откровенно пойти против Ленина. Они вынуждены были бы понять, что своим переворотом они окончательно уничтожат, «отменят» ленинизм и тем самым обрекут режим и самих себя.

Вслед за довыборами в ЦК необходимо было бы, конечно, провести подобные же довыборы по ленинскому принципу «ста рабочих» во все органы власти. И производить их надо было бы опять же по производственно-профессиональному принципу (как в первых Советах!), а не по территориальному, что в условиях однопартийной системы представляет собой издевку над избирателями, вынужденными голосовать за неизвестных им людей.

Второй шаг — курс на самоуправление

Вторым важнейшим шагом видится объявление курса на введение самоуправления трудовых коллективов предприятий и учреждений (способных работать на коммерческой основе) и создание необходимых сопутствующих условий: полной их экономической автономии от государства и свободы рыночной конкуренции между ними.* Этого шага Ленин уже не предлагал, но его предлагает жизнь и опыт массовых движений в Венгрии (в 56 г.), Чехословакии (в 68 г.) и в Польше (в 81 г.).

Самоуправление — это значит введение демократии внутрь предприятий и учреждений. Дирекция в этом случае будет представлять собой избираемую коллективом из своих специалистов (или нанимаемую по конкурсу со стороны) исполнительную власть, а Совет коллектива (Рабочий Совет) — власть законодательную. Одновременно он будет органом контроля *хозяев* — коллектива предприятия (учреждения) — над администрацией, наподобие наблюдательного совета акционеров в капиталистическом обществе.

---

* Строй самоуправления предполагает и свободу создания частных и кооперативных предприятий (любого размера и в любой отрасли), но государственные предприятия и учреждения, как правило, должны передаваться в собственность и управление их коллективам. За государством должны оставаться те отрасли, в которых необходима централизация и затруднена или невозможна конкуренция. Например, энергетика, связь. Государство, на мой взгляд, должно также финансировать создание новых предприятий, передавая их в собственность и управление новым коллективам. Это закроет путь к преобразению системы в архаический анархистский капитализм, несовместимый с современным уровнем развития производительных сил.

Напомню в этой связи очень емкое и точное заявление 36 видных польских ученых — экономистов, социологов, юристов, — которые в мае 1983 г. призвали польские власти провести в жизнь неурезанное законодательство о введении самоуправления, принятое Сеймом в октябре 1981 г. Обосновывая свой призыв, ученые писали:

«После многочисленных неудач при проведении экономических реформ в послевоенной Польше мы убедились, что успех на этом поприще могут обеспечить только система самоуправления, возглавляемая Советами трудящихся, экономическая независимость предприятий от государства и независимые плюралистические профсоюзы. Органы самоуправления трудящихся должны быть движущей силой экономических реформ. Они должны быть силой, способной сломить сопротивление бюрократического аппарата проведению реформ.»

Обращение заканчивается следующими словами:

«Мы убеждены, что общественное самоуправление во всех его формах является самым важным инструментом объединения польского общества. Никто не имеет права лишать общество этого инструмента, необходимого для поддержания общественных связей и развития у трудящихся чувства ответственности за судьбы страны и собственную трудовую деятельность.»

Добавим к этому, что на основе самоуправления и свободного рынка можно будет уменьшить гипертрофию промышленности средств производства и сделать ее рентабельной, чтобы она перестала сидеть паразитом на остальных сферах экономики. Самоуправляющиеся, коллективам принадлежащие предприятия на Западе, в том числе и в США, оказываются рентабельнее капиталистических!

Кроме того, введение самоуправления в СССР представляет собой и самую серьезную гарантию от срыва в хаос и насилие. Ведь предоставление администрации предприятий независимости в ведении дел, без хозяйского контроля коллектива, вызовет взрыв коррупции и злоупотреблений администраторов, их лихорадочное обогащение и одновременное усиление эксплуатации рабочих, приведет к тому,

что можно назвать «капитализмом директоров». Все это будет, естественно, вызывать растущее возмущение рядовых трудящихся. Плюс к этому сопротивление и произвол среднего звена номенклатуры — и вероятность срыва в насилие будет очень велика.

В русской среде, к сожалению, почти неизвестно о том, какое возмущение пресловутый НЭМ вызывал у многих венгерских рабочих. Возмущение вызывало своекорыстие администрации, усиление эксплуатации и социальных контрастов и многое другое. При этом, как сейчас выяснилось, администраторы, обеспечив себе роскошную жизнь, не создали эффективной и рентабельной промышленности. Некоторое оживление промышленности, как и в Польше при Гереке, оказалось временным и во многом объяснялось также обильными займами на Западе, сумма которых достигла сейчас, в расчете на душу населения, польского масштаба, и не хватает уже твердой валюты для выплат по займам. В Венгрии сейчас наблюдается самое резкое в Восточной Европе снижение роста производства.

Но Венгрия, как мы уже отмечали, не Россия! Все упомянутые противоречия и причины для возмущения в России будут проявляться значительно сильнее. В Венгрии НЭМ позволил хотя бы несколько улучшить продовольственное положение. В советских же условиях и этого не будет! В силу все тех же различий между Венгрией и СССР, о которых мы говорили в начале статьи.

Обсуждая необходимость введения самоуправления в СССР, мы имеем в виду, естественно, не немедленное введение полного самоуправления, с автономией и свободным рынком, а поэтапное, постепенное, хотя и не слишком медленное. Однако правозглашение курса на полное самоуправление, первые шаги к нему, интенсивная кампания разъяснения и обучения должны быть начаты как можно раньше.

В ходе этой кампании в демократических условиях выявится и отношение народа к самоуправлению. Перед введением полного самоуправления возможно проведение и референдума. Но трудно сомневаться в том, что большинство будет за самоуправление. После выступления за

самоуправление венгров (в 56 г.), чехов и словаков (в 68 г.) и поляков (в 81 г.) сомневаться в этом не приходится. Особенно показателен пример Польши, где движение началось (в 80 г.), казалось бы, снизу и справа, но вскоре все равно пришло к борьбе за самоуправление.*

Горбачев, судя по анонимной записи его беседы с писателями (19 июня 86 г.) сказал: «Если мы не втянем народ, ничего не получится. Все наши расчеты на то, чтобы повлиять на народ.»

Однако одним внушением, что люди «теперь хозяева», игрой в хозяев, без провозглашения и поэтапного введения подлинного самоуправления, — народ, нынешний многоопытный советский народ «втянуть», т.е. побудить к хозяйской добросовестности, вряд ли удастся.

*

После проведения в жизнь ленинского принципа «старобочих» и провозглашения курса на самоуправление (и первых шагов к нему) можно уже смело проводить и остальные фундаментальные демократические реформы.

Опыт Чехословакии (68 г.), Польши (81-82 г.) и нашего правозащитного движения позволяет нам лучше представить себе объем и очередность проведения таких реформ.

Первое — это, конечно, освобождение политических заключенных и перестройка всей деятельности КГБ в соответствии с конституцией.

Далее — сумма мер по отделению партии от государства и демократизации партии, в частности, допущение фракций в партии.

Освобождение профсоюзов от партийно-государственного контроля и свобода создания новых профсоюзов, а также и любых других самостоятельных общественных организаций, не преследующих антиконституционных целей. Законодательное утверждение и регулирование права на забастовку.

---

*Самоуправление может не привиться на первых порах у южных или среднеазиатских народов СССР, и они, конечно, должны будут иметь возможность устроить свою жизнь по-своему.

Что касается создания политических партий, способных и правомочных участвовать в борьбе за власть, то при реалистическом подходе ясно, что в СССР это может быть лишь делом дальней перспективы. Для начала вполне будет достаточно свободы фракций в КПСС вкупе со всеми другими реформами.

Следующий шаг — ликвидация цензуры и предоставление гражданам права на создание независимых (профсоюзных, кооперативных) органов информации и издательств.

Приведение законодательства в соответствие с нормами международного права. Отказ от расширительного толкования законов. Реформа суда — обеспечение его независимости. Расширение состава и полномочий народных заседателей. Участие адвоката в деле с момента ареста или предъявления обвинения.

Национальный вопрос.

Последовательное предоставление большей самостоятельности республикам. Говорить о немедленном отделении республик на этапе реформ так же нереалистично, как и о многопартийной системе. Это дело будущего.

Гарантии культурной автономии для всех народов с выделением средств для этого. Прекращение русификации и дискриминации национальных меньшинств России и народов других союзных республик. Предоставление права проживания в родных местах крымским татарам и русским немцам.

Свобода выезда и возвращения в страну для всех национальностей. Введение республиканского, а не всесоюзного гражданства и одновременная ликвидация в паспортах и анкетах пункта «национальность».

Специальное осуждение антисемитизма как особо опасного средства разобщения и закабаления общества. Характерно, что еще ни один из либеральных советских вождей, начиная с Маленкова и Хрущева и кончая Горбачевым, не осудил антисемитизма, насаждаемого в стране со сталинских времен.

*

В заключение подчеркну, что я отнюдь не считаю описанный путь делом легким и предначертанным стране в ближайшем будущем. Более того, я боюсь, что настоящая демократизация в Советском Союзе вряд ли может начаться без мощного давления снизу, давления польского типа и такой силы, когда страх власть имущих за свою жизнь превысит их страх за свою власть.

Однако, вне зависимости от того, каковы шансы для предложенной схемы воплотиться в жизнь, она, дает ориентир и надежду. Одно дело, когда выхода, решения не существует даже в принципе (как, скажем, решения задачи перпетуум-мобиле), другое дело, когда решение возможно. Осознание этого избавляет нас от чувства безнадежности и может усилить давление общества на власть.

ПОСЛЕСЛОВИЕ — НЕСКОЛЬКО ВОПРОСОВ ЮРИЮ ОРЛОВУ

После того, как я написал эту статью, «Русская мысль» (31. 10. 86) опубликовала интервью с Юрием Орловым.

В этом интервью Орлов, четко выступая за демократический социализм, в то же время говорит, что, с его точки зрения, самоуправление для России не подойдет. В России, считает он, необходимо лишь допустить, чтобы «руководители промышленности имели свободу экономического и всякого другого маневра. Назначаться они должны и контролироваться, — поясняет Орлов, — не партией, а каким-то демократическим механизмом — совет директоров и тому подобное.» «Поляки (сторонники самоуправления), — говорит далее Орлов, — хотели выдвигать директоров из своей среды (из среды трудового коллектива)... В русской системе это не пойдет. У нас возможно лишь одно: одни руководят, другие — защищаются.» Т.е. с помощью профсоюзов, очевидно.

Эти высказывания глубоко мною уважаемого Юрия Орлова меня огорчили. Хочется спросить его:

— А советы директоров кто будет назначать?

Всегда и везде это делали хозяева. Но при социализме возможны только два хозяина: либо государство, партия (это тоталитарный социализм), либо трудовой коллектив (социализм демократический).

— И почему для России не подходит самоуправление?

Самоуправляющиеся предприятия, принадлежащие трудовым коллективам, преуспевают в таких разных странах как США и Испания, Швейцария и Германия, по всем экономическим показателям превосходят предприятия капиталистические (потому и живут!). — А в России это невозможно? Разве не процветали в России кооперативные предприятия при НЭПе? В том числе и товарищества по совместной обработке земли — ТОЗы? А прекрасная работа бригад «шабашников»?

Реформаторы из штаба Горбачева говорят: «Хозяйственное самоуправление стучится со всех сторон.» (Ф. Бурацкий. Разговор начистоту, «Литературная газета», 1. 10. 86.) А среди наших диссидентов даже такой убежденный сторонник демократического социализма как Орлов решительно отвергает самоуправление.

Откуда такой разрыв? Я понимаю тех, кто вообще против самоуправления — для любой страны. Но опять отделять Россию от всего мира? Мало того, что наши авторитарные националисты отделяют, так теперь и мы, демократические социалисты, будем тем же самым заниматься? Занятие это, между прочим, весьма не безопасное, как показывает история!

Юрий Орлов оставляет рабочим возможность защищаться. Но от кого и от чего? От эксплуатации, от произвола руководителей промышленности? Для кого же тогда будет демократический социализм — для директоров, технократов, интеллигенции и прочей элиты? Уж лучше тогда защищаться от настоящих капиталистов: они эксплуатируют, но и товар обеспечивают! И будучи полными хозяевами, заинтересованы оценивать по способностям и добросовестности.

Юрию Орлову принадлежит замечательное наблюдение: «Самой крупной ошибкой марксистской теории общественного развития является то, что в теорию не вошли врожденные духовные потребности и качества человека» (из письма Брежневу).

Не забывает ли теперь сам автор этих слов об упомянутых им «врожденных (т.е. общечеловеческих) потребностях»? Ведь на них основана и потребность в демократии, на всех уровнях.

Новая книга:

РОЙ МЕДВЕДЕВ

ХРУЩЕВ

Политическая биография

Редактор Семен Резник

CHALIDZE PUBLICATIONS

О СОЦИАЛИЗМЕ, МОНОПОЛИЯХ И ПРАВАХ ЧЕЛОВЕКА

(Беседа с Михайло Михайловым)

Редактор журнала «Форум» беседовал в мае прошлого года с известным диссидентом, участником движения за демократию в Югославии, бывшим политзаключенным Михайло Михайловым.

В. Малинкович: Многих участников движения за демократию и права человека в тоталитарных странах, естественно, волнует вопрос о том, как Запад относится к правозащитным идеям. Как Вы считаете — стала ли идеология прав человека идеологией свободного мира?

М. Михайлов: Видите ли, по-моему, пока вообще рано говорить о том, что западное общество, демократический мир, имеет какую-либо определенную идеологию. Дело в том, что западный мир плюралистичен. Тут существуют многие разные течения, философские школы, идеологические направления. И идеология прав человека пока что является только одним из многих идеологических направлений; все еще далеко от того, чтобы она стала основной, направляющей или доминирующей идеологией.

В. Малинкович: Вы считаете возможным, чтобы в плюралистическом обществе доминировала какая-то одна идеология?

М. Михайлов: Конечно, если под идеологией понимать определенный комплекс, систему взглядов, объясняющую всю жизнь общества и вообще человеческое бытие на земле, то в плюралистическом обществе такая идеология существовать не может. Однако, с другой стороны, несмотря на все разногласия, в демократическом мире существует единое мнение многих людей о том, что самая высшая ценность — это свободная человеческая личность. Не общество, не нация, не класс, не коллектив, а именно личность. На основе этого, практически, и построены все конституции, все политические

системы демократических обществ. И это есть в то же время основа идеологии прав человека, в которую практически включены все остальные идеологии.

В. Малинкович: То есть, Вы считаете, что принцип свободы личности доминирует в западном обществе — на этом принципе построено западное право, на этом же принципе основывается психология западного человека? Принцип свободы личности, ограниченной, видимо, свободой других людей. Но достаточен ли он для того, чтобы построить на нем правозащитную идеологию? Не кажется ли Вам, что этот принцип свободы человека, пусть он и высший принцип, для такой идеологии все-таки не достаточен? Он, на мой взгляд, должен быть как-то связан с другим, также очень важным принципом — принципом общественной солидарности.

М. Михайлов: Я совершенно с Вами согласен. Но, видите ли, я полностью поддерживаю точку зрения русских мыслителей религиозно-философского ренессанса — Бердяева, Франка, Лосского, Шестова, которые считали, что человеческая солидарность и чувство общности вытекают из свободы личности, то есть они друг другу не противостоят. Чем более человек свободен, тем более он является сознательным членом общества. И наоборот, — в условиях отсутствия личной свободы (что мы имеем во всех недемократических странах) именно эта социальная связь теряется, т.е. она становится только фасадом, чем-то внешним и нереальным.

В. Малинкович: Не кажется ли Вам симптоматичным, что Лосский, Бердяев, Франк и другие философы русского ренессанса поднимали этот вопрос именно на фоне России, где общественное сознание в общем-то всегда существовало. Коммунальные принципы всегда были частью сознания каждого русского человека, а вот уважение к личности, уважение к индивидууму, к его правам, увы, не характерно для России. И, может быть, именно для России было очень важно подчеркнуть значение личности. А общественная солидарность — она вытекала сама собой. Общественное устройство в России столетиями было таким, что «мир», община всегда как-то воспитывали в человеке чувство

общественной солидарности. А на Западе этого не было. На Западе уже много столетий — скажем, после французской революции — доминирует принцип свободы личности. Не превратился ли сегодня этот принцип в основу для прагматической идеологии, идеологии успеха, сиюминутных удач и эгоистического интереса?

М. Михайлов: Трудно сказать, правы ли Вы, так как нигде так много, как на Западе, я не видел добровольных объединений, обществ, которые совершенно на добровольных началах помогают голодающим Третьего мира и помогают больным, старикам...

Это во-первых. А во-вторых, сама идея успеха сегодня — она в некотором смысле связана не столько со свободой личности, сколько уже (это на Западе очень хорошо видно именно в протестантских странах, это идет еще со времен Реформации в лютеранских странах) с тем, что, согласно теологическим установкам протестантизма-кальвинизма, успех в нынешней жизни дарован нам Богом. В каком-то смысле это парадоксально, но неуспех в нынешней жизни считается как бы наказанием Божьим. Конечно, это противоречит католической теологии, и православной, но...

В. Малинкович: И Евангелию...

М. Михайлов: И Евангелию...

В. Малинкович: Где сказано, что бедному легче попасть в царствие небесное, чем богатому.

М. Михайлов: Совершенно верно. А вот в Америке часто можно услышать о неудачливом человеке, что это, так сказать, «луза» — человек, который проигрывает битву в жизни. Но с этой точки зрения, с евангельской, самый большой «луза» — Иисус Христос. Поэтому скорее эта идеология успеха, сиюминутного успеха, связана с духовным развитием в Северной Европе — с протестантизмом, чем со свободой личности.

В. Малинкович: Вернемся к вопросу об идеологии прав человека. Я думаю, что прежде, чем она станет идеологией противостояния коммунизму, она должна восторжествовать на Западе. По-моему, только при президенте Картере, то есть

всего лишь 8-10 лет назад, впервые открыто заявили, что забота о правах человека во всем мире должна стать основой политики Соединенных Штатов. Уже при следующем президенте США эта идея отошла на второй план. Хотя она и остается важным элементом в западной идеологии, но, все-таки, не ведущим. Так что я вовсе не уверен, что сегодня принцип прав человека утвердился на Западе. Принцип свободы личности утвердился, а принцип прав человека и необходимости защиты этих прав человека во всем мире, на мой взгляд, еще не стал единой идеологией общества. В силу ряда причин.

М. Михайлов: Верно, что Картер, президент Картер, очень много говорил о правах человека, но реально он часто отступал. На Белградской конференции он отступил. Этого президент Рейган не делал. Более того, можно сказать, что в своей речи в британском парламенте в 1983 г. президент Рейган даже дополнил идею прав человека своей идеей мирового демократического противостояния тоталитаризму. Но это, конечно, все еще только начало: и президент Картер и президент Рейган, конечно, сделали только первые шажки — без глобального противостояния. Но я глубоко уверен в том, что раньше или позже Америка осознает тот факт, что на нашей очень маленькой планете две совершенно противоположные социальные системы — одна, основанная на свободе личности, другая полностью отрицающая ее, — не могут существовать вместе. Раньше или позже одна из этих систем станет глобальной.

В. Малинкович: Я хочу категорически возразить. Во-первых, я не считаю, что идея коммунизма полностью противоречит идее свободного мира. Кстати, так не считал и Бердяев. В идее коммунизма (в идее, я повторяю, — не в практике коммунистических стран) есть довольно много привлекательных сторон, таких как братство, общественная солидарность, коллективные ценности. Хотя они, возможно, и менее важные, чем идея свободы человека, но, тем не менее, все же важные. Поэтому я не думаю, что будущее за победой одной из общественных систем.

Мне кажется, будущее — за конвергенцией. Люди возьмут с той и с другой стороны лучшее, что там есть, и

создадут новое общество. И, кроме того, такое будущее, на мой взгляд, объективно обосновано — это просто необходимость, единственная возможность. В нашем мире — мире вооружений, мире ядерного оружия, когда две противостоящие друг другу системы обладают — каждая из них обладает — такой силой, что может уничтожить весь мир, другого и выхода нет, кроме конвергенции. Конвергенции политической и конвергенции идеологической. Академик Сахаров недавно, в 1983 г., писал в письме профессору Дреллу, что единственный выход — это конвергенция. Это единственная альтернатива в нашем разобщенном мире.

Мне кажется, идея прав человека должна основываться не только на принципе индивидуальной свободы, но на принципе — индивидуальная свобода плюс общественная солидарность. И здесь мы кое-что можем взять и из идеологии коммунистической. Хотя практика коммунизма ужасна.

М. Михайлов: Еще лет десять назад я критиковал идею конвергенции так, как ее обычно понимают. То есть у меня такой взгляд, что могут быть две конвергенции. Конечно, Вы правы, что в советской системе тоже есть некоторые свои хорошие стороны и что синтез, скажем, лучших сторон демократического мира с идеями положительными в коммунизме мог бы стать основой будущего планетарного общества. Однако обычно понимают конвергенцию в том смысле, что обе системы становятся все более похожи одна на другую, и это, так сказать, ведет к одному объединенному планетарному человечеству. А это неверно. Чем больше Советский Союз, скажем, времен Сталина и гитлеровская Германия, чем больше они походили друг на друга, тем ближе был конфликт и война. Так что конвергенция в том смысле, что общества становятся похожими, отнюдь не ведет к миру, и ничего тут хорошего нет. Значит, дело в том, что из этих двух обществ надо было бы создать новое, на синтезе хороших сторон. Но видите ли, после опыта жизни на Западе я вижу, что здесь даже то, чем гордится обычно Союз (медицинское обеспечение, скажем, в Европе права рабочих и все прочее), вообще несравнимо лучше гарантированы, чем в Советском Союзе. Так что...

В. Малинкович: Я несколько в этом не сомневаюсь, но речь идет об идеях. Повторю, что советская система далеко ушла от первоначальных идей социализма. Но внутри советского общества, есть, на мой взгляд, силы, которые могут дать продуктивные идеи для будущей конвергенции. То же самое правозащитное движение, которое в Советском Союзе, в Польше, в других восточноевропейских странах могло бы стать основой преодоления тоталитаризма, — соединяет общественные, коммунальные идеалы с принципом свободы человека. Я считаю, что в советском обществе есть силы, которые могут двинуть это общество в сторону большей свободы личности, свободы граждан, экономику страны в сторону так называемой новой экономической политики (сейчас она уже не новая, так как и в Венгрии и в Китае уже осуществляется). Я считаю, что решение национальных проблем, решение проблем прав человека в принципе возможно в нынешней ситуации в Советском Союзе, если общественные силы окажут соответствующее давление на руководителей. И я думаю, что идея социализма здесь не помеха. Беда в том, что никакого социализма, по существу, в СССР нет.

Кстати, Вы недавно писали, что придерживаетесь точки зрения Милована Джиласа, высказанной им 15-16 лет назад: подлинный социализм уже существует в Соединенных Штатах Америки. Такой взгляд кажется очень любопытным, но в то же время вызывает возражения.

Я согласен, что сейчас на Западе собственностью на орудия и средства производства преимущественно владеют не отдельные люди, а группы акционеров. Причем роль владельцев акций в управлении предприятиями постоянно уменьшается — все большее значение приобретают менеджеры и техническая интеллигенция. Но все же собственность пока находится в руках акционеров, а не людей, непосредственно занятых в процессе производства — рабочих и служащих. Не кажется ли Вам, что с развитием такого «социализма» отчуждение человека — работника — будет увеличиваться, т. к. не будет его прямого участия в управлении предприятием, на котором он работает, в распределении получаемой прибыли? Если и впредь будут расти крупные фирмы, монополии, то участие рядового

инженера, а тем более рабочего в делах предприятий будет все больше сводиться к роли винтика. Возможен ли социализм при таком вот отчуждении рабочего человека?

М. Михайлов: Во-первых, в Америке есть много предприятий, где рабочие и служащие имеют возможность покупать акции своей фирмы на льготных условиях. Но это не главное. В больших компаниях, составляющих костяк американской индустрии, акционеры уже давно, лет двадцать, практически не участвуют в управлении. Иными словами, даже акционеры уже не управляют. Производством компании управляют профессионалы, техники...

В. Малинкович: И бюрократия?

М. Михайлов: Да, и бюрократия. Участие акционеров на практике ограничивается участием в решении вопроса об основном направлении производства, в выборах директоров, в обсуждении деятельности отдельных участков или филиалов фирмы. Поскольку акционер владеет лишь очень малой долей акций компании, вся власть реально находится в руках директоров, которые вовсе не являются собственниками компании.

В. Малинкович: Но в таком случае нельзя утверждать, что собственниками компании являются трудящиеся, что в их руках находится управление предприятием. Где же здесь социализм?

М. Михайлов: Собственность не находится в руках трудящихся, но она не находится, по сути, и в руках акционеров. Нельзя сказать и о тех, кто управляет производством, что они собственники. Т.е. вопрос о собственности вообще отходит на второй план. Даже в тех случаях, когда рабочие самоуправляющихся предприятий (а такие есть в Америке) сами являются владельцами собственности, нельзя утверждать, что рабочие сами управляют производством. Иными словами, вопрос собственности и вопросы управления следует отделять друг от друга.

В. Малинкович: В связи с этим я хочу спросить: А является ли сегодня вопрос о социализме, так как его ставили марксисты, вообще актуальным? Ведь для марксистов самое

главное — вопрос о том, в чьих руках находится собственность. А в Америке, по Вашему мнению, проблема собственности «отходит на второй план». Возможно, речь идет о какой-то новой форме общества — назовем его постиндустриальным, — которая не является ни социалистической, ни капиталистической. Просто — новая форма общественного развития, где вопрос о собственности не является главным.

М. Михайлов: Вы совершенно правы. Дэниел Белл в своей книге «Постиндустриальное общество» именно это и доказывает. По его мнению, Америка уже переходит в новую, до сих пор неизвестную социальную фазу, где решающим будет вопрос управления. Конечно, управления бюрократии — ведь управление без бюрократии немыслимо. Я употребляю слово «бюрократия» не в том смысле, в каком его употребляют обычно советские газеты. Там — другое дело, там политическая, партийная каста, а вовсе не то, чем в современной промышленности является управленческая бюрократия, где она так же незаменима, как, скажем, энергия. Проблема на Западе заключается в том, что бюрократия имеет тенденцию разрастаться, перерастать необходимые пределы и душить производство.

В. Малинкович: И не только производство. Не будет ли это новое, постиндустриальное, общество, где производством будет управлять бюрократия («управленцы»), еще менее человечным или, точнее, еще более бесчеловечным, чем капиталистическое и социалистическое? Не окажутся ли эти жестко централизованные монополии, огромные концерны никак не связанными с интересами конкретных людей, их естественными стремлениями, симпатиями и антипатиями, вкусами? Не будут ли интересы компаний доминирующими в новом обществе, не будут ли концерны подавлять человека, навязывать ему любой ценой то, что они производят?

Вы как-то приводили пример провинциального кинотеатра, связанного с крупной фирмой кинофикации. Вы рассказывали, что какая-то безликая управленческая организация в своих коммерческих целях вынуждала владельца маленького кинотеатра крутить фильмы низкого качества. Т. е., как мы видим, управленческая организация, заинтере-

сованная лишь в получении максимальных доходов, может влиять на вкусы и взгляды зрителя. Чем больше таких организаций, чем сильнее их власть, тем больше их давление на рядового человека, влияние на его вкусы, привычки, в конце концов, на его мировоззрение. Не будет ли постиндустриальное общество еще в большей мере, чем нынешнее, обществом потребления, обществом людей без собственного лица, обществом «одномерного человека»?

М. Михайлов: Конечно, эта опасность реальна. Но она отличается от тех опасностей, которые знакомы нам по опыту социалистического и капиталистического обществ. Самое важное здесь, по-моему, — вопрос монополий. Там, где начинает господствовать в определенной сфере (промышленной или культурной) одна какая-то монополия, сразу возникает неблагоприятная ситуация. Разницы между политической монополией в «соцстранах» и такой монополией на Западе в этом случае практически нет. Однако, сейчас такого господства монополий в промышленности западных стран нет. Американское государство, к примеру, ведет постоянную борьбу при помощи антитрестовских законов против попытки монополизации определенных сфер. Правда, надо сказать, что это все временные меры, — принципиального же решения вопроса еще вообще нет. Монополии на Западе создавались при помощи экономических, а не политических рычагов. Напротив, правительство Рейгана несколько лет назад разбило крупную телефонную компанию, занимавшую монопольные позиции, на семь относительно небольших компаний. Т.е. американское государство стремится не допустить монополизации. Однако государственные меры — как всякая политическая интервенция — должны быть ограничены. И выхода пока не видно. Даже теоретического.

В. Малинкович: Нет ли здесь неразрешимого противоречия? Не думаете ли Вы, что социализация имеет тенденцию развиваться непременно в сторону создания централизованных монополий? Не будет ли процесс социализации вести к ограничению мелкой собственности и возможности человека проявлять свою, самостоятельную, ни от кого не зависящую инициативу? Я говорю лишь о тенденции, не более?

М. Михайлов: Вы имеете в виду процесс социализации именно в Америке?

В. Малинкович: Да, в Америке. В Европе и в Израиле этот процесс имеет свои особенности.

М. Михайлов: Если такая тенденция и существует, то не как основная. Ведь социализация в Америке протекает в условиях свободного общества. Конкретно, если Вы, скажем, как владелец маленькой гостиницы включаетесь в большую систему гостиниц, то и Вам, и этой системе будет какая-то польза от этого...

В. Малинкович: Возможно и вред. Большая система может оказать давление на владельца маленькой гостиницы, повлиять на его вкусы. И это влияние вовсе не обязательно должно быть положительным, как мы видели в случае с владельцем маленького кинотеатра, который вынужден был крутить плохие фильмы.

М. Михайлов: Верно. В Швеции были попытки разбить крупную промышленность на малые части. При этом утверждалось, что при достаточно высоком уровне компьютеризации возможны даже индивидуальные предприятия. Человек может участвовать в производстве даже не выходя на работу, работая дома, когда и как ему удобно. Но пока все это неэффективно.

Еще одно решение предлагают теоретики самоуправления. Но я и здесь решения не вижу. Самоуправление возможно в том смысле, что рабочие и служащие сами выбирают директора, управляющих и определяют основное направление своего производства. Но это то, что делают и нынешние акционеры...

В. Малинкович: Боюсь, что подлинного самоуправления трудно достичь на очень крупных предприятиях, доминирующих сегодня в промышленно развитых странах, но на малых и средних предприятиях самоуправление, мне кажется, возможно. Я думаю, что самоуправление возможно там, где количество работников позволяет каждому из них непосредственно участвовать в решении всех важных вопросов производства и распределения. Когда влияние

работников на управление становится опосредованным, а тем более многократно опосредованным, уже нельзя говорить о подлинном самоуправлении. В этом случае влияние работников, действительно, будет подобно влиянию акционеров больших компаний, которые, кстати, могут быть и служащими этих же компаний. Т. е., большие размеры предприятия вообще отодвигают в сторону вопрос о собственности.

М. Михайлов: Согласен.

В. Малинкович: Хочу коснуться несколько иной проблемы. Не кажется ли Вам, что на Западе (особенно в Америке — наиболее свободной, на мой взгляд, стране) менеджеры — реальные хозяева промышленности — часто спекулируют на стремлении человека к успеху. Не замечаете ли Вы, как быстро развивается у людей потребительская психология, вытесняющая духовные потребности. Успех любой ценой или, скажем, любой дозволенной законом ценой. Поскольку закон прямо не связан с духовными потребностями человека, не возникает ли опасность появления своего рода «гомо постиндустриаликуса» или чего-то подобного — т. е. появления человека, который знает и уважает закон, знает и уважает интересы другого, но всю свою жизнь посвящает лишь заботам о хлебе насущном? В то же время, согласно шкале христианских ценностей, «хлеб насущный» — вещь хотя и важная, но не самая главная в жизни человека. Ведь было сказано:

«Жизнь человека не зависит от изобилия его имущества... Не заботьтесь для души вашей, что вам есть, ни для тела вашего, во что одеться.»

М. Михайлов: Конечно, такая опасность существует. И американские писатели, в частности фантасты, во многих книгах описывают такое бездуховное общество. Например, Рей Бредбери в своей книге «451° по Фаренгейту». Именно общество потребления, безо всяких духовных ценностей.

Но надо сказать, что как раз американское общество со своим бесконечным количеством различных церквей, религиозных сект, спиритуальных общин, антропософских обществ — как раз оно наглядно демонстрирует, что люди,

несмотря на рекламу, коммерческую пропаганду и т. п., стремятся к чему-то более высокому. Так что я не вижу здесь очень большой опасности. Трудно коммерческой пропаганде на Западе воспитать потребителя, точно так же, как на Востоке политической пропаганде трудно воспитать из человека послушного раба. Это все поверхностно и очень быстро проходит.

В. Малинкович: Не могу с Вами согласиться. Как мне кажется, значительная, во всяком случае наиболее активная часть западного общества очень этим обеспокоена. Вспомним 68-й год в Европе, 60-е годы в Америке. Молодежный бунт тогда был массовым, причем молодежи сочувствовала интеллектуальная элита. Это был протест против общества потребления. Нельзя не заметить, что молодежью, интеллигенцией тогда руководило чувство страха, что общество потребления захлестнет все, что вещи убьют человека. Это же чувство и сегодня присуще лево-либеральной интеллигенции Запада.

М. Михайлов: Верно. Оно, если хотите, дает горячее для лево-радикальных элементов. Человеку может на первый взгляд показаться (особенно, если он оторван от реальной жизни, а студенческая масса — наиболее широкий общественный слой, не участвующий в процессе производства, являющийся пока лишь зрителем жизни), что вся западная газетная, кино-телевизионная продукция проникнута этим духом потребительского общества. Но у меня такое впечатление, что все это только поверхностное. Несмотря на всю эту рекламу и попытки воспитать в человеке потребность купить тот или иной продукт, именно появление в Америке множества сект, члены которых отдают общине все свои деньги, все средства и готовы пожертвовать даже жизнью, свидетельствует, что все эти коммерческие попытки не очень уж успешны.

Правда, оправданием для левых настроений служит то, что нет единого духовного направления, духовного пути, нет единой идеологии, нет цели у демократического общества. И пока отсутствует настоящая цель, появляются псевдоцели, которые, как кажется, выше целей общества потребления. Революция, конечно, имеет притягательную силу. Какого

мещанина можно сравнить с Че Геварой? Но Че Гевара может иметь успех лишь пока нет Франциска Ассизского или Сергия Радонежского. Так что отсутствие подлинных религиозно-духовных ценностей намного более опасно, чем влияние коммерческой пропаганды.

В. Малинкович: Я с этим согласен. Но вернемся к нашему вопросу — вопросу о том, что при монополизации, жесткой централизации промышленности и средств информации теряется живой человек с его духовными проблемами. Не в том ли задача интеллигенции (в случае, если она вообще имеет какую-либо задачу), чтобы защитить человеческую личность от безличного общества? Защитить живого человека, человека с его особенностями, а возможно и странностями, от унификации. Но не на этом ли строится и идеология прав человека? (Я имею в виду защиту свободы личности при помощи права, а не просто законопослушание.) Ведь и здесь, по существу, речь идет о защите человека от давления безличности.

Президент Картер, ставя подпись под, если не ошибаюсь, Пактом о гражданских и политических правах человека, сказал, что руководитель американского государства впервые подписывает документ, который в принципе направлен против государства, ограничивая его возможности в пользу отдельного человека...

Защита человека от общества и государства. По-моему, это великая идея. Идея, которая, на мой взгляд, могла бы объединить и либеральную интеллигенцию, и левые силы, защищающие личность от политического и экономического произвола, и религиозные силы (кстати, довольно много религиозных сил находится сегодня в левой части политического спектра) по той простой причине, что все они имеют общую цель — свободу личности, защиту человека от системы общества потребления. Силы, противостоящие безличию, развитию которого, как я полагаю, способствует монополизация.

М. Михайлов: Это, конечно, так. Но вопрос в том, возможно ли при нынешнем уровне развития другое положение. Если это развитие связано с самыми глубинными основами цивилизации, со всей историей развития человечества.

Боюсь, что сегодня промышленность не может не быть централизованной. Она должна быть централизованной.

В. Малинкович: В этом-то как раз я и не уверен. Вы как-то сказали, что Вы потому и не марксист, что интересы экономики не ставите на первое место, не считаете их определяющими.

М. Михайлов: Да, именно так.

В. Малинкович: Но, может быть, в том-то и беда, что в современном обществе экономические законы оказываются доминирующими, а все остальное к ним привязано. В этом, мне кажется, суть проблемы. Промышленное производство — централизовано оно или децентрализовано — должно быть подчинено интересам человека. В демократическом обществе единой идеологией может стать только идеология защиты интересов этого человека, идеология приоритета человеческой личности. А что в действительности? Вот Вы говорите: «Промышленность должна быть централизованной.» Должна, независимо от того, какие будут последствия для людей. Должна, потому что таковы законы ее развития. А если она будет централизована, то она будет диктовать человеку эти свои законы. И никакие компьютеры человека не спасут, потому что можно подсчитать, сколько человек может съесть и что он может купить, но нельзя при помощи компьютера узнать что-либо о его духовных стремлениях.

Может быть, нужно ограничить производство компьютеров, строить поменьше станций, тем более атомных, и меньше выпускать кока-колы? И очень возможно, что человек от этого только выиграет. Нужна разумная мера. «Зачем нужно так много итальянских туфель?» — спрашивает герой «Ностальгии» Тарковского. Он знает, что у человека есть другая цель, гораздо более важная, чем радости быта.

М. Михайлов: Верно. В скандинавских странах пытаются идти по этому пути. Беда в том, что в нашем веке, если человеческий фактор будет поставлен во главу угла, выше интересов промышленности, экономика окажется неконкурентоспособной. Дэниел Белл убежден, что процесс централизации промышленности идет по всему миру. Но он

подчеркивает, что сейчас на ведущее место выдвигается третья сфера. Сфера культуры, политики и науки. По его мнению, только марксисты могут считать, что централизация промышленности будет означать и централизацию общественной жизни. Он убежден, что это заблуждение, что как раз централизация и автоматизация промышленности отодвинет на второй план не только вопрос о собственности, но вопросы технологии, и самую важную роль будет играть свобода в этой третьей сфере, т. е. в сфере идей. Естественно поэтому, что монополизация в сфере идей во много раз опаснее монополизации в промышленности.

В. Малинкович: Иными словами, сегодня проблема монополизации и централизации — это конфликт между интересами промышленности и интересами человека. А завтра этот конфликт, затронув непосредственно сферу идей человека, станет уже его внутренним конфликтом, способным разрушить его сознание. Когда монополизация проникнет в сферу идей, может произойти самое страшное.

М. Михайлов: Да, конечно, может быть еще хуже.

В. Малинкович: Т.е. уже сейчас необходима идеология, способная помочь человеку противостоять саморазрушению.

М. Михайлов: Безусловно, это самое важное.

В. Малинкович: А потому — еще раз об идеологии прав человека. Нужен баланс между общественным интересом (подлинным или кажущимся) и интересами индивида (так как он эти интересы понимает). Раньше всегда такой баланс устанавливало общество. Оно определяло, что вправе и чего не вправе делать человек. И баланс был сдвинут в сторону безличных систем. Например, в сторону следования законам промышленного развития. Теперь человек должен сам заявить о своих интересах и солидарными действиями единомышленников заставить государство в чем-то уступить.

Когда президент США Картер заявил, что проблема прав человека будет в центре внимания американской политики, правозащитное движение в СССР и других

тоталитарных странах было довольно сильным. И реакция на него в мире была внушительной. Сейчас, при Рейгане, мы наблюдаем несколько иную картину (впрочем, то же самое мы видим и в Европе). Сегодня создается впечатление, что то был лишь временный всплеск правозащитных идей, своего рода сенсация. Сегодня западное общество этими идеями не интересуется. Да, мы, мол, за права человека, но прежде нужно решить политические проблемы. Самостоятельного значения правозащитных идей не видят.

На мой взгляд, необходима активная пропаганда этих идей и защита конкретных правозащитников. Чтобы люди там могли что-то делать, чтобы в сознание миллионов советских граждан (да и не только советских) вошла мысль, что я — как человек — имею право, а государство мне должно помочь это право осуществить. И тогда разовьется общественная жизнь, способная преодолеть тоталитаризм. Если Запад будет защищать людей только политическими средствами, то судьба конкретных людей вновь будет связана, как подчиненная величина, с более общими политическими и экономическими целями.

Надо сказать, что с правозащитной идеологией как таковой я на Западе почти не сталкивался даже в среде бывших диссидентов. Они сплошь и рядом утверждают, что борьба за права человека была лишь тактическим ходом, поскольку мы, мол, не могли открыто выступать с антисоветскими лозунгами. По сути, за исключением очень интересной работы Чалидзе во «Внутренних противоречиях», я не встречал серьезной апологетики правозащитного движения в СССР. А между тем это движение со своей идеологией, своими целями, а вовсе не тактический ход. Здесь на Западе есть «Интернационал Сопротивления», есть другие организации, смысл которых в политическом сопротивлении коммунизму, а не в защите прав человека в тоталитарных странах. А это, я убежден, не одно и то же.

М. Михайлов: Я согласен с Вами в том, что касается важного самостоятельного значения правозащитного движения и в том, что есть существенная разница между политическими мерами и поддержкой самого движения, но мне кажется, что неполитическая борьба была не очень эффективной. Несмо-

тря на все протесты, на колоссальный шум, Сахаров все еще в Горьком, многие — в тюрьмах. Западная общественность — неорганизованная общественность — устала. Этого даже те, кто относительно недавно выехал из СССР, уже не читают. Тот арестован, того сослали... Меняются только имена. Если бы наблюдалось какое-то развитие, тогда другое дело. В Польше еще до «Солидарности» было до сорока подпольных журналов, были подпольные университеты...

В. Малинкович: Вы правы. Люди устают от обилия имен. Они не могут всех защищать с тем же энтузиазмом, что Сахарова. Но и Сахарова не удалось освободить. Пока. Важно другое. Важно, чтобы Запад всегда в своих отношениях с СССР ставил на первое место проблему прав человека. Можно идти с Советами на компромисс, можно добиваться полумер, но, главное, быть настойчивым и всегда, абсолютно всегда, ставить защиту прав человека на первое место, жертвуя, возможно, ради этого какими-то своими политическими интересами. Не использование темы прав человека в политических целях, а политика — в защиту этих прав. Это важно не только для наших правозащитников, не только для будущего наших стран, а следовательно и для дела всеобщего мира, — это важно для внутреннего развития самого западного общества.

М. Михайлов: Все это так, но здесь порочный круг. Настойчиво бороться за права человека в тоталитарных странах Запад мог бы лишь в случае, если бы у него была какая-то определенная идеология. А так как ее нет, то даже американскому президенту трудно оказывать какое-то серьезное давление на СССР, требуя соблюдения там прав человека. Его не поймут американцы, не поймет американское общество.

май 1986.

СВОБОДНЫЙ МИР ГЛАЗАМИ ЭМИГРАНТА

на анкету журнала «Форум» отвечает *Лев Альбурт*, чемпион Соединенных Штатов Америки по шахматам.

1. Считаете ли Вы государство, в котором живете, правовым государством? Полагаете ли Вы, что права граждан здесь обеспечены в достаточной мере?

Я считаю Соединенные Штаты Америки правовым государством. Права граждан обеспечены здесь, можно сказать, в достаточной мере. Хотя я хотел бы, чтобы было больше гарантий прав, защищающих граждан США от растущей бюрократии и все усиливающейся власти монополий, таких, например, как Американская ассоциация юристов.

2. Можно ли западное общество считать обществом равных возможностей? социальной справедливости? Если нет, почему?

В понятие «общество равных возможностей» обычно разные люди вкладывают разный смысл. Люди рождаются неравными, они вырастают в разных семьях. Поэтому «равных возможностей» можно добиться, только отобрав детей у родителей и отдав их в государственный детдом. Но и в этом случае они вырастут неравными, потому что у них разные способности. Для меня «равные возможности» — это равенство всех перед законом, а такое равенство перед законом в Соединенных Штатах и других странах свободного мира существует.

Что же касается вопроса о социальной справедливости или несправедливости, то для меня «социальная справедливость» — это возможность иметь то, что я имею, что я заработал честным путем, по честному договору-обмену труда на товары между независимыми индивидами. Очевидно, небольшая порция доходов каждого должна идти на налог государству для содержания государственного аппарата, полиции, армии, судов и минимального социального обеспечения. Я так считаю не потому, что я консерватор и не

хочу поддерживать слабых, а потому, что верю: в первую очередь таких людей должна поддерживать их семья, их окружение, затем — различные добровольные благотворительные организации, затем — различные региональные организации, и только в крайнем случае, когда никто не приходит человеку на помощь, ему должно помочь государство.

3. Чувствует ли человек себя здесь свободным? Может ли реализовать свой творческий потенциал? Чувствует ли он себя уверенно?

Думаю, что большинство американцев чувствуют себя свободными, потому что они таковыми являются. «Творческий потенциал» — понятие весьма обширное. Многие люди не думают в таких терминах. Потенциал — это предел. Мало кто может реализовать свои возможности «до предела», даже если у них есть для этого необходимые ресурсы. Например, семья миллиардеров Кеннеди. Многие в этой семье — талантливые ребята, и средства у них огромные, но тем не менее немало в ней и наркоманов, пропащих людей. А сын бедняка и пропойцы Рейгана Рональд стал президентом Соединенных Штатов. И это не единственный пример возможностей, которые есть у людей в Америке. Словом, люди, действительно желающие реализовать свой творческий потенциал, сделать это могут.

Что касается сферы искусства, где чаще всего говорят о «творческом потенциале», то, разумеется, в свободном мире люди искусства могут делать все, что хотят, и могут свободно развивать свои способности. Это, конечно, не значит, что труд артиста всегда хорошо вознаграждается. В некоторых областях деятельности художник вознаграждается очень щедро, в других хуже. Хороший живописец вознаграждается лучше хорошего поэта. Но это уже дело личного выбора. Я лично не считаю себя обязанным поддерживать кого-то, кто хочет реализовать свой творческий потенциал. К счастью для поэтов существуют любители поэзии и различные фонды, их поддерживающие. Но поддержка поэтов не должна быть обязанностью всего общества.

Чувствует ли себя человек уверенно? Это, я думаю, по-разному у каждого. Я же чувствую себя уверенно, и не только с точки зрения финансовой, но прежде всего потому, что чувствую: я делаю хорошее дело, я нахожусь на правильной стороне — для этого я убежал «с того света», с неправильной стороны. Мне ясно, где мой враг, и мне ясно, чего я хочу. И я стараюсь делать максимум того, что я могу, И да поможет мне Бог.

4. На чем основаны отношения между властью и обществом в свободном мире? Есть ли здесь у рядового человека шанс оказать существенное влияние на политику государства?

Мне кажется, отношения между человеком и властью в Америке основаны на взаимозависимости, причем человек здесь слишком уж зависит от власти, т. к. бюрократия имеет тенденцию, стремление добиваться все большей власти. Этому нужно сопротивляться, конечно, но в целом бюрократия все же в какой-то степени контролируется, правительство здесь свободно избрано и свободно переизбирается. Бесспорно, мнение отдельных людей оказывает влияние на власть, на власти — очень важно, что существует разделение властей. Если человек готов потратить время и, возможно, какие-то средства, если он к тому же знает, как система работает, и сможет объединить свои ресурсы с ресурсами других, — желаемое влияние он оказать сможет. Примеров тому достаточно много. Один из них: успех движения за снижение налогов — правительство Рейгана приняло его программу. Во многих штатах продолжается движение за снижение налогов, которые штат взимает с населения, — в Калифорнии, например, такое движение часто добивается успеха.

5. Какова роль капитала в западном мире?

Для меня, вопрос о капитале — это вопрос о естественном праве человека владеть тем, что он заработал. При помощи средств, которыми люди владеют, они стремятся добиться своих целей. Поскольку цели у людей разные, то и капитал играет самые различные роли.

Некоторые капиталисты вкладывают свои средства, чтобы увеличить свой капитал. Другие создают различного рода благотворительные фонды, чтобы помочь, скажем, бедным негритянским или вьетнамским детям (хотя надо заметить, что вьетнамцы обычно сами достаточно хорошо обеспечивают своих детей) или помочь писателям, или афганским патриотам, сражающимся против советской агрессии. Т. е. капитал играет самую разнообразную роль в обществе.

Если же вопрос поставить так: «Может ли очень богатый человек (или несколько таких людей) диктовать свои условия стране?», то я отвечу на него отрицательно. Я думаю, что это невозможно. Объединить большое число богатых людей очень сложно — они имеют очень различные взгляды. Такие, например, как у Хаммера, наживающегося на рабстве советских людей с первых дней советской власти, друга Ленина, и такие, как у Ханта, крайне враждебного по отношению к советской системе. Нельзя, на мой взгляд, говорить о какой-то мифической единой роли капитала. И представление о том, что капитал диктует что-то в Америке, ошибочно. Разумеется, каждый использует капитал в своих целях, в том числе и в политике, но никакой миллиардер не в силах очень сильно влиять на правительство.

6. Как Вы оцениваете место прессы и других средств массовой информации в западном обществе?

Пресса, радио, телевидение — все то, что обычно называют масс-медиа, — играют большую роль в западном обществе. Хотя, возможно, меньшую, чем им хотелось бы, чем та, какую они, как они полагают, имеют право играть. В целом эта роль положительна. Но если бы она была и отрицательна — они имеют право ее играть. В силу все того же принципа частного предпринимательства. Надо, однако, сказать, что, по крайней мере в последнее время, в Америке влияние «масс-медиа» уменьшилось, резко уменьшилось. В основном потому, что большая пресса (такие газеты, как «Нью-Йорк Таймс», «Вашингтон Пост»), главные каналы радио и телевидения имеют сотрудниками людей 60-х годов, настроенных антиамерикански. Т. е. в массе своей они настроены не так, как большинство американцев. Любопы-

тно, что один из опросов, ими же проведенный, показал, что где-то 80% журналистов, сотрудников этих газет, журналов, телекомпаний голосовало на последних выборах за кандидата демократов, тогда как большинство населения страны голосовало за республиканского кандидата. В общем, опросы показывают, что чаще всего их мнение резко отличается от мнения большинства американцев. Сейчас ситуация меняется, т.к. приходят на работу новые люди, люди новой эры, не 60-х годов. Влияние левой прессы, да и прессы вообще, к счастью, не так уж велико. Американцы достаточно умны. Несмотря на то, что представители компаний масс-медиа очень резко, к примеру, осудили американскую акцию на Гренаде (они были буквально в истерике: «Почему не допустили сразу же журналистов на Гренаду?!»), большинство американцев одобрило эти меры, в том числе и недопущение журналистов.

7. Чем отличаются взаимоотношения между людьми в СССР и на Западе?

Различие во взаимоотношениях между людьми в СССР и на Западе вызваны, по-моему, разной ситуацией в этих странах. Не случайно говорят, что многие люди, эмигрировавшие из Советского Союза на Запад, сильно изменились.

Мне кажется, в СССР, по сравнению с Западом, есть в отношениях между людьми более привлекательные и менее привлекательные стороны. Например, советская система заставляет многих людей лгать, предавать друзей — и это, конечно, плохо. В то же время многих людей там объединяет неприятие советской власти. И это чувство общего врага плюс тяжелые условия жизни, всегда тяжелые морально и очень часто физически, создают нечто, вроде окопного братства. И это хорошо.

На Западе люди живут в более естественных, более человеческих условиях, и те отношения, что существуют здесь — это нормальные, хорошие взаимоотношения. Что касается братства, то я верю в братство единомышленников, например, в Интернационал Сопротивления, созданный недавно Владимиром Буковским и Владимиром Максимовым.

8. *Каков общий духовный климат в странах свободного мира? Какую роль играет церковь?*

Под духовным климатом можно подразумевать разное, климат политический, отношение людей к власти, взаимоотношения между людьми, область культуры. Поэтому мне трудно дать четкий ответ на этот вопрос. Духовным климатом на Западе я удовлетворен. Он не идеален, но идеал невозможен, поскольку люди различны: одному нравится одно, другому — другое, одному — джаз, другому — классическая музыка, третьему музыка вообще не нравится. Мне, например, лучшей музыкой кажутся песни Высоцкого.

Я несколько скептически отношусь к критике «желтой прессы». Кто может определить, какая пресса является «желтой»? Кто будет определять, что должно быть интересным? Многие люди интересуются вещами, которые мне представляются сущей чепухой. Например, деятельностью леди Даяны. Но это их право. Право слушать не классику, а джаз — пусть это кому-то кажется не слишком возвышенным.

Роль религии? Религия играет достаточно заметную роль в обществе. В большинстве американцы довольно религиозны. Сам я считаю религию весьма положительной силой. Я верю в Бога и полагаю (помимо того, что Бог есть Истина), что верить в Бога, в загробную жизнь, быть религиозным — хорошо для человека и для общества. Религиозные люди в целом — не каждый в отдельности, а в целом — хорошие люди, более надежные. Бесспорно, есть исключения. Более того, таких исключений много. Много плохих религиозных людей и прекрасных атеистов. Но все же я считаю, что быть религиозным хорошо и для себя, и для других. Я верю в Бога и хочу, чтобы верили другие. Для их собственного блага.

К сожалению, интеллектуальная элита, которая доминирует сейчас в университетах, в большой прессе Америки и, особенно, в западноевропейских странах (но вовсе не представляет мнение большинства населения этих стран), либеральна в новом значении этого слова — когда понятие «либерализм» обязательно включает в себя понятие «атеизм». Один из опросов общественного мнения показал, что

большинство американских либералов в Бога не верит, тогда как большинство американцев верит.

9. Ваше мнение о месте художника в западном мире? Как складываются отношения между художником и читателем-зрителем здесь и в Советском Союзе?

На мой взгляд, отношения между художником и обществом на Западе в общем такие, какими они и должны быть. Я думаю, что следовало бы сделать кое-какие коррекции и замечания, но в целом эти отношения нормальные.

В ряде стран государство слишком уж поддерживает различных художников и поэтов. Если это делают какие-то общественные группы — это нормально, когда это делает государство — нет.

В СССР писатель, художник, принадлежит (как и все остальные) государству и получает от него деньги. Это не значит, что все там в равной мере идут на компромисс с совестью, это не означает, что там нет ничего интересного. Сейчас там идет своего рода борьба или, точнее, своего рода торговля с властью. Одни довольно активно сопротивляются, другие приспособляются и делают карьеру.

На Западе, если художник имеет талант, если его работы найдут спрос, если он сделает что-то хорошее для конкретных людей, то ему за это будут платить деньги. И часто платят деньги огромные. Есть же художники, скажем, или американские поэты, которые живут крайне бедно и, если они не имеют какой-то другой профессии, то им нужно искать помощи у различных филантропических организаций. Кто-то получит, а кто-то — нет, в этом я не вижу ничего несправедливого. Это означает лишь, что люди не очень интересуются их продукцией. Т. е. я считаю положение вполне нормальным, и я против вмешательства государства в область культуры, искусства.

10. Какие ценности западного мира Вам особенно дороги?

Главное — возможность уехать из страны, если тебе там не нравится. Это первое, что отличает раба от свободного человека. Граждане коммунистических стран (может быть,

за исключением Югославии) — рабы, т.к. они такой возможности не имеют. Это рабство. Можно, конечно, представить себе счастливого раба и несчастного свободного человека, но ведь речь идет не об отдельных людях. Коммунистическая система — это непродуктивная система, это плохая система, это дьявольская система, с которой следует бороться. Если мне не понравится жизнь в Нью-Йорке, в Америке, но я могу уехать — значит, все нормально.

Вторая ценность, которая, к сожалению, подвергается постоянной угрозе, — это возможность сохранять независимость. Конечно, она должна быть чем-то ограничена. Есть классическое изречение: «Моя свобода кончается там, где начинается свобода другого». К сожалению, ограничения сейчас намного больше необходимых. Неоправданно большую часть национального дохода забирает себе государство и власти штатов — более 40%. Двадцать лет назад этот процент был намного ниже, а в начале века вообще не было федеральных налогов. Т.е. процесс ограничений все усиливается, и его необходимо остановить. Бюрократия нужна, без нее нельзя, но она зашла слишком далеко, и против этого следует бороться.

В общем, для меня в свободном мире самыми важными являются две ценности — мое «прайвеси», моя независимость, и, как частный случай этого прайвеси, возможность уехать из страны, когда я захочу.

11. Способен ли, по Вашему мнению, Запад отстаивать свои ценности?

Да, я думаю, Запад способен отстаивать свои ценности. Хотя существует и угроза разрушения этих ценностей в случае увеличения роли государства и появления все большего числа ограничивающих свободу законов — законов «озабоченной моей судьбой» «доброго» государства. Все это мне крайне не нравится. Не нравится мне и высокий уровень налогов ради социального обеспечения. Я считаю, что это должно быть моим личным делом. Если я хочу кого-то обеспечить, в том числе и свою собственную старость, я должен делать это в соответствии с собственным желанием, а не по принуждению государства. Словом, существует угроза «государства всеобщего благосостояния»,

которое на деле является «государством всеобщей нищеты», т.е. угроза проникновения ползучим путем социалистического рабства.

И есть, конечно, угроза внешняя со стороны Советского Союза. Эта угроза — главная. Это — главный источник зла в мире. Нужна решимость с этим бороться. Но нужно четко разделять народы Советского Союза и коммунистических властителей, эти группы враждебны друг другу. Нужно бороться с властителями, с советской системой. Чем слабее советская система, тем лучше для людей в СССР и лучше для всего мира. В этой борьбе в тактических целях можно использовать другие тоталитарные режимы, например Китай, но нельзя забывать, что нашим другом является народ Китая и свободный Тайвань, а не правители в Пекине. Мы должны давать убежище тем, кто бежит от коммунизма. Мы должны помогать тем, кто борется против коммунизма — народам Никарагуа, Анголы, Афганистана. Помогать морально, помогать продуктами, помогать оружием. В этом — их надежда. В этом — наше спасение от угрозы советского порабощения.

май, 1986

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Василь Маркусъ

УКРАИНСКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ 1920-х ГОДОВ (ВНЕШЕПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)*

I. Борба за концепцию УССР

После победы большевиков на Украине очень скоро стало очевидным, что по-разному представляют себе концепцию украинского советского государства те, кто в военном отношении и политически оказался хозяином ситуации после украинской революции, те, кто волея-неволей вынужден был принять новую действительность, и наконец те, кто либо связывал с нею свои надежды, либо просто оппортунистически приспособлялся к ней.

После неудачной попытки украинских, в основном социалистических, партий создать украинскую государственность по западному либерально-парламентарному образцу, многое из того, что содержалось в этой эфемерной государственности, сохранило свою живительную силу, которая продолжала вдохновлять разбуженные революцией украинские массы, особенно интеллигенцию. Победа большевистской революции, а значит и концепции Украины как рабоче-крестьянской провинции великого социалистического государства, управляемого из Москвы (нового пролетарского Рима), не была полной и окончательной. Украинского пролетариата почти не было. Точка зрения на Украину пробужденного революцией крестьянства отличалась от

---

* Василь Маркусъ — профессор университета И. Лойолы в Чикаго. Публикуемая статья является расширенной версией доклада, который автор представил на конференции, посвященной периоду украинизации 1920-х годов и организованной в ноябре 1982 г. в Париже Парижским и Украинским свободным университетами. Перевод с украинского.

интернационалистского и пролетарского взгляда на Украину большевиков. А наиболее активный участник революции — интеллигенция была заражена, пусть в разной степени, идеей национального самоопределения и «буржуазным национализмом». Эта интеллигенция, от самых левых до самых правых, хотела какой-то формы государственности, мечтала об институционализованной «своей хате» Шевченко, в которой была бы «своя правда, своя сила и слава, и воля».

Российская коммунистическая партия, руководящая извне, и космополитически настроенный пролетариат на Украине никак не гарантировали осуществление этих чаяний украинцев. Но для того, чтобы пролетариат и его партия, РКП(б), сохранили за собой позицию победителей (а они могли проиграть политически и после военной победы), Ленин и его единомышленники, часто вопреки воле местных большевиков-«интернационалистов», вынуждены были идти на украинизацию в самом широком смысле — точнее, на «коренизацию». Они приняли самое большое достижение украинской революции 1917-1920 годов, а именно — украинское государство. Сначала соглашались из тактических соображений и на ее название — УНР (Украинская Народная Республика), однако это выглядело бы не только как идеологическая капитуляция, но и как компрометация идеи, и потому название изменили на другое — Украинская Социалистическая Советская республика (УССР)*.

Опять-таки из тактических соображений необходимо было в 1920-23 гг. признать хотя бы фиктивную независимость этой УССР. Дело в том, что на Украине еще продолжалась повстанческая борьба, чаще всего под флагом УНР, а за границей более или менее успешно действовало украинское правительство в эмиграции, которое организовывало различные акции против русско-большевистской власти на Украине. К тому же существовала «зарубежная Украина» — в частности, не был еще решен вопрос

---

* Так называлась советская Украина до 1937 г.

Восточной Галиции. Хотя по Рижскому договору УССР отказалась от Галиции, но представители советского правительства не признали эти территории польскими. Т. е. следовало вести борьбу за симпатии угнетенных западных украинцев, за их «самоопределение», за влияние на них, которое со временем могло бы превратиться в прямой контроль. Это было тем более важно, что всякая иная концепция, которая могла бы стать господствующей на «зарубежной» Украине под Польшей, Румынией, Чехословакией, угрожала бы советской власти и контролю России на Украине. Еще была хотя и не многочисленная, но активная политическая эмиграция, которую нужно было либо привлечь на свою сторону, либо разложить. Но главное — крайне необходимо было достичь компромисса с назревающим национальным движением и его динамичными кадрами на самой советской Украине.

Этого можно было добиться лишь ценой признания украинской государственности, хотя бы теоретически и в такой форме, которая могла бы скрыть тоталитарное содержание и имперскую зависимость. Именно поэтому, уже даже после ликвидации провизорной «независимости» УССР и ее вхождения в СССР, официоз народного комиссара просвещения Г. Гринько «*Червоний шлях*» публикует уже в первом номере такое заявление:

«...в борьбе сформировалась Советская Украина как самостоятельная составная часть Советского Союза и как фактор современной международной жизни.»

А далее орган бывшего «боротьбиста» Гринько настойчиво, как бы соревнуясь с «самостийниками» в Варшаве или Праге, навязывает свою декларацию. Фактически это была борьба за лояльность украинского крестьянства. «*Червоний шлях*» пишет:

«Украина из глухой провинции царской России превратилась в рабоче-крестьянское государство, вторую по размерам и влиянию составную часть Советского Союза, и значительный фактор международной жизни. В соответствии с этим, «Червоний шлях» как орган общественной мысли должен находиться на уровне основных вопросов украинской.

союзной и международной жизни в сфере экономики, политики и культуры» (*Червоний шлях*, 1923, 1-2).

Подчеркивать повсюду государственность и определенную автономию УССР (так следует понимать всячески склоняемую «самостоятельность») стало общепринятой нормой. Последовательно проводится это и в союзном договоре, и в федеративной конституции (1922-24 гг.), зафиксировавших куцую государственность союзных республик. Как известно, эта конституция не удовлетворяла и самих украинских большевиков (или тех, кто только представлял Украину). И Х. Раковский и М. Фрунзе, не говоря уже о М. Скрыпнике и В. Затонском, добивались иной союзной модели, согласно которой советская Украина сохраняла бы государственный суверенитет и хотя бы частичную, но реальную роль участника международных отношений. Новые руководители УССР, даже неукраинского происхождения, понимали, что удержаться режиму и добиться лояльности к нему значительной части украинцев возможно только при условии сохранения определенной государственно-политической автономии и международного статуса социалистической Украины.

Правда, не все было четко определено в конституции. С одной стороны, она давала национальным элементам, в частности национал-коммунистам, возможность бороться за заполнение собственным смыслом того, что попадало в общие рамки государственной структуры. Но с другой стороны, эти неопределенные принципы и нормы допускали и такую интерпретацию, которая сводила бы украинскую советскую государственность к статусу обычной, управляемой из центра, губернии под фасадом «суверенности».

1920-е годы были периодом борьбы за аутентичное содержание нового Переяславского договора и его органичное расширение с тем, чтобы Украина могла выйти из статуса провинции и стать государственным образованием. Стоит подчеркнуть именно международный (внешний) аспект этой концепции. Существовало несколько актов, которые должны были сделать очевидной такую роль УССР.

Например, Раковский, тогда еще председатель правительства и нарком иностранных дел УССР, реагировал

нотой протеста против решения Совета Послов в вопросе Восточной Галиции, выступая против ее насильственного присоединения к Польше. Годом позже (14 апреля 1924 г.) Всеукраинский Центральный Исполнительный Комитет принял резолюцию в защиту угнетенных западноукраинских земель («*Нова громада*», 1924, 2-4).

Еще один факт: два советских полномочных представителя из Берлина и Вены, С. Крестинский и украинец М. Левицкий, вели в Вене переговоры по вопросу нормализации отношений с Румынией. При этом было составлено заявление, отрицающее румынский суверенитет над Бессарабией и Северной Буковиной. Значительная часть украинской общественности, не только этих земель и УССР, но и эмиграции, видела в этом демарше защиту украинских интересов.

Галицийский социалист Семен Витык, во времена провоглашения соборности Украины член Президиума Трудового конгресса в Киеве, оправдывал в эмиграции ограничение украинской советской государственности рамками СССР. В издаваемом им просоветском журнале «*Нова громада*» Витык писал:

«Когда социалистическая Украина в экономических делах и делах военных входит в связь с другими советскими республиками, то делает это из-за своего географического положения и соседства, а также в интересах международной безопасности, которая угрожает рабоче-крестьянским государствам и в первую очередь Украине со стороны наступающих сил мирового капитала и мировой реакции» (*Нова громада, Вена, 1923, 1, с. 10*)

Другой автор, А. Харченко, в этом же журнале указывает на основную цель, которую кое-кто надеялся достичь путем тесных связей советской Украины с советской Россией и другими социалистическими республиками:

«Что дает Украине союз с Советской Россией? Он дает ей надежду и основу для освобождения украинского народа Галиции и иных земель из-под чужеземного ярма!.. Путем такого союза Украина приобретает международное влияние и значение, он отвечает ее историческим целям, жизненным интересам и будущности» (там же, с. 20).

Потенциальная роль, которую могли играть УССР и СССР в вопросе Западной Украины — независимо от того, была ли она реальной или только надуманной, — имела и иной внешний аспект. Антипольски настроенные западные украинцы, главным образом из окружения Е. Петрушевича, пытались этим шантажировать Западную Европу, которая всячески стремилась задержать советскую экспансию. Мол, если вы не признаете Западно-Украинскую республику, хотя бы в форме Восточной Галиции, мы будем ориентироваться на Восток. Опять же, поляки представляли себе украинцев как союзников большевиков, от которых можно спастись, лишь признав стратегически важную территорию польской. Харьковские украинские круги какое-то время разыгрывали эту карту среди эмигрантов и в Галиции. Но вскоре Москва также заняла более реалистическую позицию по отношению к западным соседям и, помимо пропаганды, не готова была ломать копыя из-за «единокровных украинских и белорусских братьев».

Таким образом УССР, которая теоретически могла сыграть определенную международную роль в этих вопросах, оставалась лишь орудием высшей московской политики. Так должно было произойти, даже если ради этого нужно было пожертвовать сомнительной симпатией значительной части западноукраинского общества.

Утверждение субъективности советской Украины

Когда попытка создать государственно-политически самостоятельную Украину в связи с поражением на поле боя и неудачной международной конъюнктурой не осуществилась, национально сознательные, в частности левые, украинские круги, в том числе и в рядах КП(б)У, решили отстаивать духовно-культурные ценности украинского народа. В этих кругах зародилась концепция углубления национально-культурной революции и самостоятельного развития украинской культуры в существовавших тогда советских коммунистических рамках. Когда неудачно выдвинутая в 1920-21 гг. В. Винниченко и его единомышленниками (а еще раньше С. Мазлахом и В. Шахраем в их

трактате «До хвилі») концепция украинской политической «советской самостоятельности» не принесла успеха, из других кругов вышла идея национально-культурного ренессанса как предварительного условия постепенного освобождения нации. Этот культурный национализм или «национал-коммунизм» нашел своих сторонников среди украинских элементов, примкнувших к КП(б)У через «боротьбизм», прежде всего в лице наркома просвещения УССР А. Шумского и в еще более яркой фигуре писателя и публициста Мыколы Хвылевого.

Главным «преступлением» Шумского по отношению к партии было то, что он не считал украинизацию только тактическим ходом и относился к ней всерьез, считая ее этапом и средством дальнейшей эмансипации Украины. Он хотел эту эмансипацию ускорить, устранял препятствия — искусственные, технические или формальные, связанные с глубоко укоренившимися представлениями в психике русского осоветченного мещанина на Украине и в малороссийской ментальности многих земляков. Шумского также упрекали в том, что он содействовал распространению опасных идей самобытной культурной революции Хвылевого.

Хвылевый потому был смертельно опасным для строителей новой красной империи, что ставил вопрос об Украине как о равноправном партнере России, что пытался сформулировать для украинцев их собственную концепцию и наметил мировоззренческую ориентацию, принципиально противоположную российской, что последовательно предлагал украинцам мессианскую точку зрения и роль конкурента по отношению к России. А главное, Хвылевый настойчиво боролся против провинциальности украинской духовно-культурной жизни, вызванной ее подчиненным положением.

Так следует понимать его дилемму — «Украина или Малороссия?» Украина — новая сила, духовный гигант с назревающими колоссальными потенциями, а Малороссия — провинция, ничтожность, культурный примитивизм, способный служить кому угодно. Утверждение Хвылевого в памфлете «Украина или Малороссия», что «Украина —

независимое государство», ни в коей мере не было констатацией реального факта. Это скорее программный лозунг. Она такой должна быть, — хотел сказать Хвелевий, так как «этого требует железная логика и непобедимая воля исторических фактов».

Опасной у Хвелевого была его проповедь того, что Украина логикой исторического развития должна «стать собой», равной России и независимой, должна сама распоряжаться своею судьбой, пусть и на марксистско-социалистических основах, но по-своему понятых и применяемых.

«Если какая-нибудь нация проявляет свою волю на протяжении столетий, чтобы выявить себя, свой организм, как государственную единицу, тогда всякие попытки задержать этот естественный процесс... вносят элементы хаоса в мировой общеисторический процесс» («Украина или Малоросия»).

Это звучало в середине 1920-х годов как программа национально-освободительной революции колониальных народов 1950-60 годов. Трудно не согласиться с интерпретацией «азиатского ренессанса» Хвелевого Юрием Лавриненко, который видит в этом начало идеологии Третьего мира наших дней.

Что касается ориентации на Европу, то это была прямая реакция на подневольный и провинциальный статус Украины. Европа, для Хвелевого, — это свобода, развитие, самоопределение и достоинство человека, бунт свободной личности против заскорузлости, догматизма и штампов. «Европеизация» Хвелевого — это не столько «преклонение» перед культурными ценностями Запада, сколько стремление достигнуть уровня его культурно-духовной зрелости, чтобы при помощи достижений Европы развить возможности новых наций, в том числе и украинской, и ими обогатить общечеловеческую культуру. Европа, на которую предлагал ориентироваться Хвелевий, это «Европа Гете, Дарвина, Байрона, Ньютона, Маркса и т. д. и т. п. Это та Европа, без которой не обойдутся первые фаланги азиатского ренессанса» («Камо грядеши?», цит. по Ю. Лавриненко, «Розстріляне відродження», Париж, 1959, с. 807).

В украинской дискуссии о самом существенном, о том, «камо грядеши» украинская нация, подобные же мысли были высказаны устами другого поэта и мыслителя, что находился на мировоззренчески противоположной позиции. Это был Мыкола Зеров, неоклассик, который сходным же образом определял духовные направления украинского культурного, а с ним и общественно-политического процесса. Европу следует воспринимать цельной, сегодняшнюю и прошлую.

«Значит не будем чураться и старой Европы, и буржуазной, и даже феодальной. Не будем бояться и психологической заразы (кто знает, может пролетарию лучше уж заразиться классовой ограниченностью западноевропейского буржуа, чем вялостью российского «кающегося дворянина»), будем же осваивать источники европейской культуры, потому что должны их знать, чтобы не остаться навсегда провинциалами. И на обращенное к юной молодежи «Камо грядеши?» Хвылевого ответим: «Ad fontes!» То есть, пойдём к первоисточникам, дойдём до корней (там же, сс. 834-835).

Представленные здесь взгляды не были лишь мыслями нескольких человек с Парнаса «как справа, так и слева», но разделялись широкими кругами культурных деятелей различных областей творчества. Авангардные фигуры ренессанса в разных сферах искусства также разделяли эти принципы — Л. Курбас, М. Кулиш, М. Бойчук, А. Довженко и плеяда тех, кто был сотворцом украинского возрождения двадцатых годов. Даже довольно-таки конформистски настроенный В. Полищук из «*Червоного шляху*» вторит в 1924-м Хвылевому и Зерову. Он за то, чтобы освоить западноевропейские достижения, брать у Запада, но при этом быть готовым и давать Западу. Он за настоящий обмен, который должен быть двухсторонним, как, по его выражению, «циркуляция культурной крови». «Даешь Европу через культурный обмен!» — такой призыв бросает Полищук, достраивая его позитивно: «Украинская послеоктябрьская культура, вместе с предыдущими достижениями и ценностями, должна стать международным явлением, таким как, хотя бы, культура скандинавов» (*Червоний шлях*, 1924, 7, с. 192).

Эта открытость вовне, прежде всего на Запад, с

одновременным осмыслением своей собственной субъектности, а в общесоветском масштабе с борьбой за роль равного партнера для украинства и является отличительной особенностью культурно-мировоззренческой и политической мысли деятелей возрождения 1920-х годов. Желание прямой встречи с Западом, его достижениями, творческими экспериментами, идеями, стремление к прямой конфронтации без подставных посредников ярко определяют новое самостоятельное и в какой-то мере революционное мышление украинцев того времени.

Этот перелом в общественной мысли нового, пореволюционного поколения на Украине был куда более важным, чем некоторые временные внешние формы, институционные признаки и прерогативы украинской государственности под ширмой УССР. Конечно, и они имели определенное значение, но их конъюнктурность слишком уж бросалась в глаза многим и в СССР и за его пределами. В то же время признание духовно-культурной суверенности и призыв строить на ее основе международные отношения звучали гораздо более аутентично и убедительно.

II. Внешние связи

Прежде всего рассмотрим фрагментарные дипломатические проявления какого-то украинского участия во внешней политике, которое скорее следовало бы назвать остатками кратковременной внешнеполитической «независимости». После ликвидации украинских советских миссий за границей украинцам обещали участие их представителей в общесоветских дипломатических миссиях. Никакого существенного эффекта от этого не было, и обещания 1923-24 гг. были забыты.

Были еще попытки наладить автономные экономические связи Украины, но на это также было очень мало шансов из-за централизованного характера советской экономики. Все же украинские предприятия активно проявляли себя во внешней торговле; в частности, пытались использовать свои возможности полуавтономные кооперативные организации. Украинские хозяйственные круги настаивали на самосто-

ательных экономических связях, даже при их подчинении Москве.

Более динамичными были внешние культурные связи. Приезд зарубежных делегаций, участие украинцев в отношениях с чужим миром, в частности в западноевропейских культурных, художественных и научных встречах, однозначно оценивались советскими украинцами как их международное культурное признание. Свой культурный обмен они понимали как процесс, который не только обогащал их достижениями других, но также представлял их собственные достижения вовне. Все это не удалось довести до серьезного уровня, т. к. вскоре культурные связи вообще были сильно ограничены.

Еще одним аспектом внешних контактов УССР были ее связи с «зарубежной Украиной», прежде всего — с западными украинцами. Здесь не только инспирировали создание и деятельность просоветских групп и организаций, но и пытались нейтрализовать антисоветские настроения именно примером культурного возрождения в УССР.

Анализируя те немногие контакты, что существовали в течение нескольких лет, мы видим, что УССР рассматривала себя как представителя всей украинской культуры, всех украинцев.

Поворот лицом к украинцам Запада имел целью усилить явление так называемого «сменовеховства» в эмиграции и одновременно ослабить активность антисоветской эмиграции. В какой-то мере в середине 1920-х годов этого удалось достичь, но новые репрессии и антиукраинский погром в УССР, а затем коллективизация и голод эту тенденцию полностью парализовали.

Особого внимания заслуживает развитие событий в области связей КП(б)У с братскими партиями за границей — Коммунистической партией Западной Украины (КПЗУ), Коммунистической партией Закарпатской Украины и даже с украинскими коммунистическими группами в США и Канаде. КП(б)У хотела фигурировать как украинская партия и была какое-то время представлена в руководящих органах Коммунистического Интернационала, хотя членов Украинской коммунистической партии (УКП) туда не пускали.

Внешнеполитической можно считать и активность государственных и общественных деятелей УССР с целью украинизировать украинские поселения в СССР за пределами Украины.

Рассмотрим кратко различные проявления этой внешней активности УССР.

Остатки дипломатических контактов

Союзный договор и федеральная конституция СССР предусматривали слияние внешнеполитической деятельности и дипломатической репрезентации УССР. Речь шла о существовавших тогда четырех дипломатических представительствах, торговой миссии, репатриационной комиссии и т. д. Их полная ликвидация могла бы не только нанести чувствительный удар по престижу УССР, но и повредить специальным функциям украинского советского правительства. В 1923 году Москва и Харьков договорились, что в УССР будет действовать уполномоченный наркома иностранных дел СССР. Им до 1927 г. был А. Шлихтер, ранее заместитель наркома УССР Раковского. Именно он должен был стать посредником между украинским правительством и наркоматом в Москве. Функции Шлихтера сводились к формальным контактам с несколькими иностранными консульствами на Украине. К тому времени уже прекратили свою деятельность и даже стали нежелательными различные международные представительства организаций помощи, которые в начале 1920-х годов действовали в УССР, среди них — Американская организация помощи, миссия Нансена, Международный союз помощи детям, менонитское представительство, чешские миссии и Международный Красный Крест. После 1927 г. представительство уполномоченного наркома иностранных дел в Харькове утратило всякое практическое значение. То же самое можно сказать и об уполномоченном наркоме внешней торговли, как и о представителе Совнаркома УССР в Москве А. Приходько, который вскоре сошел со сцены, так как его бюро было лишь декорацией.

Согласно распоряжению Президиума ЦИК СССР от мая 1925 г., в советских посольствах на территории тех

государств, где союзные республики имели особые интересы, первыми советниками и первыми секретарями должны были быть назначены лица, чьи кандидатуры были согласованы с правительствами этих республик. УССР должна была иметь советников-украинцев, своих представителей в Берлине, Вене, Праге, Варшаве, Бухаресте, Риме и Париже. Однако мало что из этого было реализовано. Шумский был отозван после ликвидации варшавской миссии УССР. Советником был назначен украинский еврей Г. Беседовский, который несколько лет спустя бежал с дипломатического поста в Париже. С. Крестинский упорно сопротивлялся назначению бывшего посла УССР В. Ауссема первым советником советской миссии. Наконец, он согласился на назначение украинца... аж секретарем консульского отдела при посольстве. В советском полпредстве в Праге работало несколько сотрудников — граждан УССР, но не на ответственных постах. Если верить эмигрантской информации, то среди более чем 60 сотрудников посольства был лишь один этнический украинец («*Нова Україна*», Прага, 1927, 1-2, с. 105). Лишь один М. Левицкий, бывший посол УССР в Праге, стал главой советского полпредства в Вене возможно потому, что там находилось эмигрантское правительство УНР. Беседовский рассказывает в своих воспоминаниях («*На путях к Термидору*», Париж, 1931), что украинцам обещали пост посла в Бухаресте, как только нормализуются отношения между СССР и Румынией, но до этого так и не дошло. Консулами СССР были: во Львове — Ю. Лапчинский, в Канаде — И. Кулик. Это все, что можно сказать о «дипломатических» проявлениях особой деятельности УССР, которой после 1923 г. почти и не было. А. Рыбалко имел все основания писать в парижской «*Новій Україні*», что, ликвидировав комиссариаты иностранных дел отдельных республик, в том числе и Украины, большевики тем самым ликвидировали и юридическую «самостоятельность» этих государств, т. к. «основным признаком юридически самостоятельного государства является право выступать на арене международной политики», а самым существенным в общественной жизни отдельного государства как раз и должны быть эти ликвидированные коми-

ссариаты («*Нова Україна*», май 1923, с. 116).

Торгово-экономические связи

Украинское общество в УССР, включая национал-коммунистов, все еще рассчитывало на автономные, хотя и ограниченные торгово-экономические связи. Этого требовали вполне обоснованные амбиции инициативных людей в центральных органах УССР, но с этим же были связаны и непосредственные государственные интересы Украины. Председатель Совнаркома УССР Раковский так представил в 1923 г. подобного рода устремления:

«Тот факт, что мы выступаем перед границей как единое целое, не исключает права отдельных республик заключать, с разрешения Союза, внешние договоры займа и договоры о концессиях» (*Нова громада*, 1923, 2, с. 92).

Председателя правительства и наркома внешних сношений УССР Раковского в июле 1923 г. назначили послом в Лондон, а от прав Украины заключать договоры о концессиях ничего не осталось. Правда, оставался в Харькове представитель союзного народного комиссара внешней торговли Золотарев, который даже давал интервью иностранной прессе о перспективах украинского экспорта и импорта в торговле с Италией. Италия тогда занимала первое место, как сказал Золотарев редактору «*Пополо д'Италия*», в украинском экспорте соды, угля и некоторых других видов сырья («*Нова громада*», 1924, 5-6, с. 125).

После ликвидации недоразумений между СССР и Германией в 1924 г. нарком внешней торговли СССР отменил свои прежние распоряжения о запрещении торговых взаимоотношений Украины с немецкими фирмами. Вновь было подтверждено, что на Украину, согласно ранее заключенным договорам, будут ввозить сельскохозяйственные машины, химические препараты и техническое оборудование, а Украина будет экспортировать в Германию преимущественно пищевые продукты и сырье (там же).

Очевидно, что в двадцатые годы происходил усиленный обмен товарами между Украиной и внешним миром, но в

общесоюзных рамках, и украинское советское правительство мало что здесь решало. Из *«Нових шляхів»* А. Крушельницького узнаем, что между 1925 и 1929 годами экспорт донецкого антрацита в Италию увеличился в 8 раз (*«Нові шляхи»*, 1929, 4, с. 400). Этот журнал, кстати, давал постоянные обзоры экономики УССР, однако из них никак не вытекало, чтобы «внешние» экономические связи определялись интересами республики и свободным решением республиканского правительства. Правда, в энтузиазме различных украинских организаций недостатка не было.

Украинская кооперация (*«Дніпросоюз»*), тогда еще полуавтономная, в рамках торговли потребительскими товарами, организация, проявляла в значительной мере собственную инициативу. Украинские организации участвовали на некоторых ярмарках. В 1929 г. они, например, активно добивались экспорта украинской продукции на турецкий и персидский рынки во время VII Бакинской ярмарки. Те же *«Нові шляхи»* пишут, что ярмарка выявила большие возможности сбыта в Персии украинских химических продуктов, мебели, кондитерских изделий и пива.

В 1925-30 гг. на Украине существовала Украинская Восточная Торговая палата, которая имела специальное задание содействовать торговым связям со странами Ближнего Востока. Интересным откликом на эти особые связи Украины с Востоком в двадцатые годы были исследования на эту тему, опубликованные в годы относительной «оттепели» в УССР. В 1968 г. в Киеве вышла небольшая книжка *«Україна і Близький Схід»*. В 1973 г. И. Черников опубликовал работу на ту же тему *«Дружня підтримка і співробітництво Української РСР у відносинах Радянського Союзу з країнами Близького і Середнього Сходу (1922-1939)»*.

Обращала на себя внимание также серия статей на страницах *«Червоного шляху»* в 1924 г. на тему перспектив внешней торговли Украины. Все это звучало в то время оптимистично, несмотря на ограниченные политические и экономические прерогативы УССР.

Начало культурного обмена

Перейдем к культурным связям, которые, казалось бы, были еще менее опасными для целостности Союза и к которым украинцы как молодая нация были особенно чувствительны. Конечно, затруднительное финансовое положение, в котором в то время находились украинское советское правительство и отдельные организации, не давало широких возможностей для развития таких отношений. Всякий приезд на Украину какого-либо ученого, художника, журналиста, оценивался очень высоко. Сначала приезжали преимущественно левые гости с Запада. Но позже и независимые деятели начали интересоваться Украиной, ее научными и культурно-художественными учреждениями и людьми. Все это тщательно отражает украинская советская пресса, а так же украинская просоветская пресса за рубежом. Вот несколько фактов, отобранных из обзоров прессы, которые тогда наполняли гордостью сердца украинских советских деятелей. Мол, и «мы в Европе», и нас признают. Ниже представлены отобранные селективно из хроники 1926-27 гг. факты:

* Художник-декоратор «Березоля» Вадим Меллер получает заграничную командировку.

* Ассоциация революционных художников Украины получает приглашение принять участие в выставке архитектуры в Праге.

* В «Прагер Прессе» опубликовано интервью с Л. Курбасом.

* Немецкий художник Велладен посетил Киев, где интересовался положением украинской высшей школы и навестил М. Бойчука и В. Меллера.

* Греческая Академия Наук, а также университет А. Коменского в Братиславе и химический факультет Токийского университета прислали в Украинскую Академию Наук письмо, в котором выразили желание начать сотрудничество и обмен научными изданиями.

* Французский писатель Анри Барбюс побывал в Харькове, выступил в Доме литераторов с докладом о

современной французской литературе. Побывали на Украине писатели Ж. Дюамель и Л. Дюртен.

* На Биеннале в Венеции у украинских художников есть собственный отдел в советском павильоне.

* На Пятый международный конгресс почвоведов собираются ехать с докладами Г. Махив и Д. Вилянсий.

* Турецкий историк Ридван-Нафид проинформировал историческую секцию Украинской Академии Наук о том, что он подготовил серию статей об украинско-турецких взаимоотношениях.

* На XVIII съезде Международного статистического института в Варшаве председатель Центрального статистического управления Украины С. Миняев выступил по-украински и раздал участникам текст доклада на французском языке.

* Академику П. Тутковскому предложили подать свою биографию и библиографию в Испанскую энциклопедию.

* В Париже возник кружок «Друзей украинского кино».

* Капеллу «Думка» пригласили в Польшу и Германию на гастроли.

* В визитом в Париж выехали с Украины художники М. Бойчук, А. Таран, В. Седляр из Украинской Академии Художеств (так еще в 1927 г. величали учреждение, которое несколько лет спустя было реорганизовано в художественный институт).

* Украинскую Академию Наук пригласили на международный конгресс в Будапешт.

* Международный справочник «Минерва» дает точную информацию о положении высшей школы и научных учреждений с полными списками преподавателей и транскрипцией их украинских имен и фамилий.

Этот перечень можно было бы продолжить, ссылаясь на «Червоний шлях», «Життя і революцію», «Гарт», «Нову громаду», бюллетени Академии Наук и даже на эмигрантские или галицийские антисоветские издания того времени.

Добавим, что охотно выезжали в командировку в Западную Европу и Курбас, и Довженко, и даже Хвелевий. Сам нарком просвещения и покровитель украинизации

Мыкола Скрыпник переписывался с различными людьми на Западе и побывал в нескольких западных столицах с целью установить культурные связи с заграницей. Не отстают и официальные чиновники. Всеукраинский союз пролетарских писателей принимает в Харькове делегатов Второй всемирной конференции пролетарских писателей, которая в 1931 г. именно в Харькове оформляет Международное объединение пролетарской и революционной литературы.

На Украине проходили дискуссии о том, чтобы, параллельно с Всеукраинским обществом культурных связей с заграницей, организовать еще и международную ассоциацию друзей украинской культуры. Львовский просоветский журнал так характеризует это состояние оживленных культурных связей с внешним миром:

«На Украине научные учреждения установили живые и активные связи с научными учреждениями почти всего мира. Такие непосредственные научные связи необходимы Украине как с точки зрения научного обмена, так и с учетом зарубежной информации о национальном развитии украинской науки» (*Нові шляхи*, 1929, 8, с. 355).

Если взглянуть на уровень публикаций, информацию о внешнем культурном мире, на многочисленные переводы произведений иностранной литературы, то на самом деле можно сделать вывод, что Украина пробивала себе окно в мир, а Европа все больше узнавала Украину. Еще и сегодня можно найти издания Украинской Академии Наук тех времен в западных университетских или национальных библиотеках. И в этих изданиях резюме было, как правило, не на русском, а на одном из западноевропейских языков. Если к этому добавить, что одновременно существовала Ассоциация востоковедения с научно-исследовательским институтом и собственным журналом «*Східний світ*» и на Украине проходили съезды востоковедов, то призыв Хвылевого «Даешь Европу!» и его мечты об «азиатском ренессансе» действительно казались вполне реальными на украинском культурно-политическом фоне 1920-х — начала 1930-х годов.

Связи с «зарубежной Украиной»

Уже говорилось о том, что украинское правительство выступило на дипломатической арене в 1923 г. против окончательного признания Восточной Галиции польской. Это событие сопровождалось антипольскими демонстрациями в республике. Однако практических последствий этого движения протеста не было. Цель протеста скорее была другой — завоевать симпатии некоторых кругов западных украинцев и укрепить небольшую, но шумную группу коммунистов, организованную сначала в компартию Галиции, а затем в КПЗУ. В какой-то мере эта тактика принесла успех, т. к. КПЗУ добилась легитимации в украинском обществе, а ориентация на СССР (симпатии коммунизму!) захватила и некоторые некоммунистические круги. Привлекательным казалось то, что к востоку от Збруча создается украинское государство, развивается украинская культура, формируются украинские кадры (в чем западные украинцы были дискриминированы), появляется перспектива постепенной эмансипации украинской нации.

Антипольская позиция руководства УССР и его претензии выступать в роли защитника западноукраинских земель были козырем советской Украины, усиливающим ее влияние на жизнь Западной Украины, особенно той части, что находилась под Польшей. Упомянутый уже галицийский социал-демократ Витык, сменивший свои проуэнэровские взгляды на просоветско-украинские, так пишет об этом влиянии в издаваемом в Вене просоветском журнале:

«Непрерывные напоминания о судьбе украинского народа за Збручем стали уже своего рода традиционным «цетерум цензео» Советской Украины» (*Нова громада*, 1923, 2, с. 18).

УССР и ее столица Харьков в период украинизации превратились в своеобразную Мекку для части левых западных украинцев. Кое-кто из них остался там еще со времен освободительной вооруженной борьбы, другие решались ехать на Украину из эмиграции, а были и такие, что нелегально пробирались на советскую Украину из Галиции, чтобы там, как они надеялись, заниматься патриотической деятельностью.

В УССР возник литературно-художественный союз «Западная Украина», который при поддержке правительственных кругов издавал альманах с таким же названием. Правительство давало стипендии студентам-галичанам. В Харькове был создан Галицийский клуб. Тот же Витык предлагает ответственным работникам в Харькове, правительству УССР (в то время шла борьба за высшую школу в Галиции) восстановить университет в Каменец-Подольском, т. к. это был бы «дальнейший шаг к единству и воссоединению» двух ветвей Украины (там же, с. 16).

Помимо связей, которые организации УССР устанавливали с коммунистическими и прокоммунистическими группами на Западной Украине, существовали еще контакты научных, культурных и хозяйственных деятелей советской Украины с некоммунистическими учреждениями и отдельными лицами. Четырех западноукраинских ученых избрали академиками Украинской Академии Наук. В работе конференций по выработке общего, так называемого «харьковского» правописания принимали участие также языковеды с Западной Украины. М. Грушевский, решивший вернуться из эмиграции на советскую Украину, чтобы внести свой вклад в развитие украинской культуры, привлек к сотрудничеству в журнале «Україна» нескольких западноукраинских и эмигрантских авторов. В торжествах по случаю юбилея того же Грушевского в Киеве принимала участие делегация из Галиции. Произведения некоторых западноукраинских авторов издавались в УССР.

Советские инспирировали и, вероятно, частично финансировали некоторые периодические издания на Западной Украине: «Культуру», позже «Нову культуру» во Львове, еженедельник «Боротьба» в Черновцах, журнал «Наша земля» в Ужгороде. По-видимому, были еще кое-какие связи между галицийской кооперацией, обществом «Просвіта» и даже Научным обществом имени Шевченко и организациями Харькова и Киева. Некоторые львовские деятели встречались с эмиссарами советского украинского правительства или советских учреждений, в частности были связаны с сотрудниками львовского советского консульства. Отсюда пошло презрительное прозвище «икредов» для тех галиций-

ских деятелей, что поддерживали такие контакты, — мол, участники таких встреч лакомились советской икрой.

Особенно позитивными были подобного рода контакты в Закарпатье, где украинские советские деятели поддерживали украинскую ориентацию местных коммунистов, которые до того не знали, на кого ориентироваться в хаосе языково-национальных проблем. Необходимо подчеркнуть, что украинское фонетическое правописание в этих краях прежде всего приняла коммунистическая пресса. Будучи довольно многочисленной, компартия Закарпатской Украины в значительной мере способствовала победе украинской ориентации.

С прекращением процесса украинизации в УССР и началом разгрома украинского национального возрождения советское влияние на украинское население в соседних Польше, Румынии и Чехословакии ослабло. Только подлинные приверженцы красной Москвы, в частности среди меньшинств на западноукраинских землях или, к примеру, среди закарпатского сельского пролетариата, оставались еще под большевистским влиянием.

Влияние на эмиграцию

Важной задачей внешней политики УССР было добиться влияния на эмиграцию. Ради этого проводились акции против политической эмиграции прежде всего в Средней и Западной Европе, но так же и в местах значительного скопления социально-экономических эмигрантов в странах Северной Америки. Ослабить, нейтрализовать и даже разложить политическую эмиграцию было тем более важно для УССР, что различные формы антисоветской активности эмиграции существенно вредили репутации советского государства. Но наряду с этим такая деятельность имела целью усилить базу украинизации в УССР путем привлечения сторонников на Западе и стимуляции к возвращению хотя бы части потенциальных кадров для углубления процессов украинизации.

Инспирация «сменовеховства» и возвращенческих настроений в эмиграции была в центре внимания организаций и

лиц, которые занимались в УССР работой с политической эмиграцией. Сначала она была в ведении исключительно дипломатических представительств УССР, затем этим стали заниматься миссии СССР или же различные общества и организации, специально для этого созданные и в большей или меньшей мере поддерживаемые советскими органами. Смена ориентации на советскую Украину происходила не только в результате активности советских органов, т. е. она не была агентурной. Скорее общая конъюнктура, безнадежность эмигрантской судьбы и эмигрантского существования, с одной стороны, а также появившиеся надежды и готовность идти на риск, с другой, повлияли на решение некоторых эмигрантов, в том числе и видных деятелей УНР, вернуться на родину и там продолжать работу для своего народа и даже сыграть определенную роль в процессе национального возрождения 1920-х годов.

«Сменовеховство» в украинской эмиграции, как впрочем и в других эмиграциях, финансово в какой-то мере поддерживалось советскими, хотя и не все участвующие в этом движении эмигранты вернулись на родину. Едва ли не первым его начал Винниченко, который в 1920 году вернулся на Украину и пробовал там договориться с большевиками о реорганизации правительства УССР и придании ему и украинскому советскому государству более национального характера. Независимо от Винниченко и некоторые другие деятели из приднепровцев и галичан также вернулись на советскую Украину и стали там в откровенную оппозицию по отношению к основной массе эмигрантов. Из среды рядовых эмигрантов возвращались в основном люди, не имеющие работы и средств к существованию, в частности из лагерей интернированных бойцов армии УНР, после того, как харьковское правительство объявило амнистию. Полпредства и различные миссии, особенно репатриационные, активно уговаривали людей вернуться. Пока появлялись кандидаты на возвращение, пока они готовились к возвращению на родину, эти миссии проводили активную работу среди эмигрантов, агитировали, устраивали дискуссии в различных печатных органах, изданию которых содействовали советские дипломатические и правитель-

ственные круги, всячески стремясь оправдать свою деятельность.

В Вене начал выходить журнал «*Нова громада*», в Праге — «*Нове життя*», в Париже — «*Українські вісті*», в Берлине — «*Наша правда*». Возникали различные просоветские организации: в Австрии — Украинский рабочий совет, рабочее общество «Единство» и студенческая социалистическая община имени Драгоманова; в Праге — Украинское общество имени Шевченко и Союз студентов — граждан УССР в Чехословакии, который позже был преобразован в Деловое объединение умеренного украинского студенчества (в противовес Центральному союзу украинских студентов); во Франции — Союз украинских граждан во Франции. В Берлине было создано украинское издательство марксистской литературы «Космос» для читателя за океаном.

Одновременно советские усилили свою активность среди эмигрантов - «заробитчан» в США и Канаде, где левые симпатии проявлялись еще во времена освободительной борьбы 1917-20 гг., когда часть эмигрантов попала под влияние большевистской пропаганды. В Нью-Йорке начали выходить коммунистические «*Українські щоденні вісті*», а в Виннипеге — газета «*Українські робітничі вісти*». Эти издания и политические организации, действующие то ли как филиалы местных компартий, то ли как крайне левые социалистические украинские группы, положили начало явлению, известному как украинская «трудолюбивая эмиграция» или прогрессисты.

Существовали еще и минимальные неполитические культурные связи с эмиграцией. Хотя Винниченко и порвал политические связи с Харьковом, все же его произведения продолжали появляться на советской Украине, откуда он даже получал неплохие гонорары. В эмиграции же были изданы произведения подсоветских писателей В. Пидмогильного и Т. Осъмачки.

Но эти связи также прекратились с концом украинизации и началом погрома украинской культуры — за исключением связей с так называемыми прогрессивными элементами в Канаде и США, но и они теряли своих членов и влияние в 30-е годы.

Украинский фактор в международном коммунистическом движении

Понятно, что украинские коммунисты через КП(б)У или национальную УКП пытались играть какую-то роль в Коминтерне. Это было более или менее возможно, пока существовала пусть и союзная с РСФСР, но формально независимая УССР. Шансы на независимое участие украинских коммунистов в Третьем Интернационале уменьшились после образования СССР, хотя и тогда еще это участие было актуальным из-за сильного украинского элемента в компартиях стран, в которые входили западноукраинские земли. Хотя детальное обсуждение интересного вопроса об украинском участии в Коминтерне не является целью настоящей статьи, стоит все-таки заметить, что это был еще один международный форум, на котором в 1920-х годах ставилась украинская проблематика.

КП(б)У формально имела отдельное членство в Коминтерне, и даже в 1920 г. на какое-то короткое время в Третий Интернационал была допущена Коммунистическая партия Галиции. По требованию РКП(б) в Коминтерн не приняли украинских коммунистов-боротьбистов. Коминтерн часто рассматривал украинскую проблему в УССР и дела украинского меньшинства в соседних странах. Опять-таки Коминтерн принял в 1925 г. резолюцию о роспуске УКП, существование которой одновременно с КП(б)У якобы было нерациональным.

Однако основной темой в Коминтерне было обсуждение национального уклона в КП(б)У, так называемого «шумскизма» и связанный с ним конфликт в КПЗУ, когда была ликвидирована большая часть этой партии. Как всегда по требованию Москвы и подчиненной ей КП(б)У, обсуждалась национальная политика и украинизация, проводимая в сфере культуры Шумским. Взгляды Шумского осудили как опасное проявление «буржуазного национализма». С этой критикой не согласилась КПЗУ, представитель которой в ЦК компартии Украины К. Максимович солидаризировался с Шумским. За ним пошла большая часть КПЗУ. Именно этот

конфликт и рассматривал Коминтерн, который к тому времени уже окончательно превратился в орудие московской политики. Он осудил Шумского и большую часть ЦК КПЗУ. Это, в результате, привело к расколу в КПЗУ, которую также осудила опекающая ее партия — Коммунистическая партия Польши. Руководителями КПЗУ стали, по указке Москвы, ее прислужники, среди которых преобладали неукраинцы.

Осуждая «националистический уклон» Шумского-Максимовича, Коминтерн поддержал линию ЦК КП(б)У, утверждавшего, что на Украине усиливается украинский шовинизм, что «буржуазия стремится направить экономику Украины на путь капиталистического развития, держа курс на связь с буржуазной Европой, противопоставляя интересы Украины интересам других советских республик» («*Пролетарська правда*», 5 июля 1927 г.).

Следует отметить, что в рамках самостоятельного представительства Украины был создан в Профинтерне отдельный украинский профсоюзный центр. На международной крестьянской конференции в Москве в 1923 г. также принимала участие отдельная украинская делегация, а съезд этот приветствовал от имени правительства УССР Г. Петровский.

Забота об украинской диаспоре в СССР

Судьба 6,9 миллионов украинцев, проживающих в Советском Союзе вне пределов УССР, не могла не волновать представителей советской Украины. Наиболее далеко идущие шаги для решения этой проблемы предприняло гетманское правительство в 1918 присоединив к Украинской державе смежные этнические территории на севере и северо-востоке, а также Холмщину на западе. Это же правительство (по инициативе министра Д. Дорошенко) стремилось оказывать культурное влияние и финансировать украинизацию в Донской области, на Кубани и в Крыму.

Украинские культурные деятели добивались, чтобы и советское правительство опекало украинское меньшинство в РСФСР, тем более, что часто украинцы заселяли смежные с Украиной территории, во многих районах составляя

большинство населения. Присоединить хотя бы часть земель, где большинство составляли украинцы, не удалось, хотя национал-большевики типа Скрыпника предпринимали усилия в этом направлении. Не добившись здесь успеха, Скрыпник на должности наркома просвещения старался распространить украинизацию образования, прессы и культурной жизни на эти территории.

Украинизация вне Украины — еще не исследованная тема, которая нуждается в детальном изучении документов. Мы знаем о некоторых украинских средних школах и вузах, о сети начального образования, о прессе на Кубани и Дальнем Востоке, о том, что находящееся за пределами Украины украинское население в 1920-30-х годах готово было включиться в процесс украинизации. Однако правительство УССР в целом, за исключением отдельных сотрудников Наркомпроса, не включилось в это дело. Конец украинизации в УССР означал прекращение всякой культурной работы и просвещения на украинском языке среди миллионов украинцев за пределами республики, обреченных на ассимиляцию. Все это началось со второй половины 1930-х годов, когда советская Украина уже не имела никакой своей культурной политики и все решала Москва.

Стоит напомнить, что до того времени еще существовали очаги украинской культурной жизни вне Украины, которые играли определенную просветительскую роль. Вспомним хотя бы Украинский клуб имени Шевченко, украинский театр и очень недолго выходивший ежемесячник *«Нове слово»* в Москве, Ленинградское общество исследования украинской истории, письменности и языка и украинский театр в Ленинграде в двадцатые годы. Какое-то время существовал Союз украинских пролетарских писателей в РСФСР с центрами в Москве, Ленинграде и на Кубани. Грушевский старался добиться, чтобы в Москве при Академии Наук СССР были созданы институты истории Украины и украинского и белорусского языков. Из этих планов ничего не вышло, а после 1934-35 годов украинская культурная жизнь на Кубани, в Ставрополье, на Дону, в Поволжье, Курской и Воронежской областях и в азиатской

части РСФСР была окончательно подавлена, так и не успев развиться.

Для периода «украинизации» характерны некоторые мероприятия и инициативы в этом направлении, но вся эта «внешняя» активность с концом украинизации прекратилась. Лишь случайно на некоторых из украинских этнических островков вновь волнообразно проявлялась какая-то украинская просветительская и культурная деятельность в 1941-43 гг., когда на эти территории были эвакуированы украинские учреждения культуры и образования.

*

Все эти попытки естественного излучения украинской культуры вовне, распространения образования на украинском языке за пределами УССР и налаживания всесторонних культурных связей с другими народами были прекращены. Украину стремились превратить в глухую провинцию без контакта с внешним миром, запрещая ее связи с Западной Европой и хотя бы скромное сотрудничество с зарубежными украинскими общинами. Так же запретили украинским деятелям УССР поддерживать связи со своими земляками вне республики в пределах СССР.

Эта полная изоляция и атомизация украинской жизни с показательными и контролируемыми минимальными «внешними связями» превратила Украину, начиная со второй половины 1930-х годов, в почти недоступную советскую Албанию. Ее правосубъектность и культурная самостоятельность в «проклятые тридцатые годы» были сведены на нет, а возможности собственного творческого развития были подкошены, подогнаны под мерку обычной губернии. Лишь некоторые факторы, что были не под контролем режима, еще мешали полной победе сталинской Москвы над украинским народом.

Попытки двадцатых годов сотрудничать с внеукраинским миром имели своей целью реализовать концепцию самобытности, вырваться за рамки векового статуса Украины как малороссийской провинции, а для некоторых — и осуществить своеобразную миссию современного укра-

инства: стать катализатором освобождения народов Третьего мира. Если им стала четверть века спустя Югославия Тито, то, в конце-концов, мечта Хвyleвoгo и Скрыпника не кажется такой уж утопией.

Новая книга:

ДЕПОРТАЦИЯ СОВЕТСКИХ НЕМЦЕВ В ГОДЫ II МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Депортация советских немцев началась, собственно, еще до опубликования Указа Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 г. «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья». Миф о шпионах и диверсантах среди немецкого населения, сочиненный уже задним числом в ходе принудительной высылки, понадобился Сталину для того, чтобы развязать себе полностью руки. Теперь, спустя много лет после тех трагических событий, появились некоторые свидетельства о том, как был сфабрикован инцидент с диверсантами и шпионами, которых якобы скрывало немецкое население. Согласно этим свидетельствам, Маленков и Берия предложили организовать провокационный акт на территории республики немцев Поволжья с тем, чтобы их можно было обвинить в шпионаже и диверсии в пользу фашистской Германии и жестоко расправиться с ними — в назидание другим. Оба — и Берия, и Маленков — в июле 1941 г. были в г. Энгельсе (столице республики), где на одном заседании партийных функционеров и чинов военных ведомств они обратили внимание на опасность, которую представляют в настоящий момент для государства немцы Поволжья, а также на необходимость применения к ним драконовских репрессивных мер, которые вполне правомерны с точки зрения внутреннего положения страны. Нетрудно догадаться, от кого исходила эта идея. Сталинские приспешники лишь реализовали ее так, как она была намечена в сценарии гениальным теоретиком национальных проблем.

В мемуарах польского генерала Андерса (а также по свидетельству многих польских офицеров армии Андерса, отдельные части которой были тогда расположены на территории республики) есть сведения о том, что в июле

1941 большое количество советских парашютистов, переодетых в немецкую форму и хорошо говорящих по-немецки, было сброшено на территорию республики немцев Поволжья. Местное население, по словам свидетельствующих, тепло встретило своих мнимых освободителей, за что жестоко поплатилось впоследствии.

Первыми были депортированы 20 августа 1941 г. 3 500 крымских немцев (5 000 избежало насильственной высылки, так как в суматохе отступления советским властям было уже не до них; после оккупации Крыма немецкими войсками они были переселены в Германию). Под охраной солдат НКВД немцев доставили к берегам Черного моря и там, погрузив их на пароходы, перебросили на Северный Кавказ, в Ставропольскую область, где они помогали местному населению убирать урожай. Поздней осенью, когда фронт стал приближаться к этим местам, немцев погрузили в товарные вагоны и вывезли в Среднюю Азию и Сибирь. По дороге немецкая авиация не раз бомбила товарные составы с ссыльными немцами, принимая их за воинские эшелоны. Руководил всей операцией выселения немцев признанный специалист по депортации генерал Серов.

Перед войной на Украине проживало около 420 000 немцев. Стремительное продвижение германских войск в первые недели войны по территории Украины не дало возможности советским властям заблаговременно заняться депортацией подозреваемой в измене этнической группы. Только в глубоком тылу успели всех трудоспособных лиц мужского пола от 16-ти до 60-ти лет большими партиями угнать подальше от фронтовой линии и использовать их на оборонительных работах. Позднее они также были отправлены в северные районы страны — в так называемые трудармии. Всего с Украины с июля по октябрь 1941 г. было депортировано 100 000 немцев. В большинстве случаев они попали в различные республики Средней Азии.

В начале сентября началось выселение немцев Поволжья. Площадь автономной республики составляла 10 000 кв. км., а население (имеются в виду только немцы) около 400 000 человек. Генералу Серову было где развернуться и блеснуть своим мастерством. Немцам Поволжья предоста-

вили больше времени для сбора в дорогу. Брать с собой разрешалось только самое необходимое из одежды, посуды и продуктов питания, все остальное, все, что было нажито долгими годами труда, безвозмездно конфисковывалось в пользу государства. Патрули НКВД в боевой готовности охраняли все населенные пункты, которые пустели один за другим. Близлежащие железнодорожные станции были битком набиты людьми. Вагонов для отправки не хватало, и люди жили под открытым небом по нескольку дней. Местное население из русских, украинцев и казахов не проявляло такого сочувствия к ссыльным немцам, как крымские татары, которые еще не знали тогда, что скоро и сами последуют в ссылку. Стена отчуждения пролегла между немцами, обвиненными в предательстве, и другими народами, и стену эту искусственно воздвигали сами власти.

В октябре 1941 г. была проведена еще одна массовая депортация немцев — с Кавказа. Около 25 000 человек транспортировали до близлежащих железнодорожных станций, а оттуда они через Баку были доставлены на место ссылки — в Казахстан.

Если учесть, что из различных областей РСФСР с сентября по октябрь было депортировано еще около 80 000 человек, общее число депортированных немцев в первые четыре месяца войны можно определить приблизительно в 640 000 человек.

Когда испуг от поражений первых месяцев войны несколько ослаб, власти приступили к очищению прифронтовых областей от оставшегося там немецкого населения. Времени на сборы не давали. Просто перед домами, где жили немцы, останавливались подводы или машины, военные объявляли им о высылке, и старики, дети и женщины (мужчин уже предварительно вывезли) вместе с их жалким скарбом отправлялись в бессрочную ссылку. В марте 1942 г. из окрестностей Ленинграда было депортировано в Сибирь около 26 000 человек. В июле 1942 г. за ними последовали оставшиеся еще на Кавказе немцы. В конце 1941 г. была очищена также от военнопленных немецкой национальности действующая армия. Многие немцы были уже убиты, тяжело ранены или оказались в плену после первых месяцев

кровопролитных боев. Оставшихся в живых солдат и офицеров прямо с фронта направили в трудовые армии в тылу. Они оказались на положении ссыльных. Депортация немцев небольшими партиями продолжалась вплоть до 1944 г., пока вся европейская часть СССР не была очищена от лиц немецкой национальности. Только тогда «охота за ведьмами» была прекращена. Таким образом, число депортированных с 1941 г. по 1944 г. немцев составило в общей сложности 700 000 человек.

Не менее трагичной оказалась судьба тех немцев, которым удалось избежать советской депортации. С оккупированных территорий они были переселены в Германию. Всего таким административным переселением было охвачено 350 000 чел. Уже в январе 1942 г. началось первое переселение немцев из прифронтовых областей Ленинграда. Эта акция переселения в Германию имела пропагандистское значение и называлась она возвращением немцев на свою родину, к своему народу, в «Великий Третий Рейх». Около 4 400 человек поэтапно переселили в западную Пруссию. С февраля по сентябрь 1943 г. было переселено в Лодзь (новая территория Третьего рейха) более 10 000 немцев из Белоруссии, Смоленской, Орловской и других прилегающих областей. Самая большая акция переселения немцев в Третий рейх началась в середине 1943 г. и продолжалась до мая 1944 г., т. е. до момента отката немецких армий. Это административное переселение охватило территории восточной части Волыни, Бессарабии, южной Украины, Крыма и Кавказа. За этот период в Вартегау (ныне Познань, тогда — часть территории Польши в составе рейха) было переселено 326 000 чел. В суматохе отступления у немецкой администрации не хватало транспорта для переселенцев, и они часто проделывали путь на Запад то пешком, то на повозках, запряженных лошадьми, быками и коровами. По дороге колонны беженцев попадали под бомбежки советской авиации, иногда внезапно нападали партизаны.

В переселенческих лагерях, куда после долгих мытарств по военным дорогам попадали переселенцы, каждая немецкая семья проходила строгую расовую проверку. Всех

их разделили на четыре категории. Лишь те получали германское гражданство, кто мог доказать свое чистое немецкое происхождение при помощи сохранившихся документов или свидетельств лиц, чья расовая принадлежность к арийцам не подлежала сомнению. Работали переселенцы, как правило, на военных заводах или в сельском хозяйстве. Лица мужского пола, получившие немецкое гражданство, автоматически становились военно-обязанными, и их почти безо всякой военной подготовки отправляли на итальянский и бельгийский фронты в эсэсовские войска.

Не успели переселенцы как следует обжиться на новых местах, как им снова пришлось бросать свои дома и имущество и бежать от стремительно наступавших советских войск. Большинство пыталось пробраться на территорию, занятую американцами, так как советские считали их предателями и изменниками родины, хотя родина предала их в первые же дни войны, огульно обвинив в пособничестве фашистской Германии. Но советские войска часто перерезали дорогу потокам беженцев и отправляли их во временные лагеря для репатриантов, откуда был лишь один путь — в ссылку, лагеря и тюрьмы. Те из беженцев, кому посчастливилось добраться до американской зоны, были выданы советским оккупационным властям на основе Ялтинского договора, заключенного между союзниками 11 февраля 1945 г. От союзников не отставали и немецкие власти: вплоть до 1946 г. продолжалась полицейская охота на беженцев. В американских лагерях для военнопленных немцев также проводилась строгая проверка, и все русские немцы, в большинстве своем воевавшие в «Ваффен-СС», переправлялись под конвоем в советскую зону. Под особо строгим конвоем их отправляли на территорию СССР и там судили как военных преступников. Когда же, наконец, союзники решились на прекращение выдачи лиц немецкой национальности советским властям, мотивируя свое решение тем, что они, во-первых, имеют немецкое гражданство, и, во-вторых, сами не хотят возвращаться в СССР, было уже поздно: из 350 000 человек, переселившихся в Германию в 1943-44 г.г., только 100 000 удалось избежать насильственной репатриации в Советский Союз. Остальные, общим числом в 250 000

человек, пополнили спецпоселения, тюрьмы и лагеря. Для них наступили долгие годы террора и истребления.

Так слились воедино переселенческие и депортационные потоки на исходе 1945 года, хотя вначале направленность их была различной: депортационный — на восток, в сибирскую глушь, административно-переселенческий — на запад, в Третий рейх. Все эти люди оказались трагической жертвой двух кровавых диктатур — фашистской и коммунистической. Если задаться вопросом, во сколько жертв обошлась немцам депортация, репатриация и трудармии в самые трудные 1941-46 г.г., то, по очень осторожным и косвенным подсчетам (смертность немцев была анонимной: была в эти годы заслонена другими трагическими событиями, да и документов не сохранилось никаких, только свидетельства выживших очевидцев), можно предположить, что из 970 000 депортированных немцев (первый поток в начале войны плюс послевоенный) погибло в результате геноцида, от голода и болезней, около 300 000 человек — прежде всего детей, стариков и молодых трудоспособных мужчин.

ИСТОРИЯ

Николай Бухарин

НОВЫЕ ЗАДАЧИ В ОБЛАСТИ НАШЕЙ КРЕСТЬЯНСКОЙ ПОЛИТИКИ*

*Вопрос о темпе нашего хозяйственного развития
приобретает исключительное значение*

Темп развития нашего хозяйства никак не может быть назван медленным. В области развития производительных сил мы делаем с каждым днем все более и более крупные успехи. Но одно обстоятельство нам необходимо иметь в виду — обстоятельство, которое ни в коем случае нельзя недооценивать, обстоятельство новое, которое может определить всю нашу дальнейшую судьбу. Я говорю о явлении, которое называется теперь ходовым именем стабилизации западноевропейского капитализма. Капитализм в Западной Европе, в первую очередь в Центральной Европе, сейчас поправляет свое расшатанное войной здоровье, это не подлежит сомнению. Правда, подлежит большому сомнению прочность восстановительного процесса, подлежит большому сомнению, продолжительным ли будет этот процесс. Однако в данный отрезок времени, вот теперь, в текущие месяцы, этот процесс обозначился со всей ясностью. Если некоторое время тому назад мы могли говорить, что мы медленно, но растем, а хозяйство буржуазных стран падает, идет книзу, то теперь мы этого сказать не можем. Это есть то новое, что мы должны постоянно иметь в виду.

Отсюда вытекает следующий чрезвычайно важный вывод. При таком положении вещей, когда мы растем

---

* «Правда», 24. 4. 1925 г. Текст доклада Н. И. Бухарина на совещании московской партийной организации 17. 4. 1925 г.

одновременно с капиталистическими нашими противниками, вопрос о скорости, о темпе нашего развития, приобретает исключительное значение. Мы должны все время увеличивать быстроту хозяйственного оборота. Увеличение скорости хозяйственного оборота есть та основная задача, тот общий вопрос экономической политики, в который мы упираемся сейчас больше, чем в какую бы то ни было другую проблему.

Необходимо добиваться возможно более скорого накопления в нашей социалистической промышленности и во всем нашем народном хозяйстве в целом. От иностранного капитала мы сейчас вряд ли получим какие-нибудь новые оплодотворяющие силы. Следовательно, быстрота нашего хозяйственного оборота и оборота нашего капитала приобретает огромное значение. Если мы ускорим движение хозяйственных соков во всем нашем хозяйстве, если мы ускорим оборот государственного капитала, то мы получим гораздо более скорый темп накопления, гораздо больший хозяйственный рост.

И вот, если мы так поставим основной вопрос нашей хозяйственной политики, то мы поймем, что нам нужно делать и к чему мы должны идти в области наших отношений с крестьянством и отношений нашей государственной промышленности с крестьянским хозяйством.

Основной смысл новой экономической политики

Наша хозяйственная политика прошла 3 этапа. Первый этап — система военного коммунизма. Вторым этапом система свободной торговли в местном обороте, т. е. первый шаг, который мы сделали, когда увидели, что система военного коммунизма не соответствует запросам действительности. Наконец, третий этап, в который мы перешли далее, это — новая экономическая политика.

Промежуточная фаза — частный торговый оборот оказалась экономической однодневкой. Это был первый шагок по пути к настоящей, правильной экономической политике пролетариата. Товарный оборот отнюдь не удержался в своем местном масштабе, а распространился более или менее по всей стране, поскольку этому не мешали

разрозненность рынка, плохие пути сообщения и целый ряд явлений экономической разлаженности.

Ленин в своей брошюре о продналоге, которую нужно читать и перечитывать, потому что каждый раз ее читаешь под новым углом зрения и каждый раз открываешь в ней то, что раньше оставалось неизвестным, — Ленин замечательно определяет систему военного коммунизма как систему «запертого» оборота. С этой точки зрения вполне естественно обозначить новую экономическую политику как систему «отпертого оборота».

Система военного коммунизма выполнила свою историческую роль, роль такой хозяйственной формы, которая должна была более или менее правильно распределить уже имеющиеся запасы. В период военного коммунизма являлось определяющим не движение вперед, не развитие хозяйства, его подъем производительных сил, а исключительно потребление уже имеющихся запасов. Когда нужно было восстанавливать хозяйство, система военного коммунизма не могла дальше существовать. Необходимо было отпереть, освободить товарооборот.

Мы его сперва отперли на полоборота ключа. Мы сказали: местный товарооборот. Но оказалось, что необходимо раздвинуть рамки хозяйственного оборота. Мы должны были сделать еще несколько оборотов ключа, и получили новую экономическую политику.

В чем смысл новой экономической политики? Это нужно со всей ясностью себе представить. Несмотря на то, что мы много лет эту новую экономическую политику пропагандируем, многие товарищи смысл новой экономической политики сводят только к одному: крестьянин на нас наступил, мелкобуржуазная стихия чуть-чуть взбунтовалась, мы отступили. Только к этому якобы дело сводится. Но дело не только в этом.

Глубокий смысл новой экономической политики заключается в том, что ряд хозяйственных факторов, которые раньше не могли оплодотворять друг друга потому, что они были заперты на ключ военного коммунизма, оказались в состоянии оплодотворить друг друга. Когда установилась торговая связь деревни с городом, это означало, что город

стал хозяйственно оплодотворять деревню, а деревня стала хозяйственно оплодотворять город. Только укрепление этой связи и сближение различных хозяйственных факторов приводят к хозяйственному росту.

Нужно было различные хозяйственные группы, различные хозяйственные факты сцепить таким образом, в таком сочетании их взять, чтобы обеспечить влияние их друг на друга. Не случайно мы пошли по линии торговли в первую очередь, когда стали переходить к системе новой экономической политики. Торговля и является как раз той связочкой, которая позволяет воздействовать одному хозяйственному фактору на другой, в первую очередь городу на деревню и деревне на город.

Таким образом, наше движение в период проведения новой экономической политики — это есть все более ускоряющееся движение от замкнутого хозяйственного оборота к отомкнутому хозяйственному обороту.

Каким путем мы придем к социализму?

Наши старые представления о достижении социализма после завоевания рабочим классом власти, в результате опыта военного коммунизма и в результате опыта новой экономической политики, изменились радикальным образом. Раньше мы представляли дело так: мы завоевываем власть, почти все захватываем в свои руки, сразу заводим плановое хозяйство и таким образом приходим к социализму. Теперь мы совершенно ясно видим, что не совсем так дело пойдет.

Наши теперешние представления можно свести к следующему. Мы захватываем главное, ставим главное, а затем наше государственное хозяйство разными путями, даже иногда конкурируя с остатками частного капитала, через посредство рыночных отношений, постепенно все больше и больше увеличивает свою мощь. У нас есть кооперация, есть государственные предприятия, но есть также часть предприятий в руках частных капиталистов, в руках наших классовых противников. Мы боремся с ними, мы вытесняем частных капиталистов путем конкуренции.

Если частный торговец будет продавать товар дешевле, мы тоже будем стараться продавать более дешево. Это — особая форма классовой борьбы нынешнего периода.

Таким образом, к плановому хозяйству мы придем в результате многолетней многотрудной хозяйственной, экономической борьбы с остатками частного капитала; придем не сразу, а в процессе вытеснения, преодоления и переработки ряда промежуточных форм. В этом процессе рыночные отношения, деньги, биржа, банки и пр. играют исключительно крупную роль. Мы можем в течение некоторого времени все хозяйственные силы, которые есть в стране не только у нас, но и у наших противников, поставить в такое положение, что они волей-неволей будут обслуживать наше дело.

Смысл новой экономической политики и наш новый взгляд на движение к социализму можно сформулировать таким образом. Настоящую хозяйственную политику победоносного пролетариата, такую политику, которая использует все хозяйственные силы и которая действительно повышает производительные силы страны, мы можем вести только при условии развернутого хозяйственного оборота. И темп нашего хозяйственного развития будет тем быстрее, чем шире развернется этот оборот.

Два стратегических плана

Нам нужно такое развитие производительных сил нашей страны и такой хозяйственный подъем, которые сопровождались бы ростом социалистических форм и постоянным ослаблением форм капиталистических, враждебных социализму. Нам нужно достигнуть такого развития производительных сил, которое вело бы нас к социализму, а не такого, которое вело бы нас к возрождающемуся целиком так называемому здоровому капитализму. И вот, товарищи, когда мы подходили к новой экономической политике, т. Ленин выдвинул один стратегический план, а когда он писал свою статью о кооперации, т. е. оставлял нам определенные завещания в области основ экономической политики, он выдвинул другой стратегический план.

В брошюре «О продналоге» Ленин говорил о том что,

двигаясь к социализму, прежде всего необходимо преодолеть распыленную мелкобуржуазную стихию. Мелкобуржуазная стихия, мелкий хозяйчик — наш главный враг, и для того, чтобы ее преодолеть, нужно иметь смелость пойти на блок с крупным капиталом, главным образом концессионным. Пролетариат — социалистический элемент хозяйства — плюс крупный капитал образуют блок, который увяжет распыленную мелкобуржуазную стихию. По поводу кооперации в этой брошюре написано следующее: кооперация в наших условиях неизбежно в первую очередь будет помогать зажиточным элементам крестьянства, т. е. его капиталистическим элементам. Скрывать это или замазывать этот факт было бы глупостью или преступлением.

Этот первый стратегический план совершенно ясен. Нам нужно достигнуть социализма, т. е. планового хозяйства, — это наша конечная цель. Надо сделать ряд уступок крестьянскому хозяйству. Но мелкобуржуазная стихия — наш главный враг, — мы должны ее преодолеть в союзе с крупным капиталистическим союзником — концессионным капиталом, государственным капитализмом, против мелкобуржуазной стихии. Кооперация — это важнейшее звено государственного капитализма; кооперация — это такое звено, которое в первую очередь помогает капиталистическим элементам, кулацким элементам деревни. Но мы это звено привязываем к системе нашего государственного капитализма, и таким образом мы будем в состоянии в блоке с этими капиталистическими элементами преодолевать распыленную мелкобуржуазную стихию, которая напирает на нас.

В последней статье Владимира Ильича «О кооперации» мы видим иную постановку вопроса. В этой статье не говорится о том, что кооперация — это звено государственного капитализма, а говорится, что кооперативный строй в наших условиях есть социализм. Мы заключаем блок с крестьянством. Крестьянство, организованное в кооперацию, плюс наша госиндустрия (социалистическая) выступают против крупного капитала и против остатков частного капитала вообще.

То обстоятельство, что самый крупный теоретик и

гениальный вождь рабочего класса выдвинул два различных стратегических плана, нельзя объяснить тем, что Владимир Ильич думал сначала так, а потом — иначе. Это можно объяснить тем, что произошли громадные сдвиги за это время, прошедшее от первого варианта тов. Ленина до второго варианта — до письма о кооперации. Произошел ряд событий, которые раскрыли новые перспективы.

Я уже сказал, что рост производительных сил возможен только при быстром обороте. Но что получилось бы, если бы мы открыли все шлюзы для товарооборота в то время, когда в магазинах были одни только вывески и не было ни куска товара, когда на фабриках висели красные знамена, но работы на фабриках не было, когда мы имели банки, т. е. банковские помещения, на которых было написано «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», но в которых не было ломаного гроша? Если бы в таких условиях мы дали полную свободу товарообороту, мы сделали бы большую ошибку. В обстановке того времени мелкобуржуазная стихия плюс постоянно выделяющийся из этой стихии мелкий капиталист, который становится с каждым оборотом своего в высшей степени пронижливый капитал все более и более крупным, нас захлестнули бы. Мы бы частного капиталиста своими декретами кормили, а он бы нас экономикой рынка сшибал.

Когда мы говорили о необходимости товарооборота для развития производительных сил, мы в то же время понимали, что необходимо обеспечить социалистический рост производительных сил. Следовательно, необходимо распускать вожжи товарооборота в той мере, в какой мы сами на почве рыночного хозяйства можем быть в достаточной мере конкурентоспособными. Здесь надо было быть в величайшей степени осторожными.

Надо было во что бы то ни стало укрепить наши экономические командные высоты. Укрепить их можно было при помощи иностранного капитала, концессий. А когда наши командные высоты станут достаточно крепкими, когда мы будем способны маневрировать, когда сумеем выставить заслон против мелкобуржуазной стихии, — тогда можно будет все более и более распускать вожжи товарооборота.

Мне кажется, что, учитывая эту обстановку, построил свой первый план тов. Ленин.

Что произошло за время, протекшее после этого первого варианта? Во-первых, выяснилось, что иностранный капитал не так уж охотно идет к нам. У нас и сейчас еще очень мало концессионных договоров, а тогда их было и того меньше. Во-вторых, за эти годы мы сумели настолько развить наши внутренние силы, что поднимаемся быстро без посторонней помощи. А в-третьих на почве хозяйственного роста мы своими силами сумели укрепить командные высоты. Эти командные высоты мы уже получили по-настоящему: у нас железные дороги стали ходить, промышленность стала работать, мы начали организовывать банки, принялись за оздоровление государственной финансовой системы.

Поскольку командные высоты наши стали совершенно реальными величинами, постольку вполне естественны известные перемены в отношениях классовых сил. Если у нас нет банков, а создается мелкобуржуазная кооперация, то она нас давит. А если у нас есть банки, то кооперация от нас зависит, поскольку мы ее кредитруем. Если мы — нищие, то кулак нас побеждает экономически, а если он является вкладчиком наших банков, — он нас не победит. Мы ему оказываем помощь, но и он нам также.

С той поры, как наша промышленность стала укрепляться, изменилась и наша политика в сторону уменьшения зажима, в сторону большей свободы оборота, потому что эта свобода нам теперь не опасна. Меньше административного воздействия, больше экономической борьбы. Надо бороться с частным торговцем не тем, что топтать на него и закрывать его лавку, а тем, что мы производим товары более доброкачественные, чем его, и продаем их дешевле, чем он. Если мы сами сильны экономически, если мы владеем действительными могущественными экономическими, хозяйственными высотами, то нам развязывание экономического оборота не страшно. Наоборот, оно нам в высшей степени выгодно.

Совершенно естественно, что в этой новой обстановке т. Ленин выдвинул новый стратегический план. Вопрос ставится так. Развитие мелкобуржуазных хозяйственных

стимулов надо поставить в такие условия, чтобы они нам помогали и мы им помогали и чтобы в то же время укреплялось наше хозяйство. Мелкая буржуазия сейчас может быть вдвинута в такие рамки, что вместе с нами будет участвовать в социалистическом строительстве.

Развязывание оборота в деревне

Поскольку западноевропейское капиталистическое хозяйство восстанавливается, перед нами встает как решающая проблема, задача усиления темпа хозяйственного оборота и накопления. Мы знаем, что нашей базой является крупная промышленность. Мы точно так же знаем, что наша промышленность не может развиваться, не имея опоры в крестьянском хозяйстве. Если имеются еще у некоторых рабочих и у некоторых членов нашей партии такие цеховые настроения: — Какое мне, мол, дело до деревни? — то их надо во что бы то ни стало изжить. Надо твердо понять, что наша промышленность зависит от крестьянского рынка.

Крестьянство предъявляет двоякого рода спрос на промышленные товары: спрос на продукты потребления, на мануфактуру, ситец и т. д., и спрос на средства производства — на сел.-хоз. орудия и т. д. От чего зависит спрос на предметы потребления? От чего зависит, скажем, количество мануфактуры, которое покупает на рынке крестьянин? Это количество зависит от уровня хозяйственной мощи крестьянского хозяйства. Спрос определяется теми средствами, которыми крестьянин располагает для того, чтобы заплатить за товары, определяется состоянием крестьянского хозяйства, развитием производительных сил этого хозяйства. Следовательно, потребительский спрос развивается только постольку, поскольку развивается и спрос производительный, т. е. постольку, поскольку крестьянин улучшает свое хозяйство. Если он применяет большее количество лучших орудий, повышается его хозяйственная техника, методы обработки, а следовательно, повышается и его хозяйственный уровень. А для того, чтобы улучшалась техника, необходимо, чтобы в крестьянском хозяйстве происходил процесс накопления, чтобы не все проедалось и

растрчивалось, а чтобы часть шла на покупку сельскохозяйственных орудий и т. п.

При такой постановке вопроса мы сталкиваемся с явлением, которое нужно основательно взвесить и продумать. Здесь, мне кажется, один из центральных пунктов всех стоящих перед нами проблем.

В деревне у нас до сих пор еще сохранились отношения, существовавшие в период военного коммунизма. Зажиточная верхушка крестьянства — кулак и отчасти середняк — боится сейчас накапливать. Эта боязнь имеет известные основания, так как наша практика в деревне до сих пор такова, что ежели крестьянин хочет поставить железную крышу, то его назавтра объявят кулаком и, следовательно, ему — крышка. Если крестьянин машину покупает, то так, чтобы «коммунисты не увидели». Дело технического улучшения сельского хозяйства обставляется какой-то конспирацией.

Если мы возьмем различные прослойки в деревне, то увидим, что кулак недоволен тем, что мы ему мешаем накапливать. С другой стороны, беднота иногда ворчит на нас за то, что мы мешаем ей наниматься в батраки к этому самому кулаку. Мы ведем как-будто пролетарскую политику, нажимая на кулака и до известной степени на зажиточного. Но получается, что из-за этого нажима беднота тоже ворчит. Беднота говорит: очень хорошо, что вы нажимаете на зажиточных, но тогда примите меня на фабрику, а если нельзя принять на фабрику, то поместите меня еще куда-нибудь. — не могу же я одни декреты пролетарские глотать.

И вот, товарищи, эта боязнь накопления отражает неправильность экономической стратегии, проводимой в деревне. Мы проводим административный нажим на кулака, а середняк боится улучшать свое хозяйство, потому что рискует быть зачисленным в кулаки и попасть под этот самый нажим. А бедняк, который не имеет лошади и не имеет орудий производства, который сидит на земле, недоволен тем, что мы мешаем ему «кормиться» около кулака.

Суть дела в том, что та линия, которая на практике проводится, не соответствует данным классовым отношениям, сложившимся в деревне. Проведение этой линии

приводит к обострению так называемого скрытого перенаселения в деревне.

Мы также ведем очень нажимистую политику по отношению к мелкой буржуазии другого порядка — к кустарям, ремесленникам. Мы берем с них почти половину их продукции в виде налогового обложения. Когда наша промышленность была еще очень слаба, некоторые товарищи боялись, что мелкий производитель нас слопает, и мы основательно на этого мелкого производителя нажали. В результате получилось следующее: в деревне мы имеем множество людей, нигде не работающих. Мы наблюдаем избыточное перенаселение среди кустарей. И вот это избыточное, скрытое и открытое, перенаселение, скрытая безработица в деревне, страшно давит и на город, затрудняет борьбу с городской безработицей.

Если бы мы, например, объявили, что завтра в Москве начинаются работы по постройке подземной железной дороги, мы наблюдали бы такой приток безработных из деревень, что негде было бы их разместить. Аграрное перенаселение не может рассосаться благодаря сложившимся сейчас в деревне отношениям.

Все эти явления не грозят нам смертельной опасностью, но они накладывают тяжелые гири на наши ноги, и эти гири мешают нам двигаться вперед более быстрым темпом. Мы двинемся более быстрым темпом, если внесем целый ряд исправлений в ту систему экономических отношений, которая складывается под влиянием нашей политики.

У нас есть нэп в городе, у нас есть нэп в отношениях между городом и деревней, но у нас нет нэпа в самой деревне и у нас нет нэпа в области кустарной промышленности. Здесь еще в значительной мере процветает политика административного нажима вместо хозяйственной борьбы. Настроение наших товарищей, работающих в деревне, воспитывавшихся на системе военного коммунизма, таково, что они самой лучшей хозяйственной политикой считают такую политику: лавочник появился — не выстраивай против него кооператив, не вытесняй в хозяйственной борьбе, а нажми на него, наложи печать на лавку и т. д. Такие способы были полезны, когда нужно было прямо хватать кулака за горло и душить,

когда он с пулеметом шел против нас, а сейчас такие способы вредны, они тормозят хозяйственное развитие.

Наша политика по отношению к деревне должна развиваться в таком направлении, чтобы раздвигались, а отчасти и уничтожались многие ограничения, тормозящие рост зажиточного и кулацкого хозяйства. Крестьянам, всем крестьянам надо сказать: **ОБОГАЩАЙТЕСЬ**, развивайте свое хозяйство и не беспокойтесь, что вас прижмут. Мы должны добиться того, чтобы у нас и беднота возможно быстрее исчезала, переставала быть беднотой.

Что мы получим в результате быстрого оборота всех хозяйственных факторов деревни? Прежде всего возрастут доходы сельского хозяйства. А это означает рост спроса на продукты нашей промышленности и, следовательно, ускорение оборота между промышленностью и сельским хозяйством. Ускорение оборота обеспечит могучий рост нашей промышленности, обеспечит правильное воздействие нашей промышленности на сельское хозяйство. Если промышленность будет развиваться быстрым темпом, она поведет за собой и остальные части хозяйства нашей страны.

Развязывание капиталистических элементов в деревне и помощь основной массе крестьянства

Проблема ставится так, что нужно развязать хозяйственные возможности зажиточных крестьян, хозяйственные возможности кулаков. Но эта проблема имеет и другую сторону: чем мы возместим середняка, бедняка и батрака?

Нужно развязать зажиточное хозяйство для того, чтобы помогать бедняку и середняку. Такая постановка вопроса на первый взгляд кажется парадоксальной. Приведем в пример то, что у нас делается в городах. Налоговые поступления с буржуазии, с частного капитала возрастают. В бюджете они составляют возрастающую часть. Эти средства мы распределяем на государственные нужды: на промышленность, на культурное строительство, на советский аппарат и т. д. Частному капиталисту мы даем возможность торговать в известных пределах, мы берем с него путем налогов,

известную часть его прибыли и этим усиливаем нашу хозяйственную мощь.

Примерно так же надо поставить дело с зажиточным крестьянским хозяйством. Мы говорим кулаку: пожалуйста, развивай свое хозяйство, но мы с тебя будем брать то-то и то-то, больше, чем мы будем брать со всякого другого. И то, что мы возьмем с кулака, мы будем давать в форме кредита середнякам или в какой-нибудь другой форме беднякам и батракам. Мы таким образом получим добавочные ценности, которыми сумеем помочь маломощным хозяйствам. Надо добиваться того, чтобы сумма нашего национального дохода возрастала, чтобы движение нашего оборота ускорялось, чтобы общая сумма поступлений в нашу государственную казну была больше. Только при таких условиях мы не на словах, а на деле будем помогать середнякам, батрацким и бедняцким элементам.

Не нужно скрывать, замазывать и бояться того, что в известной степени будут развиваться капиталистические отношения. Нельзя воздействовать на эти отношения путем административного нажима, а нужно существующие в деревне отношения использовать в целях оказания хозяйственной помощи бедняцкому и середняцкому крестьянству. Этой стороны проблемы ни в коем случае нельзя упускать из виду.

Некоторые товарищи соглашаются со многими положениями, которые я здесь высказываю, но они делают такой вывод: нужно безбоязненно признать, что у нас устанавливаются капиталистические отношения. Кулака взять административным зажимом нельзя. Будут выделяться капиталисты, будет увеличиваться число батраков. Классовые отношения будут все более и более обостряться, и совершенно неизбежно дело дойдет до того, что мы вынуждены будем произвести насильственную экспроприацию кулака.

Таким образом, у нас существуют два уклона. Одни товарищи считают, что нужно развязать кулацкие хозяйства — и только. Они не видят другой половины проблемы: вопроса «о возмещении», о помощи середняку и бедняку. Они не учитывают того, что можно использовать рост кулацких

хозяйств с целью помощи середняку и бедняку. Другие говорят, что капитализм в деревне развивается, кулак будет вести крупное хозяйство, будет расти рента, образуются новые помещики из кулаков, и мы вторую революцию проделаем. Эти товарищи считают, что нужно провести еще какую-то добавочную революцию по деревенской линии. Я считаю, что это теоретически неправильно, а практически бессмысленно. Если мы будем проповедывать в деревне накопление и одновременно будем говорить, что через два года вооруженную экспроприацию устроим, то никто ничего не будет накапливать.

Теоретически это неправильно потому, что рассуждающие таким образом товарищи забывают, что у нас диктатура пролетариата. В наших руках государственная власть, и мы имеем возможность при данных условиях изменять направление развития в деревне.

Перспективы развития в деревне

Каковы перспективы этого развития? Можно представлять это развитие таким образом, что мы будем способствовать обострению классовой борьбы в деревне. Если этот классовый раздел будет углубляться, и мы будем его изо всех сил форсировать, тогда перед нами станет та самая перспектива второй деревенской революции, на возможность которой указывали некоторые товарищи. Ставя вопрос таким образом, мы упускаем из виду, что у нас сейчас диктатура рабочего класса. В число государственных органов входит ВСНХ; в государственный бюджет входят доходы нашей промышленности, железных дорог, рудников и пр. После захвата власти рабочим классом сила государственной власти колоссально увеличилась, потому что к политическому элементу присоединилась вся мощь огосударствленной экономики. Поэтому увеличиваются и возможности давления на хозяйственные отношения деревни.

Нельзя представлять себе дело таким образом, что в области деревенских отношений у нас по форме и по существу будет происходить то же самое, что происходило бы в рамках капиталистического режима. Если бы существовало такое положение, что пролетариат имеет государствен-

ную власть исключительно политического типа, а промышленность находится в руках капиталистов, то ясно, что в деревне отношения складывались бы по-прежнему. Наша сила в том, что мы политическую власть сделали рычагом экономической перестройки. И сейчас наша судьба определяется тем, что мы имеем за собой экономические командные высоты, являющиеся составной частью нашего государственного аппарата.

С ростом нашего хозяйства пролетарское государство все больше и больше будет представлять собою руководящую хозяйственную силу. И эта сила сможет существенным образом влиять на экономическое развитие деревни.

Вы знаете, что между нами и народниками велся очень крупный спор. Многие из русских народников развили довольно стройную теорию так называемого «некапиталистического развития» крестьянского хозяйства. Среди народников было течение, которое соглашалось с марксистами в том, что применение машин необходимо для укрепления сельского хозяйства, что крупное хозяйство гораздо производительнее мелкого. Но это течение (напр. Суханов) утверждало, что в рамках капитализма крестьянское хозяйство станет крупным совершенно особым путем — не капиталистическим, а путем кооперации. Сходную точку зрения в разных вариантах развивал целый ряд теоретиков так называемого аграрно-кооперативного социализма в Западной Европе. Эти теории совершенно неосуществимы, поскольку при капиталистическом строе буржуазия держит крестьянство в своем хозяйственном подчинении. Какими средствами? И раньше и сейчас одним из таких средств и является как раз кооперация.

Для доказательства этого можно привести массу примеров. Возьмем крестьянство Германии. Там есть, например, одна организация так наз. Reichslandbund насчитывающая больше 2.000.000 членов. Эта организация объединяет низшие слои деревни, в нее входит даже целая половина всего сельскохозяйственного пролетариата Германии. А на верхушке стоят крупные помещики, графы, князья, бароны и т. д. Эта организация представляет собою колоссальной величины машину, которая имеет свой гигантский кооперативный аппарат, свои централизованные

правления, целый ряд банков и т. д. То же самое мы наблюдаем во Франции, в Америке и др. странах.

Даже крестьянские организации неэксплуататорского типа неизбежно всеми своими частями вырастают при капитализме в буржуазно-помещичий аппарат. В рамках капиталистического режима это совершенно неизбежно. Докажем это на примере. Кредитная кооперация, напр., поскольку она работает и развивается, должна иметь сношение с другими кооперациями, с различными кредитными учреждениями и в первую очередь с банками. Поскольку кооперация кладет в банк капитал или получает кредит, постольку банк заинтересован в процветании кооперации. И обратно. Таким образом кооперация постепенно вырастает в систему ярко-капиталистических организаций. Иначе двигаться вперед она не может, даже если бы и хотела.

Если в буржуазных странах крестьянин, благодаря своим кооперативным организациям, вырастал в организации промышленной и банковской буржуазии, то в условиях рабочей диктатуры при существующих у нас отношениях государственной власти к сельскохозяйственным учреждениям, при наличии национализации земли мы через кооперацию приведем крестьянство к социализму.

Мы не можем представлять себе дела так, что нажмем на колхозное строительство, и крестьяне быстро пойдут по пути объединения в колхозы. Колхозы играют крупную роль, это несомненно: мы должны их поддержать. Но нельзя утверждать, что это есть столбовая дорога, по которой массы крестьянства пойдут к социализму. Мы должны тянуть крестьянина к социализму, зацепляясь за его частнохозяйственный интерес. Кооперация должна привлекать крестьянина тем, что она дает ему непосредственные выгоды. Если это кооперация кредитная, то он должен получить дешевый кредит. Если это кооперация по сбыту, то он должен иметь возможность более выгодно продать свой продукт. Если мы так поставим работу, мы заинтересуем крестьянина, как мелкого собственника, как мелкого хозяйчика. Это совершенно нестрашно, потому что в конце-концов мелкий хозяйчик неизбежно будет вырастать в нашу

государственно-социалистическую систему так же, как в капиталистических странах он вырастает в систему капиталистических отношений.

Приведу в пример кулака, даже такого, который изрядно эксплуатирует своих батраков. Он накапливает, получает прибавочную стоимость, получает деньги, вносит вклады. Куда он вносит вклады? Может ли он организовать свой собственный государственный банк? Не может. Он вносит или в свое товарищество, или же он имеет дело с нашими банками. Получим ли мы какую-нибудь пользу? Мы получаем добавочные ресурсы в виде этих вкладов и эти ресурсы пускаем в оборот так, как это нам выгодно, а не так, как нужно кулаку. Этими средствами мы можем кредитовать средняцкую кооперацию и тянуть средняцкую массу к хозяйственному подъему.

Конечно, на этом пути не все будет просто и гладко, развитие будет идти в противоречивых формах. У нас крестьянство не однородно, классовая борьба в деревне сразу не отомрет. В ближайшем будущем на известный период времени она, вероятно, даже обострится. Но дело заключается в том, что капиталистические элементы, которые в деревне нарастают, не придется экспроприировать в процессе второй революции, как думают некоторые.

Мы с известного периода начнем их медленно сводить на нет путем повышения хозяйства середняков и бедноты, путем роста массовой кооперации, путем налогового обложения кулаков и, наконец, путем подведения нового технического базиса (электрфикация).

Правильная политика в хозяйственной области заключается не только в том чтобы развязать кулацкое хозяйство, но также и в том, чтобы максимально использовать выгоды, которые мы получим от ускоренного хозяйственного оборота, от роста национального дохода, от налогового обложения верхушки деревни, от увеличения вкладов этой верхушки в наши банки и т. д.

Есть ли это «ставка на кулака»? Этого нет. Есть ли это проповедь обострения классовой борьбы в деревне. Мы должны действовать так, чтобы путем хозяйственных мероприятий, в первую очередь через кооперацию, двигать вперед основную массу крестьянского населения.

В заключение я хочу сказать несколько слов об этом вопросе в связи с теорией классов.

Классом в собственном смысле слова крестьянство является лишь в феодальном обществе. В капиталистическом обществе крестьянство не класс в собственном смысле этого слова, потому что крестьянство выделяет и сельскохозяйственную буржуазию, и сельскохозяйственный пролетариат. Но капиталистическое общество не родится в готовеньком виде из феодального. Молодое капиталистическое общество таит в себе колоссальное количество феодальных элементов.

В Октябрьскую революцию мы шли вместе со всем крестьянством, вплоть до кулаков, потому что у нас сильны были остатки не только капитализма, но феодализма. Поскольку у нас в момент свержения капитализма капиталистические отношения не были достаточно развиты, постольку оставалась большая серединка крестьянства — крестьяне-середняки. А поскольку мы произвели уравнительную дележку, этот середняк вырос в еще большую силу. Параллельно с общим хозяйственным ростом сперва будет рост хозяйственных различий, а затем наоборот, хозяйства середняка и бедняка будут приближаться к уровню более зажиточного хозяйства. Наконец, мы достигнем и такой, еще более высокой ступени, когда крестьянство будет исчезать, как особый класс, и по отношению к пролетариату. Вот что нужно иметь в виду как перспективу которая еще очень далеко, но которая уже стоит перед нами.

Нужно здесь взвесить обстоятельства, каждый шаг, который мы должны будем сделать. Но общее направление, мне кажется, в целом начинает довольно ясно определяться.

Мы идем по линии дальнейшего продвижения и развития «новой» экономической политики, по линии изживания остатков военно-коммунистического периода, по линии большей свободы хозяйственного оборота. Наша задача заключается не в том, чтобы запереть товарообращение, а в том, чтобы на это товарообращение ставить ставку и всемерно способствовать его расширению. Если мы будем улучшать работу кооперации, если мы изменим методы нашей работы в деревне, которые больше, чем какие бы то ни было постановления иногда тормозят развитие

хозяйственных сил, то через некоторое время мы дадим крестьянину более дешевый товар, дадим более дешевый кредит, покажем ему, что мы можем быть действительными руководителями. К этому мы сейчас подходим, и наш хозяйственный рост, который не подлежит никакому решительно оспариванию, будет служить основной гарантией крепости нашего союза, нашего рабоче-крестьянского блока.

ФИЛОСОФИЯ, РЕЛИГИЯ, ЭТИКА

Илья Зильберберг

О НАЦИОНАЛЬНОМ ВОПРОСЕ, РУССКОМ НАЦИОНАЛИЗМЕ, КАРМЕ И ЕВРЕЙСКОМ НАРОДЕ

Национальный вопрос оказался одним из самых острых и больных вопросов нашего времени, а для эмигрантов «третьей волны» — и поворотным пунктом в их судьбе. Как бы они к нему ни относились, они оказались за границей в силу ряда событий, связанных именно с этим вопросом. Правда, для многих из них связь с ним на том и закончилась, хотя другие продолжают активно заниматься им. Но это уже личное дело каждого.

Суть же заключается в том, что национальный вопрос, независимо от отношения к нему тех или иных индивидуумов, является реальностью сегодняшнего дня. Те, кого он волнует и кто ищет его решения, должны начать, мне кажется, с попытки понять его природу и корни. Совершенно естественно, что для каждого человека такое понимание неизбежно окрашивается двумя факторами — национальной принадлежностью и мировоззрением. Их комбинация в каждом случае порождает нечто совершенно отличное от другого или даже противоположное ему. В этом нет ничего противоестественного или плохого. Наоборот, поделившись своим собственным пониманием, но не стараясь при этом навязывать его другому, мы можем обогатить друг друга, помочь друг другу.

А помощь нам нужна для понимания национальных проблем и задач не только собственного, но и других народов, особенно тех, с которыми тесно переплетены судьбы нашего собственного народа. Во всяком случае, мне самому, как еврею, размышлявшему над судьбами еврейского народа, в неменьшей степени хотелось понять судьбу и

русского народа, в среде и культуре которого я родился и вырос. А разве может еврей XX века не задуматься о «кровной» (кровавой!) связи еврейского и немецкого народов?

Но прежде всего мне хотелось, конечно, понять происходящее с моим собственным народом, и моим мировоззренческим инструментом в этом служила духовная наука Рудольфа Штейнера, о которой я рассказывал в 13-м и 14-м номерах «Форума». Некоторые результаты своих размышлений я изложил в напечатанной в журнале «Тайноведение» статье «О карме вообще и о карме еврейского народа в частности», расширенным и несколько измененным вариантом которой является данная статья.

*

Я полностью согласен с теми, кто считает, что трагическую гибель 6 млн. евреев нельзя понять исходя из рассмотрения лишь внешних событий и не вскрыв их сути с точки зрения стоящих за ними духовных факторов, в частности, кармы еврейского народа. Но и саму эту карму, как и миссию еврейского народа, — и как, разумеется, карму и миссию любого другого народа, — можно правильно понять только в контексте общего хода мировой эволюции и развития человека, протекающих в соответствии с божественно-духовным замыслом и водительством. Другими словами, понимание того, что происходит сейчас с нами — идет ли речь об отдельном человеке, о целом народе или обо всем человечестве — должно основываться на точных и конкретных знаниях о смысле, начале и конечной цели земной эволюции, о различных ее фазах, о задачах нашего времени и о духовных силах, действующих в мире.

Разумеется, что подобные знания могут быть получены и сообщены другим лишь Посвященным высшего порядка. Я уже описал в своей статье,* как современный Посвященный Рудольф Штейнер сделал такие знания достоянием всего человечества в форме духовной науки, антропософии. Теперь каждый человек может использовать эти знания на благо

---

* См. «Форум» N 13.

себе и другим, но их интерпретация и конкретное применение являются делом его личной ответственности. Именно с полным осознанием такой ответственности и решаюсь я изложить перед читателями те сообщения духовной науки и основанные на ней собственные суждения, которые касаются понимания современной судьбы еврейского народа.

Когда духовный исследователь обращает свой взор в те далекие времена, которые предшествовали началу земного развития, он обнаруживает лишь духовные формы существования. В духовной форме существовал и человек, причем не в качестве отдельного, самостоятельного существа, а как бы погруженным в другие, высшие духовные существа, внутри них и через них. Но в соответствии с божественным замыслом ему предстояло развиться в самостоятельное, свободное существо, поднявшись до уровня божественных иерархий, более того — стать одной из них.

Однако в самом духовном мире не было условий, необходимых для такого развития человека к свободе. Поэтому из духовных субстанций была выделена и создана иная физическая субстанция, с совершенно другими формами и условиями существования, которая и должна была стать местопребыванием человека и полем его деятельности. Развитие этой субстанции, Земли, и самого человека проходит одновременно и взаимосвязанно. Весь космос принимает участие в этом развитии, «работает на него», а опыт физического существования человек, в свою очередь, добывает не только для себя, но и для тех божественно-духовных существ, которые тоже нуждаются в нем, но могут получить его только через человека.

Человек, человечество находится сейчас в середине своего пути, поэтому так важно знать и понимать, с духовной точки зрения, как шло его развитие до сих пор, что происходит сейчас с ним и что ему предстоит в будущем.

Те условия и формы человеческого существования, которые мы имеем сейчас и которые считаем неотъемлемой частью самой человеческой природы, не существовали в прошлом и их не будет в будущем. Речь идет не только об общественных формах жизни человека на Западе, таких как государство, семья и др., но и о более глубоко связанных с его

развитием, как, скажем, расы и народы, и даже о лежащих в самой основе его биологическо-физиологической природы, таких как деление на два пола, физическое размножение, рождение и смерть. Все эти и многие другие признаки земного существования человека лишь постепенно вошли в процесс его развития — как необходимое условие этого развития. Но даже сегодня все эти признаки, без которых современный человек себя не мыслит, не составляют, с духовной точки зрения, его глубинной сути или неотъемлемой части его существа. Это становится очевидным из рассмотрения как природы человеческого существа, так и того, как вышеназванные признаки приобретаются отдельным индивидуумом.

Хотя Земля, как было сказано выше, была специально создана для человека, он, как существо духовное, не сразу смог вступить в земное развитие. Сначала для него на Земле необходимо было подготовить соответствующие условия и создать из земных субстанций такую оболочку, в которой мог обитать на Земле божественно-духовный элемент человека — его Я. Только после того, как такие условия возникли, смогло это Я спуститься на Землю, поселиться в своем земном теле и начать земное развитие.

Развитие это проходит таким образом, что человеческое Я не постоянно находится на Земле, подвергаясь воздействию земных условий существования. Лишь на какое-то, сравнительно короткое время погружается человек в земные условия, где он получает опыт земной жизни. Затем он возвращается на свою истинную родину — в духовный мир, чтобы там переработать добытый им земной опыт, продолжить дальше свое развитие и подготовиться к новому пребыванию на Земле.

Вначале жизнь человека на Земле, как и в духовном мире, полностью направлялась божественно-духовными существами. Лишь позже получил он возможность самостоятельной земной деятельности, а вместе с ней и возможность познания добра и зла, а также возможность совершать, наряду с добрыми, положительными делами, и недобрые, отрицательные поступки, влияющие задерживающим образом на развитие и самого человека и Земли. И тогда в процесс земной эволюции человека был введен закон Кармы, строгий

и неотвратимый, но благотворный и необходимый для правильного развития человека. Вот что сам Штейнер говорит об этом в своем «Тайноведении»:

... происходит нечто необычайно важное для вновь вступающего в физическое бытие человека. Он создал ведь в своей прошлой жизни задерживающие силы, которые проявились при его обратном странствовании после смерти. Возьмем опять приведенный раньше пример. Предположим, что человек в порыве гнева на сороковом году своей прошлой жизни причинил кому-нибудь страдание. После смерти это страдание другого предстало перед ним, как сила, задерживающая развитие его собственного Я. И так происходит со всеми подобными событиями прошлой жизни. При новом вступлении в физическую жизнь перед Я опять стоят эти препятствия к развитию. Как с наступлением смерти перед человеческим Я вставала своего рода картина воспоминаний, так теперь возникает прозрение в наступающую жизнь. Опять видит человек подобную картину, показывающую ему теперь все препятствия, которые он должен устранить, чтобы его развитие могло идти дальше. И то, что он таким образом видит, становится исходной точкой для сил, которые человек должен взять с собой в новую жизнь. Картина страдания, причиненного им другому, становится силою, которая побуждает Я при новом вступлении в жизнь искупить это страдание. Так прошлая жизнь действует определяющим образом на новую. Поступки, совершаемые в этой новой жизни, обусловлены в некотором роде поступками прошлой жизни. Эту закономерную связь прежнего бытия с последующим надо рассматривать, как *закон судьбы*. Принято обозначать его заимствованным из восточной мудрости выражением «Карма».

Это не значит, разумеется, что поступки человека предопределены с фатальной необходимостью. Если бы это было так, он никогда не смог бы стать свободным существом. Предопределены лишь *необходимые ему обстоятельства жизни*, в которых он уже действует по своему разумению. (Штейнер это сравнивает с домом, который человек выстроил для себя. Тот факт, что человек поселяется в определенном доме, заранее спланированном для него, ни в коей мере не лишает его возможности устроить свою жизнь в нем по собственному разумению.)

Но и эти обстоятельства нельзя рассматривать как произвольно навязанные человеку чьей-то железной волей. Во время пребывания человека в духовном мире высшие духовные существа помогают ему увидеть и осознать все те отрицательные поступки, которые он совершил в прошлой земной жизни, а также вырабатывают и подготавливают, с его участием, такие условия его следующей земной жизни, в которых он может исправить свои прошлые поступки и отрицательные качества своего характера.

Но помимо определенных обстоятельств личной жизни, необходимых человеку для его индивидуального развития, он, в плане общего земного развития всего человечества, нуждается в постоянной смене условий жизни на Земле, чтобы при каждом перевоплощении иметь возможность обогащать себя совершенно новым опытом земной жизни. Позволю себе снова процитировать Штейнера:

Длительность времени между смертью и новым рождением определяется тем, что Я обыкновенно снова возвращается в физически-чувственный мир лишь тогда, когда последний успел за это время настолько измениться, что Я получает возможность пережить в нем нечто новое. Во время его пребывания в духовных областях Земля, как место обитания человека, изменяется. А это изменение связано с великими переменами во вселенной; с переменами в положении Земли по отношению к Солнцу и т. д. Но это такие перемены, в которых в связи с новыми условиями повторяются старые. Внешним образом это выражается в том, что, например, точка небосвода, в которой восходит солнце при начале весны, совершает в течение около 26.000 лет полный кругооборот. В течение этого времени точка весеннего равноденствия передвигается из одной области небесного свода в другую. По истечении двенадцатой части этого времени, то есть приблизительно через 2.100 лет, земные условия оказываются настолько измененными, что человеческая душа может пережить на Земле нечто новое по сравнению с предыдущим воплощением. Но так как переживания человека различны в зависимости от того, воплощается ли он как женщина или как мужчина, то в указанный промежуток времени *обыкновенно* происходит два воплощения, одно мужское и одно женское. Однако, это зависит и от того, каковы силы, которые человек уносит с собой в смерть из земного бытия. Поэтому все подобные

указания следует принимать только в том смысле, что они имеют лишь общее значение; в частности они могут являть самые различные изменения.

Но человек выбирает не только эпоху и пол, не только определенные обстоятельства своей личной жизни, но и такие важнейшие атрибуты земного существования, как расовую и национальную принадлежность, место рождения и страну проживания, социальную среду и непосредственное окружение, род занятий и профессию, семью и даже родителей.

Все это составляет земные «одеяния» Я человека, в которые оно облачается, вступив очередной раз в земную жизнь, и которые оно сбрасывает, закончив ее. Материалистическое мировоззрение ничего не видит в человеке, кроме этих временных его оболочек, которые оно и принимает за «самого человека», в то время как духовная наука рассматривает их лишь как орудия труда для земной деятельности истинного человека — его божественно-духовного Я.

Отсюда очевидно, что земная задача и деятельность каждого индивидуального Я чрезвычайно сложна и многопланова, о чем современный человек ничего не знает, но о чем он должен будет узнать, если захочет предотвратить всеобщий хаос и полное разрушение, к которым человечество неотвратно движется, находясь в тисках материалистического невежества относительно духовных основ жизни. В данном же рассмотрении из всего этого комплекса нас интересует одно — связь человека с определенным народом.

Как ясно следует из закона кармы и хода земной эволюции, человек не может постоянно, из одного перевоплощения в другое, быть связан с одним и тем же народом. Прежде всего, сами законы кармы и перевоплощения существовали задолго до разделения людей на нации и будут продолжать действовать и после того, как такое разделение исчезнет, т. е. карма отдельного человека выходит далеко за пределы кармы того или иного народа. Более того, ни один народ не является «вечным», т. е. существующим на протяжении всего этапа национального разделения человечества в ходе его эволюции. Даже в течение последнего, исторически обозримого периода этой эволюции одни

народы исчезали, другие возникали, а некоторые претерпевали такие изменения, что практически превращались в другие народы (достаточно хотя бы сравнить современных итальянцев, греков и египтян с древними римлянами, греками и египтянами). А духовный исследователь, углубившись в доисторические времена человеческой эволюции, может проследить исчезновение и появление целых рас и даже цивилизаций. Так что мы смело можем говорить о карме индивидуума, существующей самостоятельно и помимо кармы какого-либо народа.

Разделение человечества на различные народы имеет большое значение для развития как человечества в целом, так и отдельного индивидуума. Мы, как единое человечество, имеем общую задачу в божественно-духовном плане мировой эволюции. Но задача эта сложна и многопланова, и чтобы выполнить ее, на определенном этапе земного развития нам необходимо было разделиться на различные группы, то есть на народы или нации, каждая из которых взяла на себя определенную часть общей задачи. Этим определились те различия этих групп, которые выявляются в результате простого историко-культурного рассмотрения, не говоря уже о духовных исследованиях, а именно: различия и в их историческом пути, и в их национальных культурах, и в том, что можно собирательно назвать «народным характером».

Если бы человек, даже на протяжении нескольких реинкарнаций, перевоплощался в одной и той же национальной группе (при условии, конечно, что она еще продолжает существовать), это сказалось бы весьма отрицательным образом на его развитии, ибо лишило бы его того нового, другого, уникального опыта, который несет в себе каждый народ. Наоборот, максимально получает для своего развития именно тот, кому судьбой дано получить опыт жизни в качестве представителя совершенно различных народов, населяющих землю. (То же различие можно наблюдать и в пределах одной человеческой жизни между двумя современниками, один из которых, замкнувшись в своих жизненных интересах на чем-то одном, становится человеком односторонним и ограниченным, а другой, интересы которого многогранны, является человеком

разносторонним, и широко образованным. А как обогащается жизненный опыт человека, живущего в разных странах и культурах, хорошо известно каждому эмигранту).

Что касается еврейского народа, его судьба, в этом смысле, отмечена одной характерной чертой, определенным образом отличающей его от других народов, а именно: на протяжении веков он был гонимым народом, объектом ненависти и преследований, воплощением страданий. Оставляя в стороне причины этого явления, можно определенно сказать, что оно нашло отражение в еврейском национальном характере, а беря шире — в том сложном комплексе, который определяется понятием «еврей».

«Быть евреем» — это особый, уникальный и ценный опыт, который имеет вселенское значение. Это ощущают далеко не одни евреи, в особенности же люди, высокоразвитые в духовном смысле и чуткие к биению духовного пульса человеческой эволюции (замечательным примером этому может служить великий русский философ Владимир Соловьев). Но с другой стороны, если бы какой-либо человек в качестве «вечного жида» был связан исключительно с еврейской судьбой, ограничивая ею одну опыт своих земных жизней, он вне всякого сомнения стал бы в высшей степени односторонней и духовно ущербной личностью.

Столь же духовно обедненными оказались бы все те, кто, несмотря на острую нужду, были бы лишены возможности получить ценнейший опыт еврейской инкарнации. Достаточно упомянуть в этой связи хотя бы многочисленных палачей еврейского народа. Наверняка многие из тех, кто, находясь в духовном мире, осознали всю меру содеянного, стремятся сами побывать теперь «в еврейской шкуре», войти в еврейскую «плоть и кровь», чтобы испытать на себе то, что было недоступно их сознанию в прошлой жизни, и чтобы искупить последствия своих прошлых деяний. Во всяком случае, если бы духовный исследователь обнаружил в некоторых выдающихся деятелях еврейского народа его былых гонителей, этот факт вполне бы согласовывался с действием закона кармы.

Ибо не в повторении чего-то раз испытанного и приобретенного заключается смысл и суть эволюции, а в его правильной переработке и дальнейшем развитии, а также в

том, чтобы непрерывно дополнять и обогащать его новым. Именно этому призваны служить законы реинкарнации и кармы. Штейнер в своих лекциях иллюстрирует действие этих законов многочисленными примерами, взятыми из реальной жизни, в том числе из жизни известных деятелей различных эпох и народов. Под действие этих законов попадают даже личные способности и духовные интересы человека, которые в процессе его прохождения через ряд инкарнаций преобразуются удивительнейшим образом.

Так, математические способности в одной жизни обуславливают особое развитие органов чувств, в частности, зрения — в другой. А серьезное занятие архитектурой — приводит к проявлению музыкальных способностей. Талантливый лингвист в одной жизни проявит способности к непредвзятому и объективному мышлению — в другой. Или же — знания и интеллект в одной жизни преобразуются в веру и религиозные чувства в другой.

Возьмем другой аспект душевной жизни человека — истинную любовь, которую он испытывает к ближнему и которую вкладывает в свои поступки. В его следующей жизни она превратится в радость, которую он испытывает от жизни, и внутреннее тепло, которое дает ему общение с другими людьми. В третьей же жизни он будет обладать пониманием жизненных явлений и других людей, короче — пониманием мира и человека. Если же человек совершает свои деяния не из любви к ближнему, а из чувства долга, то в следующей жизни он ощутит со стороны других безразличие по отношению к себе, что заставит его страдать. В третьей же жизни он будет человеком, который не найдет себе применения и подходящего занятия, но не из-за того, что он глуп — он не будет глуп — а из-за апатии к жизни, безразличия к различным ее проявлениям. Если мы пойдем дальше и возьмем человека, который испытывает неприязнь, даже ненависть к другим людям, то в следующей жизни он наверняка испытает много страданий, которые ему причинят другие (хотя такого рода страдания вызываются не только этими причинами). А в третьей жизни он проявит признаки умственной и душевной ограниченности.

Штейнер также указал на связь между интересом к окружающему миру и духовными интересами человека в одной

жизни и его физической конституцией и состоянием здоровья в другой. То есть отсутствие таких интересов создает слабое и болезненное тело, в то время как если человек «пышет здоровьем», можно смело сказать, что в прошлой жизни он проявлял горячий интерес к происходящему вокруг него. Отсутствие какого-либо интереса к музыке приводит в следующей жизни к наличию в организме тенденции к астме или легочным заболеваниям, а отсутствие интереса к живописи — к малосимпатичной, малопривлекательной внешности.

Даже профессии людей имеют свою карму, то есть внутренний закон развития. Так, возвышенные, творческие занятия и достижения человека являются венцом развития, которое началось в далеком прошлом чем-то совсем незначительным. А самая незначительная, рутинная, механическая работа, как, скажем, работа на поточной линии, является началом чего-то, что в отдаленном будущем даст замечательные духовные плоды. В качестве иллюстрации этого закона Штейнер проводит аналогию между внешне неприметным семенем и выросшим из него прекрасным цветком. А в качестве конкретного человеческого примера Штейнер приводит замечательного немецкого философа-мистика Якова Бема, который кормился сапожным ремеслом и в котором, таким образом, цветок и семя явили себя одновременно: его выдающиеся философские труды были результатом того, что началось на заре земного развития в качестве чего-то, аналогичного его сапожным занятиям в нашу эпоху, а эти занятия, в свою очередь, могут в конце земного развития дать плоды, столь же замечательные и возвышенные, как и его философские работы.

Ряд подобных примеров, которые у Штейнера снабжены подробными пояснениями, можно было бы продолжить, но они приведены здесь исключительно для того, чтобы показать, как сложны кармические связи и зависимости в развитии человека и как, вместе с тем, крайне необходимо сегодня постичь их законы. Это в полной мере относится и к кармической связи индивидуума с определенным народом. Но здесь к задаче познания индивидуальной кармы прибавляется еще необходимость проникнуть в тайны народной кармы, в суть земной миссии народа и в то, как он

осуществляет ее под руководством своего водителя — духовного существа божественного ранга.

Как и в отношении других фактов духовной реальности, никакие догадки или теоретические рассуждения недопустимы в этой области — здесь нужны точные знания, которые могут быть получены только путем духовных исследований. Поэтому тот, кто серьезно интересуется этими вопросами, но не может сам проводить духовных исследований, должен постараться найти такой источник необходимых ему духовных знаний, который он может признать за истинный и к которому он может питать доверие.

В описываемом мною источнике, антропософии, карме уделяется особое внимание. Штейнер тщательно исследовал различные ее аспекты, в том числе карму отдельных народов. Этой последней теме посвящен специальный цикл лекций Штейнера под названием «Миссия единичных народных душ в связи с мифологией германского севера».*

Трудно представить, как, занимаясь серьезно вопросами кармы, можно обойтись сегодня без фундаментальных знаний в этой области, даваемых антропософией. Но вместе с тем, эти знания станут догмой или мертвым, бесполезным грузом, если получивший их человек не будет стараться переработать их творчески собственным мышлением применительно к тем жизненным условиям, в которых он находится и которые меняются и обуславливаются сегодня самими людьми.

Со всей серьезностью мы должны осознать, что человечество вступило в эпоху свободы, которая знаменуется, в частности, тем, что его дальнейшее развитие, его будущее, его судьба, его карма в полном смысле слова находятся в его собственных руках, что в одинаковой степени относится также и к отдельному индивидууму, и к населяющим землю народам.

---

* См. сборник Рудольф Штейнер. «Из области духовно-научных исследований», лекции и циклы лекций, прочитанные в период с 1910 по 1924 год, составитель, переводчик и автор ввводного очерка О. Погибин. Издательство правления литературным и художественным наследием Рудольфа Штейнера, Дорнах, Швейцария, 1967 год (Rudolf Steiner Nachlassverwaltung, Dornach, Schweiz).

Поэтому так необходимо нам знание духовных основ жизни и духовных законов развития, которое мы должны использовать для понимания происходящего в мире и, главное, для устройства своей жизни в соответствии с этими основами и законами.

Но сегодня в мире действуют мощные силы, которые хотят помешать этому, стремясь остановить развитие человека к духовной свободе. Силы эти — тоже духовного происхождения, но основным полем их деятельности является физический мир, а объектом — человек. Включив себя с давних времен в процесс его эволюции, они особенно активизируются в ее переходные, решающие, наиболее ответственные моменты, каковым и является наше время.

Вступив в эпоху свободы, человечество стоит сейчас на пороге своего самого серьезного и кардинального разделения — на «доброе» и на «злое» человечество, на тех, кто сознательно свяжет свою судьбу с благими силами эволюции, и на тех, кто сознательно станет на службу описанным выше силам Зла, пытающимся повернуть эволюцию вспять. Вот почему эти последние направляют острие своих атак в самую чувствительную, самую больную и при том жизненно важную для человечества область — в область взаимопонимания и взаимоотношений между людьми, будь то отдельные индивидуумы, или группы людей, или народы, или расы.

Всевозможные конфликты — национальные, социальные, идеологические, уже принесшие человечеству неисчислимы бедствия, — результат работы этих сил. Это они, играя на эгоистических, ксенофобских, националистических, шовинистических и прочих инстинктах людей, на их патриотических, религиозных и подобных эмоциях, на различных групповых интересах, разъединяют людей и восстанавливают их друг против друга, стремясь в конечном счете разжечь войну «всех против всех». Ни один человек и ни один народ не уберется от этих атак, каждый должен будет принять бой с силами Зла, а вместе с ним и решение — на чью сторону стать, какую роль сыграть в этих событиях.

И у человека нет лучшего средства для противостояния этим силам, чем знания. Ибо только знания — духовные знания — со всей очевидностью демонстрируют, в частности,

не только аморальность, но и нелепость и вред для человека таких чувств, как национальная неприязнь, шовинизм, расизм. Они нелепы, потому что из воплощения в воплощение человек меняет свою национальную принадлежность, и вполне возможно, что уже в следующей жизни он будет принадлежать к тому народу или расе, к которым он питает неприязнь или проявляет вражду в своей настоящей жизни. И эти чувства вредны для питающего их человека, потому что в последующей жизни ему придется «излечиваться» от них довольно дорогой ценой — не исключено, что он сам должен будет стать объектом таких же или подобных чувств и поступков.

Одним из наиболее эффективных методов работы сил Зла является искажение в восприятии, мышлении и деятельности людей тех благих импульсов и духовных законов, которые направляют наше развитие. Результатом этого являются аберрации восприятия, ложные мысли и пагубные поступки человека. Чтобы увидеть, понять и вскрыть их суть, необходимо отыскать в них те правильные, здоровые и благие элементы, искажением которых они являются.

Это прекрасно показал Владимир Соловьев, чье проникновение в природу философских заблуждений, с которыми ему не раз приходилось сталкиваться, может служить примером и одновременно методологическим указанием для всякого, кто стремится понять происходящее в мире:

«Всякое заблуждение содержит в себе несомненную истину, которой оно есть лишь более или менее глубокое искажение, — этою истиною оно держится, ею привлекает, ею опасно и через нее же только может быть как следует обличено и опровергнуто. Поэтому первое дело разумной критики относительно какого-нибудь заблуждения — найти ту истину, которой оно держится и которую оно извращает.

Именно таким заблуждением является национализм, который, в определенном смысле, есть не что иное, как искажение в человеке бессознательного, или подсознательного, или полусознательного чувства, что его народ обладает особыми качествами и призван исполнить определенную

миссию на земле. Такой человек даже не подозревает, что и другие народы — тоже особые и тоже имеют свои земные миссии, что эти миссии должны не подавлять и исключать, а поддерживать и дополнять друг друга.

Особенно ярко — и трагично — это заблуждение проявляет себя в русском национализме, в одной из его самых неприятных и опасных форм — в великодержавном шовинизме. Естественно, что прежде всего сами русские, озабоченные судьбой своего народа, должны постараться понять источники этого явления и преодолеть его. Но мне представляется, что и те, кто страдал или страдает от его проявлений — будь то антисемитизм, русификация и пр. — могут сделать немало для его ликвидации с помощью того же, самого действенного оружия — понимания.

Всякому, мало-мальски знакомому с русской историей и культурой, известны живущие в русском народе и проявляющие себя в ряде его представителей ощущения особенности своей судьбы, своего исторического пути, своего предназначения, своей особой связи с духовным миром и Христом (народ-богоносец), как и, в более земном смысле, особой связи с землей, со своей родиной.

Все эти ощущения своей особой миссии, как и угрозы ей со стороны «чужеродных» сил, не являются порождением беспочвенной фантазии, или результатом культурно-религиозных течений, или плодом мистическо-политических амбиций. За ними стоит глубокое духовное содержание, конкретная духовная реальность. Из сообщений духовной науки известно, что русскому народу, одному из самых молодых в семье народов и переживающему сейчас период если не детства, то ранней юности, предстоит в будущем сыграть выдающуюся роль в развитии всего человечества. И конечно же именно в этот ответственный период духовного становления он особенно интенсивно подвергается жестоким атакам со стороны тех сил, которые стремятся помешать духовной эволюции человечества.

Поистине трагично, когда высокое призвание русского народа, которое угадывается его наиболее чуткими сынами и которое нуждается в высоком чувстве ответственности и в высоких поступках, уродливо искажается в чванство и нетерпимость и в стремление к культурной, политической,

экономической и военной гегемонии. Не менее трагично, когда угадываемой угрозе этой высокой миссии противопоставляется не внутренняя духовная работа, а поиск или даже выдумывание внешнего врага, вроде пресловутого «еврейского заговора». Когда такие искажения имеют место, они ясно свидетельствуют о том, что пораженные ими индивидуумы предают высокое призвание своего народа, а силы Зла — еще больше утверждают свое господство в мире.

Что касается еврейского народа, вся история которого может служить иллюстрацией действия названных сил, то он оказался сейчас, с образованием государства Израиль, в самом фокусе наболевших, нерешенных и устрашающих проблем человечества. Сам Израиль был рожден в горниле этих проблем, он стоит сегодня на их международном перекрестке и — отражает их в себе самом. Не в этом ли состоит современная карма еврейского народа? И не в том ли заключается его современная миссия — если он только захочет признать ее и взять на себя, — чтобы примером решения этих проблем помочь человечеству там, где оно нуждается в помощи больше всего, а именно : в устройстве своей жизни на основе трех великих идеалов — Свободы, Равенства и Братства?

Мне бы очень не хотелось, чтобы эти слова прозвучали красивым, но пустым лозунгом. Как и во времена Французской революции, за этими словами и сейчас — даже еще в большей степени — стоит конкретное содержание, отражающее требования нашей эпохи и выражающее насущные, хотя и не вполне осознанные, потребности современного человека: в духовной свободе для каждого индивидуума, в равенстве всех перед законом и в братстве людей в труде. Евреи, благодаря своему духовно-историческому опыту, особенно в новейшее время, как никто другой должны чувствовать и понимать необходимость осуществления этих требований, должны больше других стремиться к их осуществлению и даже, возможно, быть более способными сделать это.

Но перед еврейским народом, перед Израилем, наряду с бóльшими возможностями, стоят и бóльшие препятствия, которые исходят ни от кого иного, как от тех самых сил, о разрушительной работе которых говорилось выше. Их

другим мощным оружием являются старые формы бытия, которые уже сделали свое дело в человеческой эволюции и должны дать теперь дорогу новому. Вот это-то старое они и используют, стараясь удержать его, усилить, ослепить и закабалить им людей. Одной из таких старых форм является национальное различие людей.

Хотя разделение людей на нации будет продолжаться еще сравнительно долго, а, например, русскому народу, как было сказано выше, даже отведена особая роль в грядущих событиях, оно в общем-то исчерпало свое эволюционное значение и должно начать постепенно исчезать. Более того, в преодолении этого различия, в осознании примата общечеловеческого над национальным, в осознании того, что «наивнутреннейшее Я всех людей имеет одно общее происхождение», и состоит одна из главных задач нашего времени, которой призвано служить истинное духовное знание.

И здесь, мне кажется, еврейскому народу приходится труднее, чем другим, ибо многовековые преследования, особенно новейшие, выковывали и поддерживали в нем национально-религиозное самосознание, которое, вызвав к жизни государство Израиль, склонно рассматривать его создание в качестве своего триумфа, кульминационной точки в истории еврейского народа, награды за его страдания и гарантии его будущего. Такое понимание новейшей еврейской истории вполне объяснимо, как и то, что оно принимается и ортодоксальным иудаизмом, буквально трактующим тексты тысячелетней давности и догматически переносящим их в наши дни, и секулярно-политическим сионизмом, и свободным от всяких вообще идеологий сознанием еврея, нашедшего, наконец, в Израиле защиту и убежище от преследований и дискриминации.

Но такое понимание совершенно неприемлемо для человека, стоящего на позициях современной духовной науки и знакомого с фактами духовной эволюции человечества, некоторые из которых были изложены выше. Духовной науке известно, что библейские тексты, которые сегодня стали религиозными догмами (в одинаковой степени как для иудаизма, так и для христианства), были когда-то величайшими божественными откровениями, данными в

определенную эпоху эволюции, в определенных условиях, определенному народу, а главное — для определенного уровня сознания человека. Раскрыть их истинный смысл и значение для своего, как и для нашего времени, можно лишь с помощью духовных исследований, что и было сделано Штейнером, а также некоторыми из его учеников. Хотя Библия в качестве духовного сокровища человечества не устаревает никогда, попытка построить современную жизнь на ветхозаветных положениях означает лишь желание жить в прошлом и отказ признать принципы и сам факт духовной эволюции человека.

Очевидно, что создание, на современном этапе развития человечества, национально-политических государственных образований (Израиль — лишь одно из них) является, с духовной точки зрения, шагом назад, или по крайней мере — шагом в ложном направлении. Но вместе с тем не может быть никаких сомнений и в том, что создание государства Израиль явилось, в силу своего реального осуществления, исторической и даже кармической необходимостью. Как, почему, для чего такая необходимость возникла? — вот вопросы, которыми должен задаться всякий, кто стремится к духовному осознанию событий нашего времени.

Ответы на эти вопросы несомненно содержатся в глубинах духовных первопричин, но мы не можем и не должны ждать, пока кто-то добудет их для нас и подаст в готовом для потребления виде. Основываясь на том, что уже дано нам Великими Учителями человечества и что нам удалось из этого усвоить, мы должны пытаться с помощью собственной интуиции и мышления находить ответы на злободневные вопросы и проблемы сегодняшнего дня. А обмениваясь результатами своих усилий, мы помогаем друг другу в поиске истины. Именно в духе сказанного я и рассматриваю настоящие заметки.

Итак, я вижу два пути, по которым может пойти сегодня еврейский народ в Израиле. Либо, отдав себя во власть национально-религиозного и военно-политического восприятия мира, посчитать создание и существование государства Израиль конечной и самостоятельной целью, смыслом и залогом своего существования и тем самым вырвать себя из общего потока развития человечества — со всеми вытека-

ющими отсюда последствиями. Либо, преодолев искушения и угрозы различных внешних и внутренних сил, увидеть в возникновении государства Израиль возможность, повод и призыв поднять свои проблемы до уровня общечеловеческих и их решением внести новый вклад в земное развитие человечества.

Еврейский народ сможет пойти этим вторым путем, если к нему, как и к остальным народам на земле, придет духовное понимание мира и осознание того, что национальные, религиозные и другие отличия людей являются лишь маленькими ступеньками их земного восхождения на высокую ступень общечеловеческого, а затем и на высшую — божественного. В этом втором пути и состоит, с моей точки зрения, «окончательное решение еврейского вопроса».

КУЛЬТУРА И ВРЕМЯ

НУЖНА «ПОСАДОЧНАЯ ПЛОЩАДКА»

(Беседа с Георгием Владимовым)

Владимир Малинкович: Георгий Николаевич, три с половиной года назад Вы были вынуждены покинуть Советский Союз из-за преследований КГБ. Но Ваше решение эмигрировать было, по-видимому, связано и с литературными планами. Ещё на родине начали Вы писать роман «Генерал и его армия». Здесь, в журналах «Континент» и «Грани», были опубликованы отдельные главы. Как возник замысел романа? Почему Вы обратились к теме Второй мировой войны?

Георгий Владимов: Тема той далёкой войны ещё не остыла, и концепция её не утвердилась. Я вообще думаю, что темы войны и ГУЛага перешагнут порог века, т. е. и там будут волновать и задавать вопросы. Но прежде, Владимир Дмитриевич, я хочу подчеркнуть, что не связывал свой выезд с литературными планами. Писать свободно можно где угодно, и какое-то время мне это удавалось. Просто, есть какие-то приемы, которые подпольный писатель должен знать. Наоборот, на Западе о России труднее пишется, оскудевает источник раздражения, который питал двигатели, внимание переключается на другое — на адаптацию к новой жизни. Это, в общем, нездорово для русского писателя, а никакими другими нам уже не стать — ни американскими, ни немецкими, ни английскими. Хотя делаются такие попытки, и заявления такого рода мы слышали — скажем, от Василия Аксёнова. Но он всё-таки остаётся русским писателем в Америке, а не американским...

В. М. А случай Набокова?

Г. В. Набоков, если не ошибаюсь, выехал в 19 лет, свободно владея английским. Стихия языка очень много

значит, а у него их было две. Для нас же, если и выучим сносно иностранный язык, стихией, в которой мы можем плавать, дышать, — остаётся родной, русский. И замыслы остаются — русские. Роман был задуман и начат там, здесь я его только завершаю. У меня так сложилось, что в молодости я зарабатывал деньги писанием книг за генералов. Тогда Воениздат затеял огромную серию «Военные мемуары», где всем боевым генералам дали высказаться. Я думаю, эта серия была предназначена не для раскрытия правды, а для сокрытия её. Всё, что у генералов накопело, о чём они жаждали рассказать, всё это постарались «канализировать», бушующее море заключить в цензурные берега. Ну, и поскольку сами генералы с пером не в ладах, приставили к ним литературных костоправов — из молодых писателей, критиков, журналистов. Так и мне довелось написать две книги за генералов. Т. е. они рассказывали — я «художественно оформлял». Конечно, рассказывалось в десять раз больше и в сто раз интереснее, чем попадало в книгу. Но, случалось, едва я хватался за карандаш, мои генералы бледнели: «Что вы, это не для записи! Это так, между прочим...» Они прежде всего сами себе стали цензорами. Бездну любопытного нарасказал мне и Петро Григорьевич Григоренко, но в его книгу, к моему удивлению, многое не вошло — тем более я озабочен, чтоб это не пропало. Можно и из самой серии кое-что извлечь — если уметь читать и особенно обращать внимание на те места, где генералы сводят друг с другом поздние счёты: кто-то кого-то подвёл, не обеспечил прикрытие фланга, присвоил чужой успех и т. п. Вот тут мы улавливаем обрывки истины — из этих перекрестных обвинений. Работа, конечно, кропотливая. А гигантский военный архив, который находится в Подольске, недалеко от Москвы, практически закрыт для писателя. Требуется специальный «допуск». Для освежения памяти моим «авторам» нужны были документы, поэтому Воениздат выписывал нам пропуска — конечно, разовые и на какой-то определённый сейф. А любой из них — это клад. В особенности материалы военной прокуратуры, трибуналов, донесения политотделов, СМЕРШа, кляузы «особистов». Но вы не можете это сфотографировать или

переписать в блокнот, на всё требуется обоснование — зачем это вам, почему интересует...

В. М. Там есть и немецкие архивные материалы?

Г. В. Да, то, что захвачено в виде трофея и пограблено в архивах самой Германии. В общем, там всё есть, чтобы восстановить полную картину войны. Но приходится работать в условиях, в каких обычно работает кинематографист — каждый отснятый кусок он должен показывать. И ваша работа может прерваться на любом этапе — если кому-то покажется, что вы идёте «не в ту сторону».

В. М. Но, тем не менее, у Вас, чувствуется, накоплен большой материал.

Г. В. В основном, от моих «авторов». Но они ещё встречались друг с другом при мне, что-то совместно вспоминали, уточняли. Из этих-то рассказов, «сольных» и «хоровых», и выплыл сюжет, который мне кажется интересным и, в каком-то смысле, новым взглядом на войну — не на всю, конечно, но на какую-то часть её. Надо признать, что советская литература в общем достаточно выразила солдатскую правду войны, офицерскую правду — ведь авторы были на войне младшими офицерами, как Некрасов, Бакланов, Бондарев, Быков. А вот генеральская правда — и была «канализирована» Воениздатом или отдана на откуп таким писателям, как Симонов, Стаднюк, Чаковский, — эти люди правду ценят на вес золота, поэтому особенно ею не разбрасываются. Клубки всевозможных интриг, которые сопровождали буквально каждую операцию, до сих пор не размотаны. Цензура к офицерской правде или к солдатской всё-таки снисходительнее. Потому что тяжесть войны, её грязь, кровь, пот, увечья, смерти — этого не обойдёшь, без этого не будет и лживой книги, никакой. Но когда речь заходит о многих тысячах людей, напрасно загубленных, о том, во что обходятся генеральское или маршальское честолюбие, чванство, бессовестность, дурь, профессиональная необразованность, — тут цензура начеку. Об этом разрешается говорить проверенным товарищам, о ком заранее известно — они эти больные вопросы обойдут.

В. М. Какой же эпизод войны Вы исследуете?

Г. В. Именно эпизод. Вторых «Войны и мира» мы не дождемся, масштабы были таковы, что не уместятся ни в какие тома. Я взял одну лишь операцию, из которой видно, что такое вообще операция, как она строится, какое в ней бывает столкновение интересов, страстей, честолюбий, оплачиваемых всегда чужой и, притом, большой кровью. Показательна в этом смысле киевская операция, т. е. освобождение Киева осенью 43 года. Там была сложная история с двумя плацдармами, из которых один был заведомо не нужен. Масштаб был грандиозный, а сколько участвовало исторических лиц: Жуков, Ватутин, Хрущёв, Черняховский, Москаленко, Рыбалко...

В. М. Судя по всему, это была и одна из самых кровавых операций войны.

Г. В. Вот лишь одна страница этой истории: там впервые был применён массовый воздушный десант, в составе двух бригад. Люди, с полной выкладкой, падали в воды Днепра или сыпались на немецкие походные колонны — и их расстреливали ещё в воздухе. В лучшем случае их ветром относило к своим — и нужно было ещё доказать, что ты это не устроил нарочно, не бежал из боя. Вообще, много было сложностей. Дело в том, что Киев — самый большой город, который был отдан немцам. Это и самый большой приз, который мог достаться счастливчику-командарму. Можно себе представить, какая драка шла — кто будет брать? кому поручат? И вот, пока возились на южном, Букринском, плацдарме, месили там глину и заполняли овраги гниющими телами, негромкий, не обременённый наградами генерал Чибисов спокойно захватил плацдарм севернее, у села Лютеж, и чуть было не взял Киев. Но уж до этого его не допустили! Кажется, это был единственный случай, когда командарма сняли *за успех*. Но нельзя же было не снять его — ведь он оказался чуть не в 10 километрах от города. В какое положение он поставил Жукова, Ватутина, Хрущёва!..

В. М. Этот генерал Чибисов — прототип героя в Вашем романе?

Г. В. Я беру только его ситуацию, но не его самого. Мой

генерал, конечно, собирательный. Хотя фамилия похожая — Кобрисов, я её выудил. Кстати, фамилия оказалась главным недостатком генерала Чибисова. Было решено, что Киев, столицу Украины, должен брать командарм-украинец — Москаленко. Армию Чибисова отдали ему, и он с нею прошёл последние километры. Это был истинный представитель сталинской полководческой школы, людей он за войну положил, сколько ни один другой генерал, за что и назывался — «командарм наступления». Это значит — единственная тактика: «Вперёд!» Никаких этих мерихлюндий — обходов, рокировок, тактических отступлений, только «Вперёд!» Ну, а под Киевом и вовсе незачем было голову ломать насчет потерь. Ведь задача была — не просто взять его, но к 7-му ноября. Так вот, чтоб советский народ обрадовать к празднику, здесь его, этот народ, не жалели...

В. М. Может быть, вот эта готовность идти на лишние жертвы ради какой-то там даты — это специфика не только нашей политической системы? Ведь и на Западе были операции, нужные только для того, чтобы удовлетворить честолюбие какого-то генерала или поднять национальный престиж. Взятие Парижа, например. Может это вообще специфика войн?

Г. В. Я думаю, так, как в советской армии, это не проявлялось нигде. Вот я ввожу эпизод с Гудерианом — в главе, опубликованной в «Гранях». Любопытно, что первый приказ об отступлении был отдан грозным Гудерианом, истоптавшим гусеницами пол-Европы, мастером, виртуозом наступательных операций. Своё решение он принял в доме Толстого, в Ясной Поляне, где находился 26 дней, — может быть, самый дух этого дома повлиял, не знаю. И на следующий день, не зная об этом, другой генерал, Андрей Власов, принял решение наступать под Москвой, любой ценой наступать. Почему-то никто из историков не отметил этого совпадения. Но меня больше интересует здесь — противопоставление...

В. М. ...которого я пока не вижу. Ведь они оба служат в армиях тоталитарных стран. Служат верой и правдой.

Г. В. И всё же закваска Гудериана, или «ментальность», западная, стало быть — «гнилая». Его отношение к личности

солдата, к армии — христианское, у Власова же — типично советское. Гудериан позволил себе задуматься о людях — как им тяжело, холодно, страшно, — и в этот момент, поддавшись человеческим чувствам, он терпит поражение. Власов же, не задумываясь, бросает в пекло только что прибывших людей, уставших с дороги, не подготовившихся душевно, к тому же не к нему направленных, — и выигрывает. Однако, война тем ещё чудовищна, что в ней не выигрывает никто. То есть ты можешь выиграть, но останешься ли человеком? И наоборот: оставшись им — не проиграешь ли?

В. М. Что Вы думаете о Власове вообще? Советская пропаганда рисует его предателем, негодяем, здесь же он для многих — национальный герой.

Г. В. Писатель постигает человека, описывая его. Чтобы разобраться во Власове, я думал изобразить его в нескольких эпизодах, но вдруг почувствовал, что мой интерес к нему, по-видимому, исчерпан в одном этом эпизоде. Когда я сформулировал, что «минута его решимости и час безволия определили судьбу Москвы», мне стало ясно, каков он будет дальше во всём. Это человек момента. В нём были свойства ценные для генерала — авантюризм, дерзость, находчивость. Но он человек минуты, а не часа.

В. М. Я немного о другом — не о характере, не о личности Власова, а о нём как руководителе «Третьей силы».

Г. В. Я к этому и веду. Он под влиянием момента принял бремя руководителя «Третьей силы», заведомо неподъёмное для него. Возглавить армию из военнопленных — замысел, достойный Спартака. Но того, наверно, не волновало, во что одеть своих гладиаторов; в позднейшие века — форма сделалась вопросом нравственным. Это не просто прикрытие наготы, тут идеология, тут и национальный дух. Так вот, форма оказалась — немецкая, гитлеровская. Не случайно сам Власов от всякой униформы отказался, носил что-то неопределённое. Ну, а солдаты были в немецком. Единственное отличие — нашивка с геральдическим щитом, с надписью «РОА», с цветами андреевского флага было утверждено г-ном Розенбергом. Итак, ты поставил свою армию под знамёна врага, назовём вещи их именами. Вот

первое испытание, которого Власову было не преодолеть. Отсюда — погружения в апатию, метания, питьё, паралич воли. Но не забудем и его мученическую кончину, истинно генеральскую — он не отрёкся от своего войска, не покаялся, не «раскололся»...

В. М. Ну, а сама идея «Третьей силы» в этой ситуации — в войне с Гитлером, против которого вместе с Советским Союзом были и западные демократии, — возможна ли и нужна ли она была?

Г. В. К сожалению, не спросили воюющий народ, как он к ней отнесётся. А он отнёсся так, что с власовцами, попадавшими в плен, расправлялись с большей ненавистью, чем даже с эзсовцами. Поздно, а потому и безнадёжно было создавать эту «Третью силу» после Сталинграда, после Курской дуги, когда война уже повернула на победу, когда вся армия валом валила на запад и только одного хотела — скорее очистить землю от оккупантов. Вспомним толстовскую мысль, что война движется по законам, которые сама создаёт, и бессмысленно, самоубийственно противостоять этому движению.

В. М. Эту мысль можно и расширить. На Западе, в эмиграции, иногда говорят, что это была война Сталина против Гитлера. Вероятно, вначале, когда войну планировали и развязывали политики, это и было так. Но, по Толстому, война против захватчиков создаёт свои законы и на каком-то этапе она неизбежно превращается в войну народную. Так и эта война превратилась в Отечественную, в народную войну против Гитлера — и не по воле Сталина, а сама по себе. В своём «Необходимом объяснении» Вы сказали — и я согласен с Вами, — что миллионы наших соотечественников 9 мая отмечают *свою* победу, а не победу Сталина. Но вот Вас упрекнули: Владимова возмущает, что эмигранты не празднуют День Победы.

Г. В. Уточним: не эмигранты, а НТС, так сказано в их «Вынужденном ответе». Меня не возмущает, меня удивляет: если вы были «Третья сила», то есть ни то, ни сё, но «вместе с народом нашим», как оно провозглашается в ваших манифестах, так отчего же это не ваша победа, если возлюбленный вами народ хотел её и добился? А что думали

об этом миллионы заключённых в сталинских лагерях... что думали жертвы СМЕРШа... что думает «порабощённая Европа»... Да что бы ни думали, но вряд ли поражение Гитлера было для них самым большим огорчением. Декабристы, хотя и выступили против своего царя, но и на каторге не переставали гордиться, что изгнали узурпатора Бонапарта. Впрочем, сдается мне, «Ответ» писан Е. Р. Романовым, бывшим редактором газеты, в Днепропетровске основанной с разрешения немецких оккупационных властей. Едва ли эта газета претендовала на особое мнение, отличное от мнения г-на коменданта. Едва ли она призывала читателей к превращению войны в народную. Едва ли даже заикалась о какой-то там «Третьей силе». Тогда всё верно — это, и впрямь, не их праздник.

В. М. Мы приходим к тому, что власовская «Третья сила» реально была лишь частью одной из двух сил — нацистской Германии. А энтээсовцы были идеологами власовского движения. Какую же идеологию они в это движение несли? Еще в тридцатые годы они себя объявляли противниками демократии и ратовали за «третью форму» — антидемократическую и антикоммунистическую, подобную в чем-то «солидаризму» итальянского фашизма.

Г. В. Ну мы с моим генералом — я говорю о романе — в идеологические дебри не забираемся. Просто, в той операции, что я описываю, был т. н. «Днепровский вал», где немцы использовали русские соединения, батальоны. Они обороняли днепровские кручи. И перед генералом встаёт проблема: эти батальоны окажутся у него в плену, кем он тогда будет для своих соотечественников — палачом? А он не может думать об этом, как любой советский генерал, т. е. вовсе не думать. Он сам был жертвою сталинских репрессий, затем, под Москвою, именно Власов своим наступлением спас его от гибели или плена. Поэтому об этих несчастных русских он думает нетривиально, он понимает их трагедию. Он спрашивает себя, можно ли их назвать изменниками или само это слово теряет смысл из-за массовости явления. Этого вопроса он так и не решает, но сами подобные раздумья опасны, они ведут к проигрышу.

В. М. У Солженицына в «Архипелаге», в тех главах, что

писались ещё в Союзе, власовское движение представлено как трагедия сотен тысяч людей. А в части пятой, говоря о власовцах и им подобных, Солженицын меняет ракурс, откровенно принимает сторону этого движения. Теперь это уже — героическое сопротивление сталинскому режиму. Для многих, для большинства — это была личная трагедия. Их можно понять, им сочувствуешь. Но идеология этого движения, на мой взгляд, ошибочна и даже преступна.

Г. В. Солженицын говорит, что плох был бы народ, если б не сделал попытки хоть издали погрозить батьке Сталину оружием. Но вся беда, что ни сам батько, ни его сподвижники не имели обыкновения ходить в штыковые атаки. И добраться до них невозможно иначе, как перебив энное число своих же неповинных соотечественников. В этом трагедия любого антиправительственного движения, трагедия гражданской войны.

В. М. Гражданская война идёт между различными внутринациональными силами, власовцы же вынуждены были воевать на стороне чужеземной и, главное, античеловеческой силы.

Г. В. Вполне ли они понимали это «главное», т. е. с кем они имели дело, и прежде всего сам Власов? Понятно, что, ища поддержки для формирования РОА, он должен был встретиться с кем-нибудь из высших чинов Рейха. Но с кем же он встречается — с Гиммлером, рейхсфюрером СС! И вот его впечатления: «...думал увидеть кровожадного чекиста вроде Берии... а встретил типичного буржуа. Спокойного и даже скромного... Он из деревни, а значит, как я, крестьянин. Любит животных...»* Просто, уши вянут!

Разумеется, ничего из этой встречи не вышло, она лишь скомпрометировала Власова в глазах немцев, как и встречи с Геббельсом, Розенбергом, Леем, фон Ширахом и другими будущими «героями Нюрнберга». А между тем, был в Германии человек, и могущественный человек, в ком «Третья сила» встретила бы понимание и поддержку. Это был всё тот же Гудериан; в то время начальник Генерального штаба сухопутных сил, фактически главный организатор обороны

---

* В. Штрик-Штрикфельдт, «Против Сталина и Гитлера», изд. «Посев», 1975.

Германии. Власов с ним дважды встречался на полях боёв — когда выводил свою армию из киевского котла и в генеральском их поединке под Москвой; по исторической идее должна была бы состояться и третья встреча, личная. Да и естественно было Власову обратиться теперь к нему — как генерал к генералу. Но он даже не искал этой встречи, предпочёл жандарма, скромного любителя животных, а также газовых камер Освенцима. Гудериан же только в американском плену узнал, что была такая — «Третья сила».

Почему об этой «невстрече» можно пожалеть? У Гудериана, близкого к «людям 20-го июля», был план, значение которого мы могли бы сегодня оценить: он предлагал открыть фронты американцам, англичанам, французам, а все немецкие силы бросить на Восточный фронт, чтоб не пустить Советы в Европу. Вот в этом случае «Третья сила» имела бы хоть какое-то историческое оправдание, если бы даже и сражалась бок о бок с вчерашним врагом. Вспомним опять же Толстого, что народная война была лишь до границы России, а дальше пошла война политическая. Чувство народного возмущения и мести было бы вполне удовлетворено изгнанием Наполеона, незачем было его преследовать до Парижа, он пал бы и сам после неудачи вторжения. Точно так же пал бы и Гитлер, его сверг бы сам германский народ, при поддержке других европейских народов, но уже бы никто не делал из него мученика и героя. Вся картина итогов Второй Мировой войны была бы иная.

НТС заявляет о своём влиянии, о руководстве власовским движением. Вот их влияние и руководство: неразборчивость в людях и средствах и поразительная некомпетентность. Познакомясь с этими людьми, я увидел, что они и сегодня не в состоянии подняться до той мысли, которая владела немецким генералом ещё в 1944 году.

В. М. Хочу немного отклониться в сторону. Вы как-то говорили о наличии «военной партии» в Советском Союзе. Вы, вероятно, хорошо знаете эту среду — среду профессиональных военных, генералов. Знаете их настроения. Я, честно говоря, совсем не верю в эту силу как в силу

преобразующую, конструктивную. А у Вас есть основания рассчитывать на генералов?

Г. В. Генералы бывают разные — взять того же Григоренко, самую неожиданную фигуру демократического движения. Они вообще люди неожиданные. Быть неожиданным входит в их профессию. Но она неотделима от военной ситуации. Если война в Афганистане ещё продлится и так же неудачно, она может выдвинуть амбициозного генерала, который захочет полномочий и будет поддержан коллегами и армией. Итак, нужна ситуация — непопулярная война, — она есть. И нужен генерал, от которого, кстати, и не потребуются роли преобразующей, конструктивной, а только, чтоб он обеспечил порядок. Всё остальное сделают другие, демократические, силы.

Такого героя делает обычно удачная операция в неудачной войне. Как «солдатских императоров» в Риме, как Бонапарта, как Брусилова или Троцкого. Важен ореол «спасителя» и чтоб у него хватило амбиции. Как прозаик я касаюсь и этого вопроса — в ситуации 1941 года, когда война ещё не стала народной, т. е. популярной, осознаваемой всей нацией как дело каждого, и когда ещё могла удаться идея «Третьей силы», но — я это особо подчеркиваю — на *своей* земле и в *своей* воинской форме. Генерал со своей дивизией отступает от самой границы к Москве; они переходят из одного окружения в другое, но дивизия не редет, а напротив, благодаря его уменью и воле, обрастает людьми — потерявшими свои части окруженцами, которые хотят примкнуть к какой-то силе. И вскоре он оказывается во главе целой армии, способной на самостоятельные операции, с которой и немцы начинают считаться, предпочитают держаться поодаль. Люди лишены информации, им кажется, что они сейчас и есть Россия, всё остальное — погибло, предано бездарной властью. И возникает идея — идти на Москву, захватить Кремль, сместить правительство.

В. М. И вести войну против Гитлера?

Г. В. Это главная цель. Захватить ключевые посты, чтобы организовать оборону.

В. М. Сомнительно, чтобы им удалось организовать в военное время всю страну.

Г. В. Тогда это не казалось сомнительным, такие настроения были. И потом, если удалось Берии с Маленковым, почему бы не могло удалиться энергичным, толковым офицерам, во главе с опытным полководцем? Останавливают их не эти сомнения. А то, что прежде они должны взломать слабенькую оборону, что уже налаживалась на подступах к Москве, перебить своих соотечественников, таких же солдат или ополченцев...

В. М. И помочь Гитлеру в этот момент ворваться в Москву.

Г. В. Не в этом дело. Этого они бы как-нибудь избежали. Это уже тактический вопрос. Главное в том, что идея «Третьей силы» себя уже исчерпала к осени 41 года. Они поняли, что силы — две. И третьего — не дано.

Любопытно, что Власов, герой зимней Московской битвы, остался с этими настроениями лета 41 года ещё и в 43-ем, и в 44-ом, когда война уже перевалила некий хребет, грядущая по своим законам — в сторону победы. Помните его знаменитое заявление, что он закончит войну по телефону? То есть он позвонит Жукову, Рокоссовскому, ещё каким-то друзьям по академии, и они ему сдадут фронты. Тут мой генерал, настроенный если не сочувственно к Власову, то с желанием его понять, испытывает глубокое в нём разочарование. Как же не понимать простых вещей! Ну, можно ошибаться в Жукове, в Рокоссовском, но быть боевым генералом — и не знать, что такое война! Быть русским — и не знать России! Не представлять себе, как настроена вся воюющая масса народа, не видеть, что она сейчас на стороне Сталина, что сменился уже весь интерес нации, и питать запоздалые иллюзии... Назовем ли мы это трагедией или фарсом?

В. М. Иллюзии Власова — это иллюзии минувшей войны. Беда в том, что кое-кто сохраняет подобные же иллюзии и сегодня.

Г. В. О да, я это наблюдал воочию — у господ энтээсовцев. Не скажу, что б их так уж тянуло в Россию, слишком они привыкли к западной комфортной жизни, но повластвовать они бы непрочь. Им всё мерещится, что если они сделают ставку на какие-то там «конструктивные силы»,

то их непременно — по телефону! — пригласят в министры. Уже, как я слышал, и портфели распределены. Во Франкфурте, напротив «Посева», есть итальянский ресторанчик, там они посиживают, кушают пищу и решают — отменят они колхозы или сохраняют. Всякий раз приходят к выводу, что лучше сохранить.

В. М. По-человечески их можно понять. Десятилетиями питались иллюзиями. Признать их ошибочными — значит, признать и свою жизнь в какой-то мере пустой.

Г. В. Как у старых большевиков после XX-го съезда?

В. М. Есть всё же и разница. У большевиков жизнь оказалась пустой в нравственном смысле. Но партия-то их обладала реальной силой. У этих же нет ничего реального.

Г. В. В годы войны сила к ним прибыла немалая — до двух миллионов.

В. М. Насколько я знаю, русских на стороне Германии воевало 400 тысяч. Много было ещё нерусских, недовольных решением национальных проблем в СССР.

Г. В. Ну, хорошо — полмиллиона. Это пять-шесть армий!

В. М. Да, это был их «звёздный час». Поэтому и отречься от своего военного прошлого им нелегко. Иногда спрашивают: «Почему у НТС не было своего XX-го съезда? Ну, заблуждались. В 30-е годы не верили в демократию. Но сейчас — почему не отказываются от своего прошлого?» Мне кажется — именно потому, что это был их «звёздный час». Трудно от этого отказаться.

Г. В. XX-й съезд, при всех разоблачениях, имел задачей подтвердить правильность пути, избранного в 1917 году. Здесь нужна кардинальная переоценка, буквально со дня основания. Это отказ от самих себя. Они на это не пойдут.

В. М. Почему же эта организация, отставшая от жизни на несколько десятилетий, да к тому же построенная на антидемократических принципах, пользуется поддержкой каких-то сил на Западе?

Г. В. Многие причины мне ещё не ясны, пусть о них скажут другие. Я же воздам должное НТС: ему удалось создать хороший художественный блеф о своём влиянии в

России. О близости к конструктивным силам в СССР, чуть не на всех уровнях власти. Может, и есть они, эти силы, да даже наверно есть, но спросим: на кой им ляд НТС? Во имя чего компрометировать себя перед своими противниками этой связью? Чтоб получать литературу? Ценные указания? Но если трубить о чём-то громко и неустанно — поверят. Оценим и остроумную теорию «молекулярной сети», разветвлённого подполья из пятёрочек, десяточек, друг о друге и не подозревающих, подчинённых только зарубежному центру — во Франкфурте или его живописных окрестностях. Правда, всё это знал ещё Достоевский, приступая к «Бесам». И правда, нечаевские пятёрки действительно существовали. А верится, однако. Точнее, не вникаешь в это, покуда тебя самого вдруг, задним числом, не объявят «московским представителем „Граней“», каковым ни я себя не считал, ни мои друзья. Отметим, кстати, как мало их тревожит судьба тех, оставшихся в России, кто носил мне свои рукописи. Главное, чтоб я числился «отстроеным». Обожают они эту кальку с немецкого: «ausgebaut». А доведись мне сгнуть в каком-нибудь пермском лагере, быть бы мне, посмертно, членом НТС. Не так ли они «отстроили» Юрия Галанскова? Наедине с адвокатом, Диной Каминской, он отрицал свою принадлежность к НТС; я вспоминаю, и Вера Лашкова рассказывала мне, что она была третьей в «воронке», когда их везли после суда, и из разговора Галанскова с Добровольским вынесла определённо, что членом НТС Галансков не был. Но поди разберись в этих чичиковских махинациях с мёртвыми душами — у них же «тайное членство», «самоприём», ритуал сожжения присяги.

Теперь скажу, что «молекулярная сеть» действительно «отстроена». Только не в России, а на Западе. Повсюду, куда только можно было проникнуть. Где только пахло деньгами. И люди, издавна связанные с НТС, строившие на отношениях с ним карьеру, а быть может, искренне видевшие в нём стойкого борца с тоталитаризмом, — те «друзья Союза», от кого зависели субсидии, — должны же признаться и начальству, и общественному мнению, что десятками лет вводили их в заблуждение, морочили головы. У многих на это хватит мужества?

В. М. Необходимо общественное давление.

Г. В. Вы думаете, просто — раскатить этот снежный ком? Слишком мало информации выходит наружу. Потому что они превыше всего блюдут — единство рядов. Это настоящая ленинская партия «нового типа», вдобавок возглавляемая мощным семейным кланом. Значит, она стоит на двух китах: родственные связи и железная дисциплина. Ни тебе внутривнутрипартийных дискуссий, ни фракций, ни левого или правого крыла. Любой критикующий элемент изгоняется. Мгновенно. От нескромных взоров, от малейшего любопытства они себя даже внутри оградил: «каждый знает только то, что ему поручено делать». Царствуют покорность и культ непогрешимости лидера. Сам принцип выборности перевёрнут: не лидеров избирают, а они себе — приближённых, как если бы министры утверждали состав парламента. Как любой тайный орден, они имеют преимущество мира тоталитарного перед миром демократическим, к тому же и оправданное: какие могут быть дебаты, какая там гласность, ежели конспирация! Здесь делают «Дело», посвятили себя «Служению», несут в Россию «Слово Правды» — всё возвышенно, с заглавных букв! Похоже и на то, что их деятельность не бесследна, есть «письма из России», «отклики с мест». Но перечитайте их подряд хоть в №6 «Посева» — не покажется ли Вам, что писаны они одной рукой, к тому же усталой, по одному шаблону: «Я с вами не во всём согласен, но ваши идеи меня заинтересовали. пришлите ещё литературы»?

В. М. В течение почти трёх лет Вы были главным редактором журнала «Грани».

Г. В. Два с половиной года. Ровно десять номеров.

В. М. Да, десять номеров. На мой взгляд, это был лучший журнал в эмиграции. Это беда для читателей здесь и в Союзе, что Вы теперь без журнала, а «Грани» — без Вас. Ваш уход — это следствие Вашего конфликта с НТС?

Г. В. Я не сказал бы, что это был исключительно мой конфликт. Это был наш общий конфликт, т. е. «третьей эмиграции», с таким же, в сущности, тоталитарным духом, от какого мы настрадались на родине и с которым тем более не намерены здесь мириться. Боюсь, в НТС ещё не поняли, как глубока эта пропасть — между ними и «третьей волной».

За неделю до увольнения позвонил мне председатель НТС Романов под псевдонимом «Рыбаков»* (у него много псевдонимов, письма от издательства он мне писал под псевдонимом «Жданов») — сообщить, что вот, ходят слухи, будто меня хотят уволить, так как я отнесусь, не будет ли плохо с сердцем. Я спросил, учитывает ли руководство, к чему это приведёт, к какому возмущению в эмиграции. Он ответил уверенно: «Никакая эмиграция никогда ни вокруг чего не объединится». Но вот она объединилась! 63 подписи в мою защиту, и вовсе не единомышленников, случай уникальный. Это — не из любви ко мне, скорее — из неприятия НТС, но мне отрадно сознавать, что и в нашем рассеянии, при всех раздорах и склоках, существует общественное мнение! Представление о том, «что такое хорошо и что такое плохо», мы всё-таки сохранили.

В. М. Недавно в интервью с Романовым было сказано: «Грани», мол, *наш* журнал, а Владимов его называл «*мой* журнал». Это показательно: им не нужно, чтоб журналом руководил человек с талантом и независимыми взглядами, не нужна личность, а нужен тот, кто сольётся с партией: «Это наш журнал, партийный журнал!»

Г. В. Тот, кто брал интервью, А. М. Югов, выразился еще прелестнее: «Вы делаете упор на существительное — „журнал“, а он на прилагательное — „мой“». Г-н Югов, не подозревающий, что „мой“ — вовсе не прилагательное, а другая часть речи (какая — не скажу, пусть раз в жизни заглянет в грамматику, приглашаю и нового редактора Е. А. Брейтбарт), всерьёз считает, что для меня это существительное — «журнал» — было несущественно, коль скоро не думал я о партийности и «товарищах по движению». Еще один его крик души: зачем приглашать известного писателя, он захочет «и редактором стать всемирно известным, как Твардовский». И что тогда случится? Небеса обрушатся на Флуршайдевег, 15? Или, ещё ужаснее, он серых откажется печатать?

В. М. В самом деле, что предосудительного, если журнал несёт отпечаток личности редактора? Да, мы говорили: «Новый мир» Твардовского. Чем это плохо?

---

* В. Рыбаков и Н. Жданов — сотрудники «Посева», члены НТС. — Ред.

Г. В. Я думаю, это неперемное условие — чтоб видна была личность редактора. Творчество всегда — личностное. Но что касается «Граней», я как раз не чувствовал журнал «моим». Всё время приходилось идти наперекор. Больше года при мне комиссарствовала Артёмова, я о ней писал в «Необходимом объяснении».* Доставалось и от «самого» получить партийную головомойку — под грифом «В порядке частной переписки», поэтому я не суть, а только стиль передаю: «На одном я всё же настаиваю — обязательно убрать... Статья с ложной целепостановкой... Это надо было вычеркнуть... Ненужная заумность, можно было устранить... Вредная вещь. Нарочито вредная... Вульгарно, грязный язык... Сексовые слюни... Шрифт прозы должен быть крупнее». Под Новый год, в виде поздравления, положили на стол партийную анонимку «Отзыв о «Гранях», сляпанную из письма полуграмотного читателя. Много есть способов управлять редактором. Помню замечательный вопрос г-на Югова, когда я не принял его статью: «А почему это у нас нельзя редактору приказать?!» Кажется, этот идеал уже достигнут.

В. М. А деньги, наверно, давали «под Владимова»?

Г. В. «Грант», естественно, выделен был «Посеву» или НТС, но с условием, что редактировать «Грани» буду я. Потом НТС это условие сумел обойти. Не знаю, как; это ещё выяснится.

В. М. Что же всё-таки произошло? Как объяснить ваш разрыв?

Г. В. Наверно, не Вас одних поразила мелочность их первоначальных объяснений. Владимов сказал, жена сказала, где-то не выступил, покинул стенд «Посева»... Лепет какой-то. И это для них, суровых бойцов, «пределы терпимого»! Затем, в своём бюллетенчике «Встречи», объявили, что я «вёл журнал против Союза», — это как будто синоним той же «нелояльности», да ведь сами же от неё отрекивались: «С политических позиций не было расхождений». Пишут, что я перессорился с десятками людей, —

---

* «Континент», N 48.

ложь, свойственная именно главарям клана: если их тронули — значит, десятки в обиде. В том же интервью объясняет Романов, что ошиблись во мне, мало у меня связей с молодыми авторами, — из этого видно, во-первых, как вдумчиво они читают то, что издают: в «Не обращайтесь, маэстро» описано моё положение, это изоляция и блокада, редкие смельчаки меня посещали. А во-вторых, тут НТС попадает в свою же ловушку: где же была хвалёная «молекулярная сеть», почему не доложила, какие связи у предполагаемого редактора? И так же она их информирует насчёт «конструктивных сил»? О настроениях в армии или среди рабочих? Но вот и примирительный аккорд: всё дело в том, говорит основатель «Граней», что трудно совмещать журнал с собственным творчеством... Когда называют много причин, и таких разных, это верный признак, что хотят скрыть одну — истинную.

В. М. Думаю, что вы очень не подходили друг другу — эта партия и Вы. Вы их постоянно раздражали — и тем, как вели журнал, и тем, что говорили.

Г. В. Вы правы, причина проста — несовместимость. Или, как они выражаются галантерейно, моя «неколлегальность». Я увидел организацию, насквозь коммерческую, которой интересы России чужды, а близки те принципы, что мы отвергли там, на родине. Но эта организация ещё и крайне опасна: она примазывается ко всем нашим начинаниям, будь то правозащитные группы или независимый профсоюз, — «в этом развивающемся движении, — возглашает их вождь, — мы ищем своё место, мы даём туда себя!» — и дают, и компрометируют, облегчая работу карателям и душителям. Ведь та же «молекулярная сеть» — это не просто, как сказал бы Остап Бендер, «401-й способ честного отъёма денег», это тот враг — пусть воображаемый! — без которого КГБ жить не может. Вы помните, какой подарок преподнёс НТС нашему «правосудию» во время процесса Галанскова, Гинзбурга и других, когда прислали этого Брокса-Соколова, нашпигованного брошюрками и с каким-то там шапирографом для изготовления листовок. Хороши судьи, которые этого десантника использовали для отягчения приговора, но хороши и те, кто его послал на явку

— к людям, давно арестованным. И мы когда-нибудь слышали внятное объяснение, зачем это было сделано?

Наконец, я увидел, что «Грани», которые я веду, только прикрытие чудовищного блефа, на самом-то деле не нужен им хороший журнал. Я уже слышал упрёк: почему ж молчал *до того*, как уволили. Но я отвечаю вопросом: «А за что же, вы думаете, уволили?» Вот они пишут в «Вынужденном ответе»: повёл «злбную кампанию». Значит, не молчал. Не захотел жить рядом с ложью. Слишком много выяснял — это «неколлегиально». Да они должны были от меня избавиться — элементарный инстинкт самосохранения!

В. М. Но как Вы согласились с ними сотрудничать? Вы их плохо знали?

Г. В. Позвольте немного лирики. Вам нетрудно представить себе, что значит там, в Большой зоне, письмо из-за границы. С диковинными марками, в длинном таком конверте, каких в СССР, по причинам исторического материализма, не делают. Письмо *оттуда*, куда Вы полвека не можете выглянуть, потому как «невыездной». Или звонок — сквозь шорох подслушки и после вчерашнего обыска: «Ваша книжка вышла в Италии...» Это ведь такая отдушина! Или приезжает курьер, с этой книжкой, с Тамиздатом. Вы его усаживаете за стол, не знаете как ублажить, не отпускаете без подарка — в России же не бывает иначе! — он Вам подарил маленький праздник: общение с недоступным большим миром.

А здесь, по приезде, выясняется, что эти курьеры должны были писать отчёты: и сколько Вы пили, и как реагировали на похвалы Вашей книжке. Вы переписывались с загадочной незнакомкой Анастасией Николаевной, а она, оказывается, «по поручению держала связь». И переписка называется — «досье». Здесь называется, не в КГБ, смотрите «Грани» N 141, страница 278. Ну, и в КГБ тоже. И главный начальник этого учреждения... видите, я уже путаюсь, я имею в виду НТС... говорит, не смущаясь, что он всю переписку недавно перечитал, т.е. он читал *адресованное не ему*. В КГБ, в Лефортове, тоже не смущались: «Мы тут почитали с Иваном Кузьмичём. Любопытно, любопытно. Вы понимаете, с чем играете?» Вы это поймёте здесь — что были «ausgebaut».

«отстроенный представитель», — стало быть, ходили под статьёй 64 УК, предусматривающей, между прочим, высшую меру. Ну, здесь это не грозит, но тоже дают понять, что кой-какой «компроматерьяльчик» имеется. Не скажу — ужасно, скажу — уныло. И там у меня был судебный процесс с издательством, и здесь предстоит. Т.е. близнецовое тождество родной «Софьи Власьевны» с её «визави». Только то отличие, что «Софья Власьевна» всё же выказывает способность к омоложению, путём хирургической подтяжки морщин, — здесь эта операция запоздала.

Было бы ложью, что мы совсем ничего не видим из Большой зоны. Коробят эти высокие словеса, революционные призывы из безопасного далека, но — пропускаешь мимо уха: ну, не стилисты, и нетерпение их гложет, зато — делают дело. И мы верим нашим товарищам, которые эмигрировали: читаю, к примеру, Коржавина — какие прекрасные люди в «Посеве»! Оно, правда, странно немного читать похвалы «посевцам» в одноимённом журнале, но пишут же не сами, а Коржавин, которого я с 56 года знаю. Да вот и Максимов, и Галич тоже сотрудничают с НТС, выступают на «Посевских» конференциях. В другое ухо гудит нам родная пропаганда, что НТС идейный и злейший враг, от которого нас только и спасают славные органы — вот те самые, что вчера перелопатили Вашу квартиру... Наконец, мы вообще абстрагируемся от партии, которая что-то там обещает, бездну всяких благ и свобод, реально, мы видим издательство, где мы многие нашли пристанище. Мы разделяем эти понятия — НТС и «Посев». Соединяют их — совпропаганда и КГБ. Но вот, в моём случае, они себя сами объединили наглядно. И мы читаем риторический вопрос вождя: наступит ли в СССР такое время, когда «цензура станет суровой? И тогда мы сможем это реализовать?» Тут-то и проглядывает откровенный меркантильный оскал. Они реализуют наши беды!

Я в своих выступлениях предпочитал НТС не упоминать, и в номерах «Граней» за моей подписью Вы этой комбинации из трёх букв не найдёте, но своим участием, своим редакторством, наверное, тоже служил приманкой для тех в России, кто ещё связывает с этой организацией какие-то надежды. Нам предстоит эти надежды развеять. Не отрицая

заслуг «солидаристов» по части «реализации», мы всё же должны им сказать: «Россия — это *наша* страна, вы там ничего не забыли, и не ищите себе места, не давайте туда себя! Переключитесь на Чили, это вам ближе и понятней. А Россия — это рок, это судьба, участь, но не профессия. Не делайте из неё ремесло и источник дохода.»

Ну, а тем идеалистам, которых немало и в НТС, тоже должно быть ясно: партия нам вообще не нужна, в России к этому слову стойкая аллергия.

В. М. А тем более партия с таким прошлым в годы войны.

Г. В. Да это уж им как-нибудь простили бы...

В. М. Вы думаете? Для меня это невозможно...

Г. В. Если бы сами они это прошлое восприняли как трагическую ошибку. Но они видят неудачу. Ну, сорвалось, другой раз будем умнее. Мне рассказывал Романов, как он уезжал из Днепропетровска в немецком танке и сквозь смотровые щели видел повешенных на деревьях. Рассказывает элегично, не чувствуя своего соучастия. Зритель, со стороны дружественных танков фон Клейста, тоже ведь соучастник...

В. М. Я думаю, что их военное прошлое навсегда должно оттолкнуть от них людей в России. Идеология власовского движения там не может быть популярна.

Г. В. Это не безусловно так, но позвольте на Ваш тезис ответить романом. Одно могу сказать: пребывание в этом стане было для меня в известной мере и благом. Для писателя, как и для учёного, равноценны и положительный опыт, и отрицательный.

В. М. Вернёмся к проблеме журнала. «Грани» в руках НТС погибли. А между тем, независимый литературно-художественный журнал необходим. Вы согласны?

Г. В. В «Гранях» всё только начиналось. Их сшибли на взлёте. А мог бы быть неплохой журнал, который бы представлял собою и определённую организующую силу, и служил бы даже мерилем, критерием для тех журналов, что выходят в России. Как, скажем, «Современные записки» 20-х

и 30-х годов — их и в 60-х очень внимательно читали советские редакторы, там было на что равняться. А как важно это сейчас, при тех прорехах, что появились в Железном занавесе. Одно время мы удивлялись, что в стране появляются весьма смелые вещи, — как их пропустила цензура? Но она вынуждена была что-то противопоставить «гнилому Тамиздату».

В. М. Особенно любопытной была ситуация в Польше накануне лета 80-го. Там существовала тогда масса самиздатских журналов, и подцензурные журналы вынуждены были печатать больше вольностей. Один польский журналист мне рассказывал, как его друг носил свою рукопись в подцензурный журнал. Ему предложили что-то убрать, что-то изменить. Он отказался: «Не берёте — не надо». И отнёс рукопись в литературное кафе, в этом же здании, отдал редактору самиздатского журнала. Там подцензурная печать была под прессом свободной печати. Хороший это пресс — давление свободы на несвободу. Расширяются пределы официально дозволенного.

Г. В. Это во-первых. Ну, и сам автор меняется. Он смелеет, если ему есть куда отступить, есть какой-то плацдарм. Нужно только переслать рукопись по «каналам». Я и сам этак протестовал — правда, в форме вопросительной: «Вы мой роман не издаёте, так что же мне, в «Посев» обратиться?» И когда автор начинает вести себя таким образом, начальство несколько пугается. Ему не хочется выпускать из рук «контролируемую литературу». Ну, с какими-то вольностями... Словом, независимый журнал нужен, и очень. Но всё несчастье, что эмиграция его не окупит. Какой бы прекрасный журнал я ни делал, я едва ли — подпиской или розничной продажей — соберу деньги на следующий номер.

В. М. Да, это наша беда. Мы же работаем преимущественно для читателя в Советском Союзе...

Г. В. А журналы ему посылаем бесплатно.

В. М. И дай Бог, чтоб дошли. Сегодня журнального места для публицистов ещё хватает. А литературный журнал только один — «Континент». Явно недостаточно для

писателей, оказавшихся на Западе, и для писателей на родине — тех, кто хотел бы опубликовать свои неподцензурные вещи.

Г. В. Всё упирается в презренный металл. Есть Америка — страна, в которой, как я её представляю, ещё сохранился некий идеализм, альтруизм, готовность помочь другим нациям. Эта страна создана эмигрантами, помочь другим эмигрантам — в духе американского народа. Промышленники, скажем, образуют благотворительные фонды не только потому, что надо что-то там списать с налогов, но и просто из человеческого идеализма. Только распоряжаются этими фондами правительственные чиновники, которым нужны «практические результаты». То есть примерно следующее: «Мы тут сколотили партиюшку. И уже успехи есть: одну советскую дивизию распропагандировали в Польше, другую на китайской границе, есть свои люди и в охране Мавзолея». А что может пообещать редактор? Что журнал будет спасать культуру, даст пристанище вольной мысли? И будут читатели в России — только неизвестно, сколько? Нет, это что-то аморфное.

Европа — более меркантильна, практична, бережлива. Европейский миллионер, расчувствовавшись, пожертвует двести марок, в лучшем случае. К тому же, он не захочет поссориться с Советским Союзом, а ведь наверняка же в эмигрантском журнале будет что-то антисоветское. Я думаю, и при самых благоприятных обстоятельствах проявит себя принцип: кто даёт деньги, тот заказывает музыку.

В. М. Мы прошли через коммунистический опыт. Это печальный опыт, но это опыт, которого не имеет Запад. Думаю, что возрождение ценностей «буржуазного мира» уже невозможно в России. Там будет что-то новое. О том, что, как и зачем должно меняться в стране, нужно и важно говорить. В Советском Союзе ещё не скоро позволят открыто спорить о будущем. Сейчас это возможно только на Западе, в эмигрантских изданиях. В познании опыта эмигрантов из коммунистических стран должен быть заинтересован и Запад.

Г. В. К сожалению, не все понимают, что защищали бы самих себя, помогая эмигрантским изданиям и через них демократическим силам в СССР. Американцы, которые дважды в нашем веке умирали за свободу чужого континента, осознают это лучше; для европейцев же главное — не ссориться с грозным соседом.

В. М. Один московский диссидент сказал недавно, что он не уверен в том, что западный мир (прежде всего, Америка) заинтересован в демократизации Советского Союза. СССР потенциально — очень богатая страна. В случае демократизации это будет *самая* богатая страна в мире.

Г. В. Она будет вне конкуренции, действительно.

В. М. Этот москвич полагает, что на Западе есть силы, которых существующий status quo устраивает.

Г. В. Но СССР угрожает миру военной мощью. Демократизация бы его в этом дестабилизировала, «разложила».

В. М. Верно. Но вполне вероятно такая точка зрения: «Нужно сегодня, пока Советский Союз не вступил на путь реформ, превзойти его радикально в военном отношении. И тогда мы долго ещё не будем беспокоиться по поводу возможной советской угрозы». А демократизация нашей страны в этом случае не так уж и важна западным политикам. Вот такое мнение пришло из Союза. От человека, повторю, диссидентских взглядов.

Г. В. Я хорошо знаком с таким движением, как «Международная Амнистия». Исключить чисто человеческий фактор — сочувствие угнетённым в чужой стране — невозможно.

В. М. Да, конечно. Я очень люблю людей из «Амнистии». Но надо признать, что большинство членов этой организации — люди левых или лево-либеральных взглядов. Я как-то спросил, сколько сторонников партии ХДС-ХСС в немецких группах «Амнистии». Оказалось, почти никого. В основном, социалисты, либералы, левые беспартийные христиане и «зелёные». Как раз приверженцы «классической» буржуазной демократии не активно участ-

вуют в этом движении. Да и в Америке в «Амнистии» работают люди лево-либеральных настроений. Кстати, эту организацию бьют с двух сторон. Советы утверждают, что это всё «агенты ЦРУ», правые на Западе называют их коммунистами.

Но уж эмигрантам «Амнистия» не должна помогать — у нее совсем другая задача.

Г. В. Да и грешно было бы нам просить у неё помощи. И тем не менее, есть нужда в «посадочной площадке» — для тех писателей в России, которым некуда нести свои рукописи. Говорят, поток их сейчас обмелел, но я думаю, советская литература — перед каким-то броском, новым взлётом, взрывом — и он непременно выплеснется на Запад.

В. М. Вы думаете, на Запад?

Г. В. Безусловно. Клапаны не приоткроются больше, чем положено. И литература будет перехлёстывать цензурные рамки.

В. М. Вы говорили, что война имеет свои законы, которые часто оказываются сильнее воли тех, кто эту войну начинал. Но подобным же может оказаться и процесс демократизации. Горбачёв и другие хотят только приоткрыть клапаны, чтобы чуть-чуть выпустить пар. Но пар этот, надеюсь, может сорвать крышку. Они не смогут её удержать.

Г. В. Коммунистическая диктатура держится на могучем инстинкте самосохранения, он ей вовремя просигналит: «Пора перекрывать!» Они освобождаются от геронтократического балласта, от тех, кто плохо служит своему классу. Хочется более зубастых, энергичных. Идёт смена поколений, но именно затем, чтоб сохранить суть. И после смены мы можем увидеть диктатуру ещё более жёсткую.

В. М. Вы читали, наверно, беседу Горбачёва с писателями. Он же просит поддержки у общества. Он бонится, что его могут сместить, если он не станет популярным.

Г. В. Были уже такие беседы. Была беседа Хрущёва с Твардовским. Никита Сергеевич тоже искал поддержки у интеллигенции, которую потом громил. Всякий лидер ищет поддержки. Потом ему захочется воспевания. Мне эта беседа

с Горбачёвым показалась спекулятивной. И я бы на неё не пошёл. У литературы, извините, своя задача — не лидерам помогать, а выражать истину, как её понимает писатель.

В. М. Но литература, пожалуй, самое сильное средство воздействия на общество. Особенно у нас на родине. И лидер, естественно, хочет, чтобы она с ним не враждовала.

Г. В. А для этого надо только одно — то, о чём попросил французский художник Гюстав Курбэ, когда ему присудили государственную премию. Он её вернул со словами: «Правительство тогда исполнит свой долг перед художником, когда оставит его в покое». Я за то, чтобы лидеры нас ни к чему не призывали, а позволили бы литературе развиваться по её собственным законам. А пока происходят такие беседы, и вызывают у писателей интерес, до настоящей «оттепели» ещё далеко.

В. М. То есть, по-Вашему, эта система ещё работоспособна?

Г. В. Да, поскольку она способна на некоторую перестройку, чтобы избавиться от одряхлевших частей и заменить их новыми. Но вся самостоятельность, которую при этом обещают обществу, это самостоятельность кошки или собаки, которую выводят на поводке. Весь эксперимент — на 5 или на 10 сантиметров отпустить поводок? А просто отстегнуть его — об этом и речи нет.

В. М. Возьмём, к примеру, бунт «киношников». Он явно не был запланирован сверху. Он произошёл спонтанно. Да, номенклатура, карательный аппарат — это большая сила. Но не единственная. Есть ещё и сила общественного интереса.

Г. В. Незапланированные бунты и раньше происходили — тот же «Новый мир» Твардовского. Давали журнал, казалось бы, человеку проверенному, многократному лауреату, советскому патриоту, настоящему коммунисту — все похвальные слова со стороны власти можно было отнести к Твардовскому. А он произвёл этот 11-летний бунт, который мы называем эпохой «Нового мира» — и который закончился поражением.

В. М. Этот бунт не завершён. Подавили «Новый мир» в 70-м году, а и Владимов, и Войнович, и Некрасов — оттуда. И «деревенщики» начинались там. Не будь Твардовского, и Солженицын мог бы не состояться. Эта эпоха не закончилась. Сегодня Залыгин ведёт «Новый мир», Бакланов «Знамя» — и все они ориентируются на Твардовского, все хотят быть, как «Новый мир» тогда. То, что было сделано в те годы, не погибло. И «оттепель» не прошла бесследно. После «оттепели», естественно, наступили «заморозки», общественную жизнь придавили, прижали, но завтра она опять возродится. Я верю в это.

Г. В. То, что сделано «Новым миром», правозащитниками, — уже необратимо. Но и номенклатура совершенствуется, она учитывает все уроки.

В. М. Мне кажется, что она больше не сможет властвовать безраздельно. В ближайшее время, надеюсь, будет заключён какой-то компромисс между властью и обществом. Много больше будет позволено.

Г. В. То есть поводок отпустят на 15.

В. М. Вы хотите идеала. Только в идеале человек может быть свободен. Но и здесь, на Западе, есть свой поводок — деньги. Сейчас речь идёт лишь о степени несвободы.

Г. В. Поскольку всё относительно, сравним эти две «оттепели». Ну, во-первых, несколько миллионов заключённых вышли разом из лагерей, теперь их выпускают по одному, по два. Кроме того, та «оттепель» была сюрпризна, были вещи неожиданные, мы о многом не думали, что это возможно. Здесь же — всё наоборот: большие ожидания, и после каждого шага, каждого телодвижения властей — разочарование. Ждали большего.

В. М. Когда Вы уезжали из страны, Вы написали в письме Андропову, что верите в своё возвращение на родину. Что должно измениться, чтоб Вы смогли вернуться?

Г. В. Возможно, будет найдена какая-то устойчивая модель, при которой командные высоты сохранятся у номенклатуры и всё же будет удовлетворительное производство благ для народа, чтобы он не чувствовал себя

обойдённому, несчастному, лишённому радостей. Такую модель, в конце концов, можно найти. Возьмём Германию или Швецию — здесь много элементов социализма, и тем не менее это страны демократические. Не нужна эта «граница на замке», такая дорогостоящая, не будет массового выезда. А единичные или групповые и так происходят. То есть должна быть возможность свободного выезда и въезда. Должны быть освобождены все политзаключённые и закончена позорная афганская война. Для меня важен и чисто профессиональный вопрос — возможность печататься, где я захочу. И в советских изданиях, и в западных. Я хочу, чтобы власть, наконец, махнула рукой на писателей — чёрт с вами, делайте, что хотите, без вас обойдёмся!

В. М. Верите ли Вы, что нынешняя оттепель даст Вам то, о чём Вы сейчас говорили?

Г. В. Хотелось бы верить.

ОБРАЩЕНИЕ К ХРИСТУ?

«Плаха» Чингиза Айтматова («Новый мир», 6, 8, 9) начинается замедленно: волчица Акбара рождает трех волчат, она и матерый волк Ташчайнар учат их делать первые шаги, выводят из логова в саванну; волчье семейство натывается на человека. Странное, голое, нелепое существо носится, скачет по степи. Позже мы узнаем его историю. Пока же смотрим на него глазами волков. Он собирает анашу и оттого, что дышит испарениями этой травы, сам уже не в себе. Волчица Акбара почему-то перескочила через него, пригнувшегося в ужасе, не загрызла его, угнала свое семейство...

Волки готовятся к своему делу — охоте. А попадают в облаву, в уничтожение сайгаков с вертолетов и грузовиков, в светопреставление.

Волки чувствуют: нельзя уничтожать молодняк — через год опять будет охота, надо оставить для себя же. Вооруженные нелюди не знают и этого. Потому совершают нечто одновременно неслыханно жестокое, но столь же неслыханно идиотское. Ведь некие начальники уже рапортовали в Москву, что план по мясоставкам будет выполнен. Да и каждый участник преступления получает за убитого без труда и опасности сайгака легкие, быстрые деньги.

Волчат затаптывают, Акбара с Ташчайнаром, тяжело раненные, выбираются чудом.

Известная максима Гоббса: «Человек человеку волк» неожиданно переосмысливается советским писателем: волки живут по тем законам, которые спокон века считались человеческими. Чего нельзя сказать о людях.

Осип Манделштам еще писал:

Мне на плечи кидается век-волколав,
Но не волк я по крови своей...

По лестнице нравственных ценностей в романе «Плаха»

волки выше людей. «...чувства милосердия отданы волкам, зверям, которые милосерднее по отношению к природе и к человеку, чем сам человек», — говорил критик Игорь Золотусский в диалоге с критиком Львом Аннинским (первая программа телевидения, 21 окт. 86 г.)

Чингиз Айтматов беспощадно выворачивает беды сегодняшнего советского общества. Так, наркомания, прежде строго табуизированная тема, — одна из сквозных в «Плахе».

«Роман читают даже с некоторым ужасом и содроганием, потому что не могли себе представить, что такие темы когда-нибудь станут темами открытой литературы» (И. Золотусский).

И роман и его обсуждение в «Литературной газете» (15 окт. 86 г.) и на телевидении — симптомы сегодняшней ситуации.

В конце телевизионного разговора Л. Аннинский подводит итоги так:

Айтматов «не может решить мировую проблему, вечную, потому что в нас это решение еще не созрело. А вот злость против облавы на волков, на сайгаков в нас созрела. Вот честность сказать про то, что мы с наркотиками якшаемся, — это в нас созрело...»

Во всех прежних книгах Айтматов был у себя — среди степей, озер, гор, верблюдов, коней... Уничтожение природы, будь-то сайгаки, будь-то волки, — это его боль, выраженная в слове.

Сцена облавы из «Плахи» может войти в любую всемирную экологическую хрестоматию, занять одно из достойных мест. Тут все сошлось: знание предмета, добытое предками, но и собственным духовным усилием. Тут Айтматов — читатель русских классиков, читатель Фолкнера, читатель латиноамериканских романистов. Он продолжает, и продолжает по-своему.

Но писатель явно поставил себе сверх-сверхзадачу — изобразить уничтожение человеческой души. Тут он тематически идет по целине. Не знаю в советской литературе романа, положительный герой которого — безо всяких кавычек — был бы глубоко верующим христианином.

Едигей («Буранный полустанок») хочет похоронить своего друга по старому обычаю на древнем кладбище. Это важный отправной пункт книги. В тяжкий момент Едигей обращается к Богу. Но его нравственные качества не находятся в прямой связи с религией.

Герой «Плахи» Авдий Каллистратов, — это его увидела в степи волчица, — сын дьякона, исключенный из богословской семинарии за религиозное диссидентство, ищет Бога-современника, пытается воплотить идеалы христианства в жизнь. Он пытается спасти грешников, а возбуждает лишь лютую ненависть против себя.

Авдий присоединяется к отряду охотников за анашой, чтобы потом во всеуслышание рассказать об этом страшном пороке, чтобы и самих наркоманов и торговцев наркотиками отвлечь от беды. За проповеди и поступки (он выбрасывает часть собранной травы) его жестоко избивают, сбрасывают на ходу с поезда. Но в этой первой схватке Авдий, тяжело раненный, еще остается жив.

И едет во второй раз. Попадая к участникам облавы на сайгаков, он и их пытается вернуть на праведный путь. Они убивают Авдия — распинают его на кусте саксаула.

Обе стаи, и охотники за анашой и охотники за сайгаками — алкоголики, наркоманы — садистски жестоки, начисто лишены человеческих черт.

В момент тяжелых физических мук Авдию является Христос. Герой слышит разговор Христа и Пилата. Он мечется по улицам древнего Иерусалима, пытаясь предотвратить Голгофу. Так же безуспешно, как свою собственную гибель.

Что может противостоять злу?

Официальную идеологию писатель в борьбе против наркомании даже не испытывает. Против торговли наркотиками сражается милиция, заградотряды — органы карательные.

Редактора газеты, которому Авдий приносит свои очерки (написанные в промежутке между первой и второй поездками), заботит прежде всего пресловутый престиж, а не реальные преступления, не люди, попавшие в беду, не ввергающие в беду других.

Испытывает Айтматов идеологию соперничающую: двухтысячелетнее христианство. Причем, менее всего как вероучение. Для писателя важнейшее в христианстве — муки Христа, его подвиг.

Корреспондент «Литературной газеты» спрашивает автора: «...но Вы все-таки не случайно выбрали на роль главного героя христианина, а не мусульманина, скажем...»

Писатель отвечает: «...христианская религия дает очень сильный посыл фигурой Иисуса Христа. Исламская религия, в которую я включен своим происхождением, подобной фигуры не имеет. Мухамед — не мученик ...чтобы за идею распяли, и чтобы он это простил людям, — такого нет» (13 авг. 86 г.)

Выписываю и думаю, что на Западе такие слова никого не удивят: один избирает героя-христианина, другой — буддиста, третий — мусульманина, четвертый — атеиста... Но я ли одна, старая читательница «Литературной газеты», протираю глаза: а не приснилось ли мне, что в «Литгазете» писателя спрашивают, почему его герой — христианин, а не мусульманин...

Спор, столкновение Христа и Пилата — идейно философский центр романа. Проигрывается этот диалог дважды: сначала на «земле» — между Авдием и Гришаном, «паханом» той шайки анашистов, к которой примкнул Авдий. А потом на «небе» — собственно Христос и Пилат в воображении-воспоминании Авдия, сброшенного с поезда (некая реалистическая мотивировка самой такой возможности?)

«Двойничество» диалога автор всячески подчеркивает с самого начала, особенно в речах Гришана: «Авдий — имя редкое, библейское... явился таким мессией... спаситель-эмиссар... на чем свихнулся еще тот, кого распяли...». Примеры можно множить.

Пилат говорит Христу, что тот недооценил «низости площадей». Гришан с подручными — воплощение «низости площадей». Тут, вероятно, и есть тот новый, по сравнению с Булгаковым, исторический опыт, который стремился запечатлеть Айтматов. Опыт и экстремальных ситуаций, как Гулаг и Освенцим, но и повседневный: сообщения из любой

газеты — мать убила ребенка... омерзительная схватка после футбольного матча в старом европейском городе Брюсселе... Террористы, заложники...

»После Голгофы — уверяет Гришан, — в мире ничего не изменилось... «я даю людям здесь то, что вы обещаете на том свете. Эрзац счастья, кайф...»

— Авдий словами не отвечает, но поступком: жертвует собой ради людей.

Так, по-моему, выражена авторская, очень слабая, надежда: если и есть альтернатива все растущему насилию, все растущей жестокости, низости, — то это нерасчетливая, ничем не защищенная, неумная доброта.

Тут у Айтматова переключка, вероятно бессознательная, с другим русским писателем — Василием Гроссманом.

Рукописи действительно не горят, но в литературу, в сознание людей приходят тогда, когда становятся доступными читателям, когда размножаются — самиздатом ли, печатными ли машинами. Потому «Мастер и Маргарита», законченный в 1940 году, стал фактом литературного процесса конца 60-х — начала 70-х годов. Потому роман «Жизнь и судьба», законченный в 1960 году — тогда рукопись была сдана в редакцию «Знамени» и арестована, — опубликованный по-русски в 1980 году (в Швейцарии), стал фактом литературного процесса 80-х годов (по-французски роман Гроссмана был опубликован в 1983 г., по-немецки — в 84 г., по-английски — в 85 году).

Один из персонажей третьего плана в книге Гроссмана, толстовец Иконников, гибнущий в гитлеровском лагере, оставляет записки, где между прочим сказано:

«...кроме грозного большого добра, существует житейская человеческая доброта. Это доброта старухи, вынесшей кусок хлеба пленному, доброта солдата, напившего из фляги раненого врага, ...доброта крестьянина, прячущего на сеновале старика-еврея... Это частная доброта отдельного человека без свидетелей, малая, без мысли... В ужасные времена, когда среди безумий, творимых во имя славы государств и наций, в пору, когда люди уже не кажутся людьми, а лишь мечутся, как ветви деревьев... в эту пору ужаса и безумия бессмысленная, жалкая доброта, радневой

крупницей раздробленная среди жизни, не исчезла... В бессилии бессмысленной доброты тайна ее бессмертия. Она непобедима...»

Эта характеристика полностью применима к Авдию: его доброта и жалка, и бессмысленна, но и непобедима.

Критики размышляют в этой связи о силе, милосердии, прощении.

Л. Аннинский: «...я выстроен внутри на сочувствие человеку, на сострадание, поэтому я далек от Айтматова...» В том же направлении, но еще отчетливее, резче развивается мысль И. Золотусского: «Так зачем Айтматову Авдий? Когда он внутренне не готов ни простить, ни пожалеть, а готов счесться...»

Они оба полагают, опираясь на прежние книги Айтматова, что ему больше свойственно изображение силы, чем слабости, что он принадлежит скорее языческой, чем христианской традиции.

В Гришана я — содрагаясь — верю. В Авдия мне поверить очень хотелось бы... Но мешает ощущение конструкции, заданности. Это плохо написано. Тут Айтматов — не на материнском поле.

Нужно обладать большой писательской смелостью, чтобы после Булгакова писать встречу Христа и Пилата. Смелости Айтматову не занимать. Но, достаточно ли одной смелости?

«Мастер и Маргарита» для меня — не Евангелие (это не риторический оборот — книга А. Зеркалова «Евангелие Михаила Булгакова» очень интересна), но великий роман.

Что же до самих евангельских сцен, — они большинству критиков показались слабыми, — мне хотелось бы выделить одну линию — явную полемику с еретиком Булгаковым. Позиция Айтматова ближе уж к каноническому православию. Нет, не перестает роман «Мастер и Маргарита» приносить сюрпризы...

С тех же самых позиций полемизируют с Булгаковым — в связи с «Плахой» — оппоненты Айтматова.

С. Аверинцев: «... „ренановскую“ традицию, как такую, я считаю исчерпанной, а соответствующие сцены у

Михаила Булгакова — завершением, окончанием некоего ряда. Если чем и оправдана их преувеличенная яркость, эстетически выгодно контрастирующая с Крамским, с Надсоном, с толстовством, но и *замутняющая честный морализм предшественников игровым возбуждением* (курсив мой, Р. О.), — так именно тем, что Булгаков чувствовал себя последним и ставил веху конца.»

И. Золотусский: «... сама задача эстетизации (евангельского сюжета, Р. О.) как бы противоречила высокому духу материала, и это был просчет Булгакова...»

В одном, весьма важном пункте Айтматов отступает и от евангельской легенды. У его Пилата вовсе нет внутренней драмы. Этот жестокий сатрап убежден, что никаких иных мотивов поведения, кроме корыстных, и не бывает (даже у Гришана больше воображения), что Христос просто сам хочет стать цезарем, значит его необходимо уничтожить. Такому Пилату и незачем умыть руки, он ни на мгновение не собирался облегчать участь обвиняемого. Прочитав роман, вспомнила и Пилата на любимовской Таганке: внешне он был похож на любого высокономенклатурного деятеля... Быть может, те современные реальные прототипы, которых вблизи наблюдал Айтматов, и впрямь лишены внутренних драм. Тут ему виднее. Но в изложении христианской легенды нет ни глубины авторской мысли, ни накопленных знаний, ни точного слова.

Христос никогда не улыбался. Библейские сцены у Булгакова, и сами по себе исполненные глубокой иронии, находятся еще и в неразрывном сочетании с тем смеховым началом, которое пронизывает всю книгу.

У Айтматова мелькнула и затерялась фраза об ироничности замысла, страдающего «недооценкой человеческой природы»: распятие — воскресение. В романе не смеется Авдий, не улыбается Айтматов. Что, вне зависимости от субъективных намерений, создает претензию на владение абсолютной истиной. Претензию, которая не удовлетворяется.

В романе «Буранный полустанок» важные по замыслу сцены с космонавтами, операция «Паритет», в отличие от легенды о манкрутах, от изображения быта затерянного

поселка, написаны стертым, канцелярским языком. Сообщения из космоса — это именно сообщения, обычные газетные штампы.

В «Плахе» таких страниц, к сожалению, гораздо больше. Еще когда Гришан говорит: «своих людей я приближаю к Богу куда оперативнее» — это можно рассматривать, как речевую характеристику персонажа.

Но как оправданы в библейских сценах: «горлопан... прохиндей... поносящий цезарей... верные сподвижники... гад с переломанным хребтом (тут какие-то реминисценции из обвинительных речей Вышинского на процессах) ... дело и без того развивается в нужном направлении... немеркнущий пример...»

По точному определению С. Аверинцева, это не «язык современности. Это безъязыкость современности».

О бедности, стертости языка говорили многие участники дискуссии: «приблизительно... наброски... заурядный репортаж... повествование по своему уровню и выполнению неровно...»

Но говорили, — как уже отмечалось, — не только и не столько о языке.

«...Он делает то, чего не делает русская проза», — утверждает Л. Аннинский. Г. Гачев, давний поклонник и исследователь творчества Айтматова (автор книги «Чингиз Айтматов и мировая литература», Фрунзе, 1982) начал выступление так: «Напрягается писатель сказать последнее слово, что понял за жизнь, сообщить, пока не совершился общий конец света и личный, ибо не ровен час, не успеешь... Так и всегда надо писать: как свое и мира потенциально последнее слово...»

Мнение С. Аверинцева противоположно: «Несомненно значительное произведение замечательного писателя написано так, как это всегда было просто невозможным для настоящей литературы. И ведь нельзя сказать, чтобы пренебрежение существенностью слова и конкретностью реалий было предметом обыгрывания, некой агрессивной стратегией: этого нет. Агрессия может состояться тогда, когда у писателя и его читателя имеется твердое ощущение нормы и этой норме брошен вызов. Но то, что игнорируется

здесь, игнорируется, по-видимому, совсем не агрессивно, а безразлично...»

Спор, конечно, не о том, какую «отметку» поставить Айтматову. Ведь и С. Аверинцев говорит о книгах необходимых, которые бывают и несовершенными... Спор идет о другом. По Аверинцеву, если уж современный писатель замахивается на тему величайшую — «... записная тетрадь человечества, где еще не просохли записи Рублева, Рембрандта, Баха! Надо же хоть как-то собраться внутренне перед тем, как сесть и что-то в нее вписывать...»

Г. Гачев возмущенно протестует: «Ни одна эпоха, место и народ не обделены творческим духом: он дышит, где хочет. А без непринужденности, раскованности, даже фамильярности замерзнет творческий импульс...»

Если автор торопится выкрикнуть последнее слово, то ему действительно не до заботы о точности, наполненности, единственности этого слова. Тогда и поднимается из глубин языковой слой, усвоенный, вероятно, еще в школе, — особенно у автора, живущего и работающего на стыке двух культур.

Были, конечно, в обсуждении и такие реплики, которые заставляли вспомнить, что читаю я все же «Литературную газету».

В начале: «Не обойтись и без истолкования и объяснения той особенности романа, что в нем действуют евангельские персонажи. Не все понимают, совместимы ли подобные сцены с атеистическим мировоззрением...» Больше никто об атеистическом мировоззрении не вспоминал. В конце: «Не сложится ли впечатление, что нам подсказывают путь борьбы с несправедливостью не в плане социальных коллизий, а в призыве к „вере“?»

Была и статья в «Комсомольской Правде», где Айтматову вместе с Быковым и Астафьевым сделан выговор за заигрывание с религией. Но и проходные реплики и эта статья — все звучало вяло, робко, как акции чисто арьергардные. А на телевидении не было и таких.

С. Аверинцев справедливо называет «Плаху» «знаменем времени».

Повторив и несколько расширив вопрос И. Золотуского: «Зачем Айтматову Адвий?», спрощу: «Зачем ему Христос?»

Слышала много ответов.

Предложу такую версию:

Чингиз Айтматов достиг зрелости человеческой и писательской. Достиг всех, доступных в СССР, наград. Достиг у себя на родине и за ее пределами широкого признания. Здесь, в Германии, я много раз сталкивалась с тем, как хорошо знают его книги.

Выговаривая — по Г. Гачеву — свое и мира последнее слово, Чингиз Айтматов обращается, естественно, к самой великой легенде. К основе всей европейской культуры. Обращается, как к единственному, быть может, шансу спасения — души, своей родины, человечества... Обращается еще по-ученически, не будучи подготовленным, но стремясь именно и только к ней.

«С точки зрения своей авторской устремленности новый роман Айтматова, я полагаю, далеко превосходит его прежние — пусть в художественном плане более "благополучные" — сочинения. За эту устремленность можно простить многое» (В. Кожинов).

«Прощать» — это дело не мое. Но авторская устремленность к Христу — действительно знамение времени.

А. Битов («Пушкинский дом») рассказывает, как в Московском доме кино смотрели и обсуждали фильм Пазолини «Страсти по Матфею». Автор не сразу понял, по какому признаку зрители разделились на сторонников и противников фильма. Реакционеры — прогрессисты? Нет. Традиционалисты — новаторы? Тоже нет. И вдруг догадался: тех, кто не читал Евангелия, тех, кто Нагорную проповедь впервые услышал с экрана, — тех фильм поразил. А те, кто не от Пазолини узнал о Христе, — те позволяли себе разного рода критику.

Наверно, сегодня гораздо больше читателей «Нового мира» знают Евангелие, чем 15 лет тому назад...

И все же допускаю, что после чтения «Плахи» знающих станет больше. Хотя Айтматов — менее всего просветитель.

Чтение «Плахи» возбуждает ответную духовную энергию читателей — и сторонников и противников романа. Это видно уже по первым откликам. Вероятно, если бы этот роман принес год тому назад в редакцию не Чингиз Айтматов, а молодой, неизвестный писатель, вряд ли он был бы опубликован. Конечно, Айтматову сегодня разрешено гораздо больше, чем многим и многим.

Знамение «Плахи» многозначно. Оно и в том, что в появившихся пока откликах — не впервые ли в советской печати? — экзистенциальный и даже теологический аспекты решительно преобладают над социальными, вопреки невиданной остроте социально-критического начала книги.

Прав Л. Аннинский: мы не созрели для решения вечных, мировых проблем. (Впрочем, кто созрел?) Но многие советские литераторы давно созрели, чтобы серьезно и свободно обсуждать такие проблемы. Именно об этом свидетельствуют споры о «Плахе».

Уровень размышлений критиков, по-моему, выше тех философско-нравственных выводов, которые непосредственно возникают в повествовании Чингиза Айтматова.

Однако вызвал-то эти размышления его роман.

СТРАСТИ ПО ЗАЛЫГИНУ

Роман Сергея Залыгина «После бури», на мой взгляд, — самое значительное явление в советской литературе последних десятилетий. Роман не похож ни на какой другой ни по стилю, ни по охвату тем, каждая из которых кажется исключительно актуальной. Уже поэтому он заслуживает серьезного разговора. Автор писал его десять лет, начал публиковать в журнале «Дружба народов» в 80-м, при Брежнев, продолжил в 82-м, когда власть была фактически уже в руках Андропова, и закончил в середине 85-го, при Горбачеве. При Черненко, видимо, «добро» на публикацию не давали.

Действие романа происходит в Западной Сибири в годы НЭПа. Это интригует — ведь НЭП сегодня едва ли не самое популярное слово, параллели с ним напрашиваются на каждом шагу. А Залыгин по существу впервые досконально исследует это время и саму суть новой экономической политики. До него обстановку НЭПа чаще всего использовали лишь как антураж для комедий и детективов в стиле «ретро». Свое исследование Залыгин дополняет частыми экскурсами в историю и одновременным развитием линий с проекцией в будущее.

Но анализ НЭПа — не единственная и, пожалуй, не главная тема романа. Он многопланов и философичен.

Сюжет построен на детективной основе. Начало романа (21-й год) — начало НЭПа. Капитан колчаковской армии Петр Корнилов, воспользовавшись документами своего умершего от тифа однофамильца, бежит из лагеря военнопленных-белогвардейцев. Он упрашивает невесту покойного солдагерника признать его своим мужем. Святая, по мнению Корнилова, женщина — Евгения Владимировна Ковалевская — соглашается, тем самым давая Корнилову возможность легально существовать. Герой романа работает сначала в артели веревочников, затем неожиданно становится нэпманом, но теряет жену, а вскоре и собствен-

ность. Казалось бы — крах? Нет. Пользуясь протекцией бывшего генерала Георгия Васильевича Бондарина, в прошлом главнокомандующего войсками Уфимской Директории, сдавшегося в плен большевикам (очевидно, Залыгин имеет в виду генерала Василия Георгиевича Болдырева), Корнилов становится руководителем важнейшего отдела Сибирского филиала Госплана.

В 21 году, убегая из плена, герой романа мечтает лишь о том, чтобы выжить, продлить свое биологическое существование. Стремительный темп окружающей жизни, «энергия НЭПа», увлекает Корнилова. В 28-м он уже с большим интересом и энтузиазмом трудится ради социалистического переустройства Сибири. Даже разрыв с любимой женщиной, потеря друга-покровителя не убивают энтузиазма. Все как будто бы хорошо. Но вот кончается НЭП, спецы из «бывших» советской власти больше не нужны — появились свои специалисты. Как раз в это же время ОГПУ выясняет, что Корнилов не тот, за кого себя выдает. Герой уезжает в глухое село и в год «Великого перелома» кончает жизнь самоубийством. Впрочем, в конце романа мы узнаем, что Корнилов не умер тогда, в 29-м, а благополучно дожив чуть ли не до ста лет, пишет в 84 году прощальное письмо автору — Сергею Залыгину.

Сюжет мог бы быть динамичным — в небольшой повести. Но растянутый на много сотен страниц роман читается с трудом. Бесконечные отклонения от основной линии, реминисценции, исторические и литературные параллели, философские споры. Сюжет даже не всегда прослеживается — роман состоит из отдельных частей, каждая из которых совершенно самостоятельна. Объединено все это лишь «проходным» героем, да еще единством места и времени: Сибирь, НЭП. Залыгина как бы и не волнует мнение читателя — во всяком случае он никак не пытается увлечь его интересным сюжетным ходом, не облегчает ему трудное чтение.

Говорят, что Залыгин не похож ни на кого из классиков или современников. У него, мол, нет учителей. Может быть потому, что их у него слишком много.

Причудливые фантазмагии, существование героя одновременно в двух лицах (Петр Васильевич-Николаевич), воскрешение образов людей давно умерших — все это вызывает ассоциации с Гоголем и Гарсия Маркесом. Как Платонов, Залыгин симпатизирует умельцу, мастеру, энтузиасту, получившему возможность участвовать в преобразовании мира. Как Толстой, он боится успехов цивилизации.

С Солженицыным Залыгин чаще всего спорит. Рассказ о покончившем с собой полковнике — из тех, что пришли в русскую армию после поражения в японской войне, хотели и не успели навести в стране и армии порядок, — заставляет вспомнить героя солженицынского «Августа Четырнадцатого» Воротынцева (только интонация иная). А переживания молодого Корнилова, тогда пацифиста, натурфилософа, неожиданно решившего отправиться добровольцем на русско-германскую войну, напоминают переживания другого героя «Августа...» — Сани Лаженицына. Переключка с Солженицыным ощущается постоянно. Исходные позиции у двух больших русских писателей во многом общие, но отношение к историческим перспективам — различное. Солженицын еще в 73-м году заметил, что испытывает к Залыгину «чуждость, из-за разного понимания путей».

По-чеховски Залыгин полифоничен. Но если у Чехова авторский голос часто совсем не слышен — только голоса героев, то у Залыгина совершенно самостоятельные позиции героев романа представлены одновременно с позицией самого автора. Как у Достоевского.

Достоевский — вот с кем теснее всего связан Залыгин. И дело не только в том, что Федор Михайлович Достоевский выступает, по сути, в качестве действующего лица в романе, направляя и оценивая откуда-то извне поступки одного из героев романа Залыгина — Ивана Ипполитовича, бурового мастера и автора сокровенной «Книги ужасов», и не в том, что многие линии романов Достоевского как бы получают новое развитие у Залыгина. Важно другое. Основная тема у Достоевского и у Залыгина — одна и та же. Одни и те же вопросы ставят перед собой писатели, но отвечают на них по-разному.

Самый общий вопрос — чем оправданы бесчисленные трагедии мира, чем оправдано наше существование в

конечном мире? Иначе говоря — на что опираться нам в нашей жизни?

Достоевский знает ответ. Его христианское сознание не ограничивает жизнь временем нашего пребывания на земле. Конечный материальный мир пронизан бесконечной духовностью. И потому смерть оправдана будущим Воскресением, а наша нравственность должна быть ориентирована на пример Богочеловека. Достоевский то и дело сомневается, иногда впадает в богоборчество, вместе с Алешой Карамазовым готов отрицать всеобщую гармонию, если в основе ее слезинка невинно замученного ребенка. Но он верит: наша опора в Боге. Если его нет — вся история человечества не имеет ни малейшего смысла, если Бога нет — все позволено.

Хотя Залыгин и утверждает, что самый важный для него вопрос: «откуда человек пришел, куда уйдет... и для чего живет?», ответы его прямо не связаны с идеей Божественного происхождения мира. Т. е. Бога Залыгин вовсе не отрицает. Более того, в детстве герой романа Корнилов пытается постичь Бога через соборное знание или, иными словами, «общественную мысль», но это ему не удается. Потому что ищет Бога юный Корнилов в соборной мысли, а не в индивидуальном или соборном *религиозном опыте*. И свою неудачу в поиске абсолютизирует:

«...он заметил, что богов существует множество, что все они спорят друг с другом... И нет спорам числа и конца, в то время как бог должен ведь быть бесспорен. В бесспорности и должна состоять его суть. Если суть спорна, что она такое? Спорной сути сколько угодно...»

Не замечает натурфилософ Корнилов, а вместе с ним и Залыгин, что допущена здесь элементарная логическая ошибка. Религиозные споры возникают из-за неспособности человеческого рассудка познать Истину, а вовсе не из-за спорности самой Истины. Совершив ошибку в самом начале, Корнилов-Залыгин развивает далее ложную линию:

«... единственное — вот что имеет бесспорное право на существование... Что нельзя подвергнуть сомнению, что есть Единственное, бесспорное, без чего нельзя обойтись ни дня? Ну, конечно, Природа! Только ее нельзя исключить из своего сознания, все остальное можно. Ну, а Природа откуда? Кем создана? Чьим Разумом? Корнилов отвечал на вопрос

вопросом: а откуда это известно, что Разум создал Природу? А если, наоборот, сначала была данность, была Природа, а из нее возник Разум!?»

Атеизм? Нет, скорее агностицизм. Герой (и автор?) допускает существование надприродной силы:

«Если же когда-нибудь разум выйдет из пределов Природы в Надприроду, пусть его, на здоровье.... пусть бог эволюционирует...»

Здесь, в этой жизни, Бог не нужен. Так думает Корнилов, так, по-видимому, полагает и Залыгин. Типично позитивистская философия.

Но оказывается, что прав Достоевский, и в безбожном мире позволено абсолютно все. Чтобы выжить физически, Корнилов заставляет страдать и губит свою жену — «святую женщину», обманывает и по сути предаёт генерала Бондарина, своего покровителя. Не то, чтобы Корнилов совсем не знал жалости и был холоден сердцем, — он бросается, к примеру, спасти пьяную Дуську и едва не погибает в драке. Но ему незнакома очищающая сила любви, он неспособен любить человека «за муки и состраданье к ним». Инстинкт выживания — вот самый мощный стимул в мире природном. И держится этот инстинкт на чувстве страха.

Страх. Иван Ипполитович, ведя бесконечный спор с Достоевским, пишет «Книгу ужасов»:

«Не было еще такой книги, которую я веду и записываю. Не было той, без которой ничего не может быть! Ни мысли, ни любви, ни чувства истинного — ничего! Она подлинный крест всечеловеческий, эта ведомая мною книга и единственное человеческое спасение! Не поверим ей — нечему уже будет верить! ...И когда я не сотворю ту книгу во всех трех ее ипостасях — ужас насилия, ужас бессилия, ужас блудного слова, — то кто-то должен пойти по следу моему и совершить!»

Корнилову нечего противопоставить «Книге ужасов». И в конце-концов *он* оказывается ее владельцем и хранителем.

Жить только с опорой на страх невероятно трудно. Корнилов неспособен избавиться от своего двойника и вынужден брать на себя его грехи. Он неспособен даже

умереть. Единственная возможность выжить — всего себя отдать творчеству. Творчеству ради самого процесса творчества. Так позитивизм сменяется экзистенциализмом, наподобие сартровского.

Чтобы иметь право на творческий труд в условиях новой советской действительности, нужно было признать эту действительность как должное и отказаться от своего прошлого. Но это еще полбеды. Пока продолжается НЭП «бывший» Корнилов может найти место по себе. Время интересное, экспериментальное, конкуренция различных форм хозяйствования, различных стилей жизни. Но конкуренция под контролем советского государства. И это обстоятельство оказывается решающим. На смену новой экономической политике приходят сталинские пятилетки. План любой ценой. Сейчас. Не заглядывая в будущее. Преобразование Сибири, страны, мира становится угрожающим для судеб миллионов людей и для Природы, с большой буквы, — Залыгинского божества. Сегодня Залыгин понимает, что необходимо сопротивляться и, видя возможности для сопротивления, борется за спасение севера Сибири, против поворота русла рек. Тогда Корнилову было не до сопротивления. Страх заставлял его участвовать в преобразовании-истреблении.

Бесконечность прогресса — религия позитивистов. Залыгин начинает сомневаться в ее ценности. Явно с симпатией пишет он об утопичной программе «Культурной эволюции человечества». Один из приверженцев ее укоряет Корнилова:

«...техническая мысль не стареет, и потому она и не мысль вовсе, а всего лишь средство к материальному производству... Ну, а машины они же плодовые, как свиньи, вот они и производят свинскую, дикую и варварскую цивилизацию... Мы заняты производительностью машинного труда, а лишь только хоть что-то является нам из мысли истинной о самих себе и своем спасении, мы называем это утопией...»

А автор программы «Культурной эволюции» добавляет, узнав, что вместо этой программы будет обсуждаться вопрос о производстве сахарной свеклы:

«Тогда для чего социализм..., неужели для развития сахарной промышленности? Зачем огород городить, ежели в

том огороде вызреет не спасительный плод, а только одна сахарная свекла, ну и еще разные там паллиативные растения и лекарства для безнадежно больных?»

Крамольная мысль — ведь марксизм отводит материальному производству определяющую роль.

Тогда, в 28-м, Корнилов отвергает принесенный ему на рассмотрение проект «культурной эволюции». И не столько потому, что тот утопичен, сколько желая угодить тем, кто, не оглядываясь, спешит вперед. «Биологические вспышки потребности в жизни» заставляют «бывших» — Корнилова и Бондарина — называть белое черным и наоборот. Ленина, вождя революции, которая должна победить во всем мире, объявляют миротворцем, готовым на честный, а значит прочный мир с белыми. Послереволюционных эмигрантов, тяжелым трудом добывающих себе кусок хлеба в чужом для них мире, называют «шавками приبلудными», способными за деньги служить кому угодно. Наши герои доходят до того, что признают правоту откровенного негодяя, доносчика и демагога Сени Сурикова — активиста всевозможных чисток. Очень силен инстинкт выживания у Бондарина и Корнилова, но и он не спасает. Они больше не нужны. Идет год «Великого перелома». Уже нет времени думать, некогда размышлять все завертелось в бешеном темпе. «Газеты читайте! Радио слушайте! Плакаты внимательно рассматривайте!»

Залыгин резко меняет стиль изложения. Глава о годе 29-м — вся и состоит из этих плакатов, газетных и радиосообщений, выдержек из выступлений, речей, резолюций:

«Индустриализация — основа обороны. Ни шагу назад от взятого темпа индустриализации!... Красочный карнавал московских безбожников... Чистка совпарарата на Северном Кавказе. Вычищено 3000 человек... Правый уклон — самый опасный враг партии...»

Новая жизнь. В ней нет места специалистам из «бывших». Сначала исчезает Бондарин, затем бежит в глухомань, чтобы там умереть, Корнилов.

Но он не умер. Залыгин рассказывает:

«Ранее я хотел прийти к такому финалу, когда главный герой где-то затерялся среди нас, не то утопился в реке Тобол.

не то нет — никто не знает... Но потом подумал: нет, так кончать роман нельзя! Я должен к чему-то прийти в результате всех пертурбаций, которые имели место в жизни героя, к чему-то более определенному. И тут само собой на первое место вышла тема ...про конец света... Для меня в финале важна вот еще какая мысль... раньше мы решали два уравнения — что такое хорошо и что такое плохо? И мы все время, вся мировая литература и эстетика занимались этим вопросом. Но теперь появилось третье уравнение: что такое ничего? Вот мы перед какой реальностью встали.»

Что ж, реальность действительно заставляет задуматься над вопросом: а будет ли у человечества будущее? Но почему Залыгин оставляет в живых своего героя лишь для того, чтобы в 1984 г. обвинить американского президента в подготовке новой мировой войны и заявить:

«Ну, а прибыль в 2000 процентов? Ничего удивительного, если она все человечество загонит на эшафот. Ничего удивительного, что 2000 процентов прибыли называются „борьбой за права человека“»?

Вот те на! Оказывается, это борьба за права человека угрожает превратить мир в ничто. Не Афганистан, не Чернобыль, не хищническое истребление природы по планам «Великих преобразований», не отсутствие общественного контроля за деятельностью тоталитарного государства, наконец, а борьба за права человека!? И это слова вовсе не Корнилова — тому с его страхами, с его инстинктом выживания и в сто лет боязно умирать самому, и он охотно бы прихватил с собою в небытие весь земной шар. Нет, это говорит не герой романа — это авторский голос Сергея Залыгина. Увы.

СТАРЫЙ СПОР С ПРОЕКЦИЕЙ В НАШИ ДНИ

В мартовском номере журнала «Кни́в» опубликована статья Ивана Дзюбы «Пророче слово» («Пророческое слово»). Того самого Дзюбы, что был одним из лидеров движения «шестидесятников» на Украине и автором книги «Интернационализм или русификация» об империалистической политике Москвы по отношению к украинскому народу.

Эта же тема явственно звучит и в статье Дзюбы «Пророческое слово», только автор здесь осуждает империализм не коммунистической Москвы, а самодержавного Петербурга, причем не столько его реальные проявления, сколько идеологическую базу Третьего Рима. Обращение к прошлому, думаю, мотивировано тем, что Дзюба не рискует еще открыто говорить о проблемах сегодняшнего дня (у него есть личный печальный опыт общения с КГБ), и тем, что там, в этом прошлом, видит он истоки нынешних межнациональных проблем.

Конкретно, речь в статье идет об идейной коллизии между великим украинским поэтом Тарасом Шевченко и его современником, русским религиозным философом и поэтом Алексеем Хомяковым.

Почему именно Шевченко и Хомяков? Были современниками, были лично знакомы, но главное, видимо: без Шевченко невозможно представить украинскую культуру, Хомяков же — первый из славянофилов. Мне кажется, что идейный конфликт был бы более выраженным, если бы Шевченко противопоставлялся не Хомяков, а, скажем, Леонтьев или кто-то еще из более поздних проповедников русского мессианства.

Хомяков — прежде всего, христианский философ. Искренне религиозным был и Тарас Шевченко. Вера, несомненно, объединяла двух поэтов, и Дзюба, будь он свободен, не мог бы этого не отметить. Существенно же то, что у обоих в сознании христианские ценности слишком уж тесно переплетались с ценностями иного порядка, в частности с национальными. Так же, как у Хомякова, у Шевченко национальный мотив часто оттесняет религиозный, евангельский — ведь Евангелие не знает различия между эллином и иудеем. Великий украинский поэт, например, писал:

«Я так її, я так люблю
Мою Україну убогу,
Що проклену святого Бога,
За неї душу погублю!»

Конечно, эмоциональная напряженность этих строк — всего лишь свидетельство душевной драмы поэта, глубоко

переживающего беды своего порабощенного народа. Это скорее не предпочтение национальных ценностей христианским, а демонстрация личной готовности идти на жертву, большую, чем сама жизнь, — на риск оказаться богоотверженным, ради любви к ближним.

Национальный момент, повторю, — очень важная часть мировоззрения и Шевченко, и Хомякова, и в нем-то — причина идейного конфликта. Это точно подметил Иван Дзюба.

Шевченко готов быть проклятым Богом ради Украины «убогой». Хомяков же служит России *самой* светлой, *самой* сильной, *самой* богоизбранной. «Такую Украину, — пишет Дзюба, — Шевченко, может, не так же, а иначе любил. Шевченко хотел только справедливости, Хомяков — превосходства в мире. Здесь вообще межа между любовью к народу и самовозвеличиванием в народе, между патриотизмом и великодержавными или богоносительскими претензиями, для которых народ является лишь средством, а не целью.»

Это основная мысль статьи, и Дзюба иллюстрирует ее многими примерами.

Для Хомякова, Россия, русский народ избранны Богом для великой миссии — нести в мир Истину. Если надо, вопреки евангельским заветам, при помощи меча.

«Россия вооружается, — писал Хомяков накануне Крымской войны, — это тихое движение человека, ... который потому только берется за оружие, что счел бы себя виновным, если бы не вооружился. Этот человек — народ и, да позволено мне будет сказать, это великий народ. Русский народ вовсе не помышляет о завоеваниях: в завоеваниях не было для него никогда ничего соблазнительного. Русский народ вовсе не помышляет о славе: этим чувством никогда не загоралось его сердце. Он помышляет о своем долге, он помышляет о священной войне.»

Война, быть может, и священная, да только и о Карсе, Эрзеруме, Босфоре и Дарданеллах никогда не забывали правители России. А русский народ здесь был ни при чем. От имени украинских, да и русских крестьян говорил тогда Тарас Шевченко:

«Мій Боже милий, знову лихо!..
...Ізнову потекла
Мужицька кров! Кати вінчані,
Мов пси голодні за маслак,
Гризуться знову.»

Хомяков счастлив, что России удалось, наконец, покорить кавказские народы. Шевченко протестует против этого завоевания поэмой «Кавказ». Горькой иронией звучат слова:

«Ми християне, храми, школи,
Усе добро, сам Бог у нас!
Нам тільки сакля очі коле:
Чого вона стоїть у вас,
Не нами дана...»

Украинский поэт как бы развивает мысль Хомякова об особой роли России, но строки его стихов полны сарказма:

«Ми настоящі християне,
Ми малим ситі!.. А зате!
Якби ви з нами подружили,
Багато б дечому навчились!..
Одна Сибір неісходима,
А тюрм! а люду!.. Що й лічить!
Од молдованина до фінна
На всіх язиках все мовчить,
Бо благоденствує!..»

Напрасно Дзюба утверждает, что сегодня тема заочного спора Хомякова и Шевченко «представляет только историко-литературный интерес».

Вскоре после того, как он опубликовал свою статью, в Пицунде состоялся семинар драматургов из различных республик, где, кстати, был и друг Дзюбы Иван Драч. На этом семинаре обсуждалась пьеса молодого драматурга Ш. Казиева «Пленник» — о Шамиле, о его пребывании в ссылке, в Калуге. Пьеса эта удостоилась благосклонного внимания критиков прежде всего потому, что автор восторгается тем, как Шамиль (цитирую журнал «Театральная жизнь»), «нашел в себе силы для дальновидного политического решения. Он подписал присягу на верность

императору Александру, чем прекратил все не угасавшее сопротивление в горах и официально подтвердил вхождение Дагестана в состав империи.» Осознал Шамиль — с помощью жандармского штабс-капитана, между прочим, — что ошибся, когда начал в горах борьбу «за свою свободу... за призрачное царство справедливости на восточный лад, будто не было иного мира, кроме скудных теснин горного Кавказа.»

Хотя пьеса о прошлом, тема ее более чем актуальна в наши дни. Ведь сегодня горцы-мусульмане сражаются за свою свободу, за справедливость «на восточный лад» против «великого» северного оккупанта. В Афганистане. Это их призывает Казиев славиться на милость победителя. Потому что, как писал в свое время Хомяков, «нет надобности загадывать, кому именно будет принадлежать торжество истинное. Оно уже безвозвратно укреплено за Россию. Уже и в том торжество, что она подняла оружие за... святое дело, страждущее человечество, за христиан, угнетенных кораном, за непорочность дев, за целомудренность жен, за жизнь мужей, за свободу богослужения, за успехи разума. Эта слава укреплена за нами, и никто от нас отнять ее не в силах.»

Это высказывание Хомякова, после совсем небольшой коррекции, вполне годится для оправдания «священной миссии» советских воинов в Афганистане.

Местами критика идеологии Хомякова у Дзюбы не оправдана. Хомяков не был врагом всего европейского — «священные камни Европы» были ему дороги, не всегда и не во всем признает он правоту российских самодержцев. Дзюба как бы забывает, что главное у Хомякова — его учение о христианской соборности, противостоящей и коллективизму, подавляющему личность, и эгоистическому индивидуализму.

Бесспорно, однако, что Ивану Дзюбе удалось увидеть основное различие в отношении к родине Шевченко и Хомякова. У Кобзаря Украины — это каритативная любовь к народу, людям, любовь-сострадание. У Хомякова — преклонение перед нацией, предназначение которой, по его мнению, — осчастливить мир. Подобное преклонение унижает и человека, и нацию. Оно может быть опасным, если

признает, что национальная держава, выполняя свою «великую миссию», имеет право на любые средства, будь-то меч, танк или всегда готовый выполнить свой интернациональный долг «ограниченный контингент вооруженных сил».

СОСТРАДАНИЕ

(о пьесах Людмилы Петрушевской)

Грустно наблюдать, как научились у нас в стране, играя в гласность, говорить одно, а иметь в виду нечто совершенно противоположное. Секретарь ЦК Лигачев потребовал недавно от театральных художников изображения «полной — он подчеркнул „полной“ — правды». А вот критик Игорь Дедков годом раньше откровенно издевался в «Литературной газете» над драматургами и режиссерами, что «прокручивают всю правду жизни не пропуская ни словечка», над теми, кто утверждает: «Нужна наконец новая, откровенная правда о новом, современном человеке, его новых мыслях, новой морали и новых страстях.»

Первое, что приходит в голову, — ошибся Игорь Дедков, не почувствовал нового направления партийной линии, и партия в лице товарища Лигачева поправила его и ему подобных. Но нет — так только кажется. Ни Лигачеву, ни Дедкову не нужна *вся* правда — они ее боятся. Один требует от писателей и художников «веры в силу партии и советского народа», другой — верности традициям «народолюбия» «великой и святой» русской литературы. И «государственник» и «почвенник» едины в своем неприятии «мелкотемья» «идейно-творческой неразборчивости» художников, выносящих на театральную сцену «житейский сор» (выражение Дедкова), изображающих «узкий мирок, как бы подсмотренный в замочную скважину» (слова Лигачева, которые повторила потом в редакционной статье газета «Правда»). Лигачев и Дедков имеют при этом в виду драматургов новой — или, как ее еще называют, поствампировской — волны. Наиболее ярко представляет ее (по общему, пожалуй, мнению) Людмила Петрушевская. Оба, и партийный деятель и критик, демонстрируют свою

очевидную неспособность понять суть явления, о котором пишут.

Лигачева не стоит слишком уж укорять — в конце концов у партийного чиновника есть дела и помимо театра. Спасибо еще, что не направил свой указующий перст на конкретного человека, не закричал, как Жданов когда-то: «Ату его!» А вот литературному критику Игорю Дедкову его «почвенничество» не должно было бы помешать разглядеть большой талант Людмилы Петрушевской. И ее приверженность лучшим традициям русской литературы, в основе которых — боль за «униженных и оскорбленных».

Напрасно Дедков отказывает Петрушевской в связях с традициями русской литературы на том основании, что литература эта якобы была «надбытовым явлением, истинно высоким словом, высокой мыслью, „божественным глаголом”», а в пьесе Петрушевской «Три девушки в голубом» «натуральное... косноязычное словоговорение... заполняет весь воздух жизни: дышать нечем!»

Разве не косноязычно изъясняются едва ли не все герои «Мертвых душ» и разве не лезут там со всех страниц рожки такие гадкие, что и не продохнуть? Неправда, что не доходили у русских писателей руки «до живописания человека в его полном натуральном виде, с его натуральными потребностями, чтоб без прикрас и без пропусков...», что «у них маловато сведений насчет „пуговок” и прочей волнующей галантереи.» Есть все это и у Толстого, и у Гоголя, и у Лескова. А «Записки из подполья» Достоевского — куда уж откровеннее!

Нет, не склонна была русская литература воспевать «божественным глаголом» идеальный образ идеального народа, как хотелось бы того Игорю Дедкову. И первый из «почвенников» Федор Михайлович Достоевский писал не о любимом своем идеальном мужике Марее, которого он не знал, а о тех, кто жил рядом с ним — в переулках Петербурга или в провинциальных российских городках. И лучшие образы его романов — не придуманные князь Мышкин и Алеша Карамазов, а раскольниковы, мармеладовы, свидригайловы и кирилловы.

Русская литературная школа, что пошла от Гоголя, не случайно названа «натуральной». Об Акакии Акакиевиче мы знаем буквально всё — что изъяснялся он большей частью предложениями, наречиями и не имеющими никакого смысла частицами, что жалованья получал в департаменте 400 рублей в год, что целыми днями переписывал он там какие-то бумаги, что нажил геморрой, мерз зимой в своей ветхой шинелишке, что экономил на чае и свечах, чтобы купить шинель новую. Собственно говоря, трагедия титулярного советника Башмачкина — самая, что ни есть, бытовая. А мы, читая гоголевскую «Шинель», извлекаем из нее нравственный урок.

Сейчас, как говорят, Петрушевская работает над экранизацией «Шинели». Выбор темы, уверен, не случаен. Гоголь должен быть Петрушевской очень близок. И тематически, и своим натурализмом, неожиданно переходящим в абстракцию, в сюрреализм, и своей социальностью. И болью «за малых сих».

Знакомясь с героями Петрушевской, мы сразу же узнаем, кто они — где работают, с кем в родстве, с кем соседствуют, в каких условиях живут и сколько зарабатывают. Иногда об этом говорится прямо, часто мы можем догадаться об их социальном статусе по своеобразной лексике действующих лиц.

Точность языка героев у Петрушевской просто удивительна. Речь их исключительно типична для определенного времени, места, социальной среды. Все они легко узнаваемы: девушка-маляр произносит те же слова, что и тысячи ее сверстниц из рабочих общежитий, сотрудник НИИ говорит так же, как любой из наших знакомых эмэнэсов (младших научных сотрудников). Язык всех исковеркан — специалист по редким языкам, например, грамматически неправильно строит самые простые фразы по-русски. Чуть ли ни каждый использует в разговоре подаренные телевидением штампы.

Могут сказать: не удивительно — язык людей в стране с жестко регламентируемой сверху жизнью теряет свою персональность и отражает прежде всего общественную среду, в которой человек работает и живет. Верно, но как снайперски все подмечено Петрушевской — не единая

социальная среда, а множество различных сред, страт, групп и группок. И у каждой своя лексика, свой колорит! Даже лучшим из драматургов передать его удастся нечасто.

Но и это не главное. Язык действующих лиц в пьесах Петрушевской одновременно типичен и индивидуален. Хотя и пользуются герои словарем своей социальной группы, речь каждого из них неповторима. Лексика, казалось бы, стандартна, но синтаксический строй, пластика языка зависят от характера героя, от ситуации, в которой он сейчас находится, от его сиюминутного настроения.

— «Накорми человека, а потом и спрашивай с него. Работу и доброе слово.» Старая мудрость. У нас в стране и сейчас народ не накормлен и не устроен. Все знают об этом, в жизни сталкиваются с человеческой неустроенностью на каждом шагу, а вот со сцены показать ее не разрешают. Где-то красшком «об отдельных недостатках» можно, а откровенно об общей неустроенности -- нельзя. Зачем? Это же не жизнь, а только «житейский сор». А Петрушевская -- все об этом. Потому ее пьесы с таким большим трудом и пробивают дорогу к сцене. Вот о чем так часто говорят ее персонажи:

Я с пенсии бабка... Полсотни пенсия, да страховка, да газ, да электричество... И все про все пенсия полста рублей.

Ты сколько же денег получаешь? Сто двадцать рублей... Что есть сто двадцать четыре рубля в наше время?!

Слушай... я на тебя на алименты подам.

Снохватилась! Ты знаешь, что тебе выпадает?

А? Двадцать три рубля с копейками! И это в месяц!

Вы меня в свой туалет не пускаете... А у Федоровны нет ничего. Она говорит: ходи в курятник. А там такой петух...

И так далее.

Бедность, неустроенность уродуют. «Три девушки в голубом» ведут между собой бесконечную войну за доставшийся им в наследство старый дом с прохудившейся

крышей. Добрая в сущности Граня, желая приютить у себя любовника-пьяницу, которому больше и деваться-то некуда, соглашается, чтобы из семьи навсегда ушла дочь. Уставшая от постоянных невзгод Ирина «крутит роман» с богатым и влиятельным совчиновником, а тот в благодарность строит у нее во дворе сортир — больше не придется Ирине бегать по нужде в курятник.

Не умеющие справляться с бесконечными бедами, вынужденные всегда и от всех защищаться, люди раздражительны, ни во что не верят, никому не доверяют, никого, кроме себя и своих, не любят. Это еще не ненависть, но стойкая антипатия к «чужим». Грубый и примитивный эгоизм. Он становится законом жизни, побудительным мотивом тогда, когда защищать себя вовсе и нет необходимости.

Любовник Ирины Николай Иванович спрашивает у нее о своем подарке — сортире:

— Как тебе новый туалет? Подошло? Апробировала уже?

— Ну, все просто обалдели.

— Я специально замок туда велел врезать... Ключ не давай никому.

— А мы вообще не запираем.

— А вот это зря... Нет, ты в вопросе замка займи принципиальную, я считаю, позицию! Жалко ведь! Они тебя не пускали... Запомни, это мой подарок персонально для тебя!

Закон джунглей в современном советском городе. Козловы из «Уроков музыки» обманно выставляют за порог дома Надю, которая ожидает ребенка от их сына — та пытается покончить с собой. А только что вернувшийся из армии сынок и не волнуется — он уже не хуже родителей понял закон жизни. Пьеса завершается сюрреалистическими видениями. Козловы только что выгнали новую невесту сына — Нину, но она неожиданно появляется вновь, «медленно и печально» покачиваясь над сценой с ребенком на руках. Входит Надя:

— Я к вам пришла жить. Он у меня родился без головы, его не прокормишь.

Козлова: Потому что ты травилась.

Надя медленно и печально возносится на таких же качелях, что и Нина.

Козлова: Не обращайтесь на них. Если на них не обращать, они отстанут.

(Оживленно.) Хоккей скоро кончится?

Но качели не исчезают. Они снижаются. И вот уже мамаша и папаша Козловы ползают на четвереньках среди беспорядочно мечущихся качелей. А сынок «застывает почти в горизонтальном положении, задрав ноги кверху, чтобы отталкивать налетающие качели». (Занавес).

Все черным-черно? Нет. Марк Захаров, поставивший на театральной сцене «Трех девушек в голубом» имел полное право утверждать:

«Л. Петрушевская умеет через, казалось бы, хаотичное течение малоприятных событий приблизиться к душевным истокам своих героинь, умеет разглядеть в их глазах не только... духовное свечение... но и сам процесс его возникновения, развития и утверждения.»

(«Правда», 10 марта 1985 г.)

Хотя в пьесах Петрушевской тематика преимущественно социально-бытовая, проблемы поднимает она прежде всего этические. Большинство героев и героинь страдает не столько из-за бытовой неустроенности, сколько из-за чувства своей Богооставленности.

Почти все они сироты. Юра из пьесы «Лестничная клетка», Надя и Иванов из «Уроков музыки» — детдомовцы. У Нины в «Уроках...» нет отца, Татьяна в «Трех девушках...» своих родных почти не помнит, нет отца у детей Светланы и Ирины. От своего ребенка отказывается Николай Козлов.

Может быть — беда в безотцовщине, и Богооставленность здесь ни при чем? Но и в тех семьях, что сохранились, нет любви. Ирина жалуется «Меня моя мама ненавидит. Не любит.» Галя рассказывает на «лестничной клетке»: «У меня нет родных. Отец женился... на моей подруге... Мама руки на себя накладывала.» О семействе Козловых мы уже знаем.

Из-за отсутствия любви — безотцовщина в безвоенное время. Нет любви — вот и Богооставленность.

Иван Карамазов Достоевского из-за слезинки «хотя бы одного только замученного ребенка» Мира Божьего не принимает. И он же сам признает, что «если нет Бога и бессмертия души, то не может быть и любви к человечеству», и что «злосейство не только должно быть дозволено, но даже признано самым необходимым и самым умным выходом из положения всякого безбожника!»

Диалоги из «Трех женщин в голубом» Петрушевской:

- Я за слезинку ребенка... не знаю, что сделаю.
- Я всех ради него (Антоши) задую!
- Я тоже всех передую ради Павлика.
- Я вашего Павлика доведу вплоть до колонии!...
- Павел, ты ножом, и тебя в ножи возьмут!

И вывод: «Господи, если отца нет, значит всем можно все.»

Страшен был бы этот вывод, если бы он был столь же категоричен, как у Ивана Карамазова. Но в самом обращении к Господу — надежда, вера какая-то глубинная, что все-таки все не так, что есть другой закон — более важный, чем закон вседозволенности.

Те, кто способен чувствовать свою Богооставленность, еще не потеряны. Они грубее, резче, надрывней, потому что нуждаются в любви и хотят любить. Ирина спрашивает Татьяну:

«Танечка, как жить, когда совершенно одна на свете. Никто, никому не нужна... Я одна.»

Она готова полюбить мерзавца Николая Ивановича — не за подаренный сортир, конечно, а за доброе, как ей кажется, к ней отношение. Она безропотно пускает на свою половину многочисленных родственников, с которыми только что ссорилась, когда их часть дома заливают дождем.

Хуже, если с Богом нет совсем никаких отношений. Николай Иванович, семейство Козловых, удачливый, потому что бессовестный, Андрей из рассказа Петрушевской «Смотровая площадка», желающий присвоить себе все, что только возможно — всю Москву бы поглотил, если бы получилось.

У тех, кто чувствует себя сегодня покинутым, остается надежда. Возможно, поможет им любовь к детям — не та любовь, чтобы «глотку перегрызать», а та, что основана на

полной самоотдаче. Лишь после того, как, настрадавшись, Ирина смогла добраться до оставленного в Москве больного ребенка, она научилась смеяться.

И кажется, что все-таки будут у героинь Петрушевской семья, дом, а в доме — любовь, традиции, честь. И не удержаться тогда николаям ивановичам, андреям, козловым и прочей нечисти.

Хочет в это верить честный и очень добрый человек, талантливый художник Людмила Петрушевская, но одолеваяют ее сомнения:

«Однако шуткой-смехом, шуткой-смехом, как говорит одна незамужняя библиотечка, шуткой-смехом, а все-таки болит сердце, все ноет оно, все хочет отмщения. За что спрашивается, ведь трава растет и жизнь неистребима вроде бы. Но истребима, истребима, вот в чем дело...»

В ЭМИГРАЦИИ

Лев Копелев

КОМУ ЭТО НУЖНО?

О С. Хмельницком я впервые услышал весной 1964 г. в Институте истории искусств, где я тогда работал. Он защищал диссертацию, и во время обсуждения выступил человек, рассказавший, как Хмельницкий в послевоенные годы был стукачом-провокатором, т.е. затевал с друзьями разговоры, о которых потом доносил, «куда следует». Двое из его ближайших в то время друзей — Брегель и Кабо — были арестованы, осуждены на долгие лагерные сроки и освободились после смерти Сталина. В правдивости этого рассказа я убедился, т.к. был знаком с родственниками В. Кабо, они хорошо знали Хмельницкого и все обстоятельства дела.

Во второй раз я услышал о нем во время процесса Синявского и Даниэля, он выступал там как один из свидетелей обвинения.

Узнав недавно, что Хмельницкий живет в Западном Берлине, я удивился: он не участвовал ни в «диссидентском», ни в «отказническом» движении... Видимо, просто выпустили без околичностей, как уже бесполезного «сгоревшего» стукача.

Всё это вспомнилось, когда я прочитал его послание «Из чрева китова». Сперва просто брезгливо выбросил в мусор: пакость, визг обиженной моськи.

Но пасквиль продолжает распространяться. Поэтому необходимо напомнить о фактах, которых молодые, может быть, и не знают, а кто постарше — забыли или стараются забывать.

Андрея Донатовича Синявского я знаю почти 30 лет: встречал его в Москве очень редко, но его статьи в «Новом

мире», его предисловие к одному томику Бориса Пастернака, книга о Пикассо, написанная им вместе с Игорем Голомштоком, были радостными встречами с талантом — ярким и щедрым талантом словесника, искусствоведа, философа.

10 февраля 1966 г. — день смерти Пушкина и день рождения Пастернака — был первым днем суда «по делу» Синявского и Даниэля. То ли так случайно вышло, то ли придумал сам председатель суда Л. Н. Смирнов — отпрыск интеллигентной семьи, выпускник известной Петербургской Тенишевской гимназии. Этот суд стал знаменательной вехой в истории русской литературы и общественной жизни. В отличие от того, к чему привыкли в сталинские времена, обвиняемые на политическом процессе не каялись, не просили снисхождения, отстаивали свое право на свободу мысли и творчества. Их еще до суда яростно проклинали в газетах и по радио, называли отщепенцами, преступниками, изменниками Родины, но они со спокойным достоинством мужественно противостояли прокурору, судьям, «общественным обвинителям», нескольким послушным свидетелям (среди которых был и нынешний «чревоушитель»). Записи их речей распространялись в самиздате, вызывая восхищение, гордость, надежды. И в последующие годы известия о том, как они держатся в лагере, укрепляли эти новые надежды: значит, жив дух настоящей русской интеллигенции, значит, возможно такое неколебимое духовное сопротивление произволу и казенной лжи.

Дело Синявского-Даниэля оказало решающее воздействие на сознание многих людей, прежде всего тех, кто стал участником правозащитного движения. Их судьба повлияла на многие судьбы, в том числе и на мою.

С 1973 года — уже тринадцать лет — А. Д. Синявский живет в Париже; он читает лекции о русской литературе в Сорбонне, где является профессором, и в других, не только академических, аудиториях во Франции, в ФРГ, в США, в Швейцарии, в Италии. За эти годы он издал несколько книг, их переводили и переводят на многие языки. Иногда они вызывают бурную полемику: и резкие критические и восторженные отзывы; Синявский опубликовал очень много статей, рецензий, интервью... Вся его деятельность, так

сказать, на виду. На его долю достается и здесь на Западе немало жестоких ударов, главным образом — если не только — от соотечественников. Те нападки на него, которые мне известны, были столь же неистовы, сколь и несправедливы.

Разумеется, его произведения, его взгляды вызывают самые разные и нередко прямо противоположные мысли, чувства, оценки. Это естественно: ведь, пожалуй, со времен В. Розанова не было в русской литературе более дерзко вызывающего, фантастически противоречивого, безоглядно озорного писателя, чем Абрам Терц. Однако и для самого сурового, но не предвзятого и внимательного критика бесспорны его неподражаемо своеобразное дарование художника и ученого, его страстная любовь к России — порою мучительная, иступленная, но всегда безраздельно им владеющая любовь — и его самозабвенная преданность русскому Слову, не послушничество старательного школяра, а преданность мастера — пытливого, отважного словесника.

Мне довелось слушать лекции Синявского в Париже и во Франкфурте. Эти лекции и каждая его новая книга — даже в тех случаях, когда я не разделяю его суждений и оценок, — побуждали думать, исследовать, искать свои решения. Даже споры с ним всегда плодотворны. Это не только мое восприятие — я слышал, как обсуждали его книги немецкие и американские студенты и литераторы, я читал подробные, серьезные отзывы о его творчестве писателей и критиков разных стран.

Больше тридцати лет работы Синявского-Терца публикуются на русском и многих других языках. Больше двадцати лет за ним следят не только бдительные глаза советских чинов, но и многочисленные читатели на Родине, читатели и слушатели на Западе.

И сегодня уже можно с уверенностью сказать, что жизнь и творчество Синявского — это определенная глава в истории русской литературы и русской общественной мысли, глава, которая утверждает уважение к русскому слову и к духовным традициям русской интеллигенции.

Наш литературный язык в числе многих свойств обладает еще и поразительной силой воплощения личности. Автор выражает себя и в том, *что*, и в том, *как* он пишет.

Выбор слов и речений, интонации и лады, которые создаются не только словосочетаниями, но и паузами, умолчаниями, — неумолимо свидетельствуют не только о способностях, но и о нравственном облике, о душевном строе написавшего. Бывает иной повествует сентиментально многословно, беспомощно и все же явственно: он обладает доброй душой и светлым умом. А другой, напротив, — блестящий стилист, искусный мастер плетения словес, но бессилён скрыть мелкую, злую душу.

Автор «Из чрева китова» предстает способным, опытным, образованным литератором. Но самоубийственно выразительны язык и стиль его немногословных покаяний и велеречивых обличений, его трогательная жалость к себе, искреннее и глубочайшее самоуважение и неистовая, слепящая ненависть к «обвиняемому», которого он изображает коварнейшим злодеем и обычным уголовником, вором. Куда уж там судье Смирнову и фельетонистам советских газет!

В последней книге А. Терца «Спокойной ночи!» автор сам рассказывает о нелегких днях своей юности. Именно эти страницы якобы извергли из чрева китова оскорбленного экзестукача, который там описан, хотя и не назван, и не был признан никем, кроме нескольких давних знакомых. Не был бы признан, если бы не «загорелась шапка».

Кому это нужно — личные обиды, литераторскую зависть и мстительность возводить на вершины идеологической борьбы и низвергать в клоаки политических доносов?

Разумеется, свобода печати существует для всех без исключения. Нельзя ничего запрещать. Но я только печально спрашиваю, кому нужно раздувать, множить такие сенсационные публикации, которые вызывают лишь горькое недоумение у дружественных читателей и злорадство тех, кто сеет презрительное недоверие к нашей литературе и нашей эмиграции?

Кому это может быть полезным, кроме советских прилитературных и прочих идеологических чиновников?

сентябрь, 1986

БЕЗУСЛОВНЫЙ АНТИДЕМОКРАТИЗМ

«Объединение творческой силы художественной литературы и духовной мысли Восточной Европы... безусловный антитоталитаризм... безусловный демократизм... безусловная беспартийность...»

Из декларации «Континента», N I.

Прекрасные намерения организаторов журнала «Континент» объединить творческие силы и духовную мысль, противостоящие тоталитаризму, не казались поначалу пустым звуком. Насколько тесно в то время связывали самых различных людей общедемократические убеждения, хорошо видно из письма тогда еще советского писателя Владимира Максимова Генриху Беллю.

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО ГЕНРИХУ БЕЛЛЮ

Писатель в силу своего назначения на земле говорит, руководствуясь в таких случаях не спекулятивной злободневностью, а только потому, что не может молчать. Там, где царствует совесть, нет места законам целесообразности. В практическом же плане мировая общественность должна обращаться к разуму и логике власть имущих не по следам прискорбных событий, когда престижные амбиции адресата мешают ему внять призывам со стороны, а перед таковыми.

...назову лишь близких мне людей, которые, я надеюсь, не останутся на меня в обиде за непрошенное заступничество: Виктор Некрасов, Александр Галич, Лев Копелев, Георгий Владимов, Владимир Войнович, Булат Окуджава.

В заключение мне бы хотелось еще раз заверить Вас, что если Ваш голос не дошел до слуха тех, к кому Вы обращались, то духовный результат с лихвой восполнил их молчание. Слова, сказанные Вами, укрепили во многих и многих от Афин до Шанхая веру в конечное торжество правды и справедливости, а это на мой взгляд самое главное...

4.8.73.

Владимир Максимов
(Вестник РСХД, 108-110, с. 250)

А вот отрывок из обращения того же автора к тому же корреспонденту через десять с небольшим лет.

СНОВА ГЕНРИХ БЕЛЛЬ

И вся эта довольно убогая демагогия распространялась этим уважаемым нами писателем, с употреблением излюбленных им словечек, вроде «плюрализма», «демократизма», «прогрессизма» и так далее, как говорится, и тому подобное. Люди его типа, как известно, — все поголовно плюралисты, демократы и прогрессисты, но лишь до тех пор, пока ты им не противоречишь, а если попытаешься, горе тебе!..

Так что отныне немецкому писателю следовало бы быть поскромнее в своих смехотворных претензиях учить нас уму-разуму.

(Колонка редактора. «Континент» N 41, сс. 385, 387*)

Трудно поверить, что оба письма написаны одним и тем же человеком. В первом звучит уважение и любовь к людям, вера в торжество справедливости, второе — дышит ненавистью и «престижными амбициями.» На наших глазах происходит прямо противоположное объявленному в декларации: разъединение творческих сил на основе узкой партийности и антидемократизма.

Еще 8 лет назад в приветствии по случаю трехлетнего юбилея «Континента» А. Д. Сахаров писал, что не все материалы, публикуемые в журнале ему нравятся, не всегда он согласен с «публицистическими выступлениями, преувеличенным пафосом» и «неточностью подхода к национальным и иным проблемам в колонке редактора». Очевидно, участие в редакционной коллегии не означает, по мнению Сахарова, автоматического одобрения любых утверждений редактора. Возможно, так же думают и некоторые другие члены редакционной коллегии. Однако редакция «Континента» смотрит на это иначе. Для нес известных имена на обложке журнала — главное доказательство собственной правоты и непогрешимости — козырной туз.

---

* В дальнейшем ссылки на «Континент» даны номерами журналов и страниц.

Например, шведская журналистка Диса Хостад, несколько лет работавшая корреспондентом в Москве, написала книгу «Элита едет на Запад». В 41-м номере «Континента» книгу отрецензировали, похвалив за широту подхода и отметив промахи:

Максимовский образ «носорогов» в действии ей, по-видимому, чужд. Что же, не всем западным интеллектуалам, не имеющим русского опыта, дается это — но не дай им Бог такого опыта!

(N 41, с. 410)

Рецензия сопровождается примечанием редакции:

Вполне серьезно *рядовая шведская журналистка* учит крупнейших представителей русской культуры, лауреатов Нобелевских премий, общепризнанных в современном мире специалистов в самых разных областях научной и гуманитарной деятельности, людей зачастую не только с европейскими, но и с мировыми именами, больших личностей с огромным человеческим и профессиональным опытом, как они себя должны вести, что говорить и у кого учиться по проблемам России. Ну, как тут не вспомнить крыловскую басню об осле и соловье: «Но жаль, что не знаком ты с нашим петухом, еще б ты боле наострился, коль у него немного поучился»...

Весьма локальное место в своей собственной и тоже, в общечеловеческом смысле, весьма локальной, шведской культуре обязывает автора быть гораздо скромнее в ее претензиях определять за нас, кто есть кто в великой культуре русской, сопоставлять несопоставимое и сравнивать несравнимое.

(N 41, с. 412)

Неловко читать о величии русской культуры, когда автор между делом ставит на место «локальную в общечеловеческом смысле» культуру шведскую. Слово «рядовая» хорошо знакомо. Это там, в Москве, нам постоянно внушали, что не каким-то рядовым пешкам учить больших личностей с мировыми именами, главных редакторов и генеральных секретарей. Диса Хостад — человек западный, к номенклатурным страстям не приученный, и она посмела возразить:

Задача критика во всем мире — оценивать произведения культуры, анализировать идеи, независимо от ранга автора. И на Западе случается критику дронуть под тяжестью

великого имени. Но для настоящего писателя лакейная критика просто неинтересна.

Ценить справедливо — очень трудно, но необходимо. Критик на Западе не обязан подчиниться «одной-единственной идеологии», чего, может быть, не хватает рецензенту Ирине Эльконин-Юханссон и редакции «Континента»...

Вслед за редакцией «Континента» хотела еще раз процитировать Г. Померанца: «Почему-то без односторонности, без субъективности, без этих искажений выходит и менее объективно, не получается какая-то бывшая, сверхобъективная правда».

Я хотела, чтобы в моей книге каждый сказал свою собственную правду. (N 43, с. 372).

Не возражая по существу (полемика Максимова — это всегда поношения несогласных или апелляция к авторитетам), редакция обрушивает на непокорную «локальную журналистку» громкие имена членов редколлегии:

Вместо прямого ответа на заданные вопросы, Вы занялись довольно сомнительной демагогией по поводу некоей «единой идеологии». Демагогией, явно заимствованной у наших эмигрантских «либералов» с Лубянки, вот уже в течение ряда лет пытающихся навязать нам свои сыскные представления о терпимости и демократии, определяемой ими лапидарной формулой всякого большевизма: «Кто не с нами, тот против нас!».

Обвиняя «Континент» в несвойственных ему грехах, Вам не следовало бы забывать, что в его редколлегию входят виднейшие *демократы* современной России и Восточной Европы (от великого ученого-гуманиста, лауреата Нобелевской премии мира Андрея Сахарова до бывшего вице-президента Югославии Милована Джиласа), отбившие за свои *демократические* убеждения в тюрьмах, лагерях, психушках и ссылках в общей сложности *около ста лет*. И не Вам бы их поучать, а Вам бы у них поучиться подлинной демократичности. (N 43, сс. 372-373)

По скромным расчетам редактора журнала, его редколлегия объединяет «девять десятых духовного сопротивления России» (N. 40, с. 381). Конечно, это известные и уважаемые люди, но неужели мы так бедны? А как же Александр Исаевич, печатающийся уже много лет в «Вестнике РХД»; как же национальные патриоты Л. Боро-

дин, В. Осипов, И. Огурцов; как же деятели православного возрождения Г. Якунин, М. Меерсон-Аксенов, А. Мень; где правозащитники А. Есенин-Вольпин, Л. Богораз, В. Чалидзе, томящиеся в тюрьмах и ссылках Ю. Орлов, А. Марченко, С. Ковалев, Т. Великанова; мужественно продолжающие жить и работать в стране писатели Лидия Чуковская, Владимир Корнилов, Булат Окуджава, Юлий Ким? Каждый список я заставляю себя оборвать на третьем-четвертом имени, а мог бы продолжать и продолжать. Силы русского духовного сопротивления совсем не столь мизерны, как это мнится главному редактору «Континента». А еще есть многочисленные религиозные, социалистические, национальные, молодежные движения других народов страны. Тысячи замечательных людей противостоят тем или иным образом тоталитаризму на нашей родине, и совсем не всегда при этом они разделяют взгляды редактора «Континента».

Но дело не в максимовской арифметике. Вопрос в том, для чего объединились вокруг журнала «видные деятели». Неужели только за тем, чтобы Главный мог спокойно третировать неугодных ему «профессоров с Лубянки», пренебрежительно отзываться о «западных либералах», чернить память известных советских писателей и прославлять самого себя?

Начну с последнего, ибо культ, пусть только редакторской личности, — это то, в чем меньше всего нуждается наша далекая родина.

На обложке журнала мелким шрифтом обозначено: «Название журнала „Континент“ — © В. Е. Максимова». «Континент — это я», — повторяет главный редактор известную формулу французского короля. Конечно, на Западе немало подобных персональных изданий. Но ведь обещан был «безусловный демократизм». И выразительной надписи „копи-райт“ поначалу не было. Она появилась лишь после 10-го номера, видимо, утверждая право редактора избавляться от неугодных членов редколлегии и кооптировать (не зря мы учили историю партии) более послушных на их место. Из редакции изгнали Голомштока и Некрасова, из редколлегии Синявского и Михайлова.

Процедура исключения поражает даже ко многому привыкших советских людей. Ни обсуждений, ни мотивов.

Еще недавно плечом к плечу стоял «Витя» в рядах борцов с носорогами, мужественно отражая кошмарные видения главного редактора, как вдруг получает извещение:

Уважаемый господин Некрасов!

29.8.82

Ваше дальнейшее сотрудничество с журналом «Континент» в любой форме мы, то есть редакция, считаем невозможным.

От имени редакции В. Максимов («Трибуна» N 1, 1983)

Михайлов был выгнан столь же решительно, но как человек дотошный постарался выяснить, кто и за что его исключает. Ему объяснили:

Уважаемый господин Михайлов!

«Мы» – это сотрудники редакции. Так вот, мы считаем, что Ваша принадлежность к печатным органам, ведущим систематическую и целенаправленную кампанию против «Континента» (например к «Трибуне»), несовместима с членством в его редколлегии, ибо такая принадлежность накладывает на Вас значительную часть ответственности за эту кампанию.

С приветом В. Максимов («Форум» N 9, с. 86)

Мысль о том, что «принадлежность» несовместима с «членством» родилась не сегодня. Она привезена из дому, и мы все знаем, какими печальными последствиями чреват подобный метод руководства.*

Прочим западным членам редколлегии, ни в чем не провинившимся, было высказано одобрение:

Высочайшую степень действительной толерантности и понимания проявили к журналу те западные интеллигенты, которые с первого дня его существования безоглядно разделили с нами ответственность за лицо и судьбу журнала. Репутация «Континента» отныне неразрывно связана с именами Раймона Арона, Джорджа Бейли, Сола Беллоу...

(N 40, с. 382)

---

* Максимов и сам хорошо знаком с подобной практикой. В 1973 г. его «принадлежность» к Союзу писателей СССР «оказалась несовместимой» с публикацией романов в издательстве «Посев», и он покинул организацию с чувством горечи и потери («Вестник РСХД», N 108-110, с. 248). В 1975 г. за «действия, наносящие ущерб престижу СССР и не совместимые с принадлежностью к советскому гражданству», Максимов был лишен советского подданства. («Континент» N 7, обложка).

Впрочем, вскоре оказалось, что ответственность не безоглядна. Сол Беллоу вышел из редколлегии, заметив, что «в Америке не рекомендуют продукт до того, как его попробуют». В ответ Максимов признал, что «неразрывная связь», только что им торжественно провозглашенная, не более, чем фигура красноречия, а на самом деле журнал от членов редколлегии давно уже не зависит:

ОТ РЕДАКЦИИ: Насколько нам стало известно, в последнее время сильно активизировалась психологическая обработка некоторых наших иностранных членов редколлегии, не знающих русского языка, со стороны некоторых «представителей» третьей эмиграции, с молодых еще ногтей, как теперь выяснилось, тесно связанных с советской охранкой.

В связи с этим, считаем необходимым уведомить вышеуказанных лиц и их хозяев на Лубянке, что они зря тратят время на столь бесперспективное занятие, ибо существование нашего журнала давно уже не зависит от прихода и ухода из его рядов того или иного члена редколлегии. (N 42, с. 356)

Деспотическое руководство журналом сопровождается примитивным восхвалением главного редактора. Из номера в номер в «Континенте» появлялась реклама:

«В издательстве «Посев» *Максимов Владимир Емельянович*. Выдающийся современный русский писатель. Его творчество одухотворено христианским восприятием жизни и любовью к человеку. Его язык богат своей простотой, а художественные образы впечатляют своей доступностью».

(Например, N 39, с. 294)

Других выдающихся писателей журнал «Континент» не знает. Владимов, например, «талантливый русский писатель» (N 38, с. 374), Ходасевич — «один из крупнейших...» (N 36, с. 434). Есть (точнее был) еще только один выдающийся: «выдающийся немецкий издатель и общественный деятель» (N 40, с. 381), «выдающийся немецкий публицист, основатель и друг журнала «Континент» (N 45, обложка) — Аксель Шпрингер.

«Выдающийся писатель» вместе с «выдающимся издателем» и «выдающимися деятелями» редколлегии настолько развратили бедных читателей, что они, вторя редакции, вот-

вот закричат: — «Да здравствует самый выдающийся и мудрый,.. всех времен и народов...»

Дорогой Владимир Емельянович!

От души поздравляем Вас с десятилетием «Континента», в который Вы вложили столько труда, души и умения, и желаем, чтобы Ваш журнал процветал еще много, много лет под Вашим, таким деятельным и мудрым руководством.

Дай Бог Вам много сил.

С искренним приветом

Тамара, Людмила и Ксения Ивановна Гончаренко
(N 41, с. 82)

Уважаемый Владимир Емельянович!

Журнал «Континент» является сегодня мировым форумом свободной и демократической мысли.

Святослав Караванский. (N 40, с. 398)

Многие могли бы поучиться у главного редактора «Континента» тому, что такое свобода убеждений и отвага высказывать их вопреки интеллектуальным модам и настроениям общественного мнения, подверженного манипуляциям масс-медиа.

Томаш Мянвич (N 48, с. 358)

Стоит главному редактору оторваться от трудов и отправиться в Нью-Йорк, вослед и навстречу ему летят приветственные телеграммы (N 38, с. 180), что само по себе замечательно, но публикация их с многомесячным опозданием на страницах ежеквартального журнала выглядит странно.* Зато все, как у «выдающихся» людей.

Но рекорд пошлости поставил «Континент», празднуя пятидесятилетие ГЛАВНОГО. В специальном интервью Виолетта Иверни рассказала читателям, как Володя смотрит, спит, кушает. Как он чувствует себя до и после запоя. Читать это нелегко, но нужно, хотя бы для того, чтобы понять, как низко может при случае пасть наша эмиграция.

Он очень театрален... скрытой, хищной, неожиданной театральностью не актера, а — театра; не исполнителя, а

---

* В СССР о перемещениях вождей мы узнавали из газет, в крайнем случае — из «Огонька», но уже ежемесячные издания от такой злободневности были освобождены.

автора; театральностью, основанной не на фантазии или воображении, а на цепкой, железной хватке глаза...

И память у него такая же хищная, как глаз, и держит чертову уйму историй, баек, анекдотов, фразочек, словечек...

А он — баталия. Кулачный бой. И — небывалый, фантастический, марсианский. С дикой помесью видов оружия — от какого-нибудь сверхсовременного ультразвукового изыска до дреколья. Он — бой и армия. Он — армия и солдат...

Толпа — людей, звонков; звонков, людей. Просьб. Писем. Забот. Обязанностей.

— Володя, во всем этом — в том, что называется общественной деятельностью, — не страшно потонуть? Затягивает ведь... и дня — как нет.

— *Страшно...*

...Вот и собакевичев взгляд! Вот и мужичья грубость! Ах ты, Господи, прости Ты нас, грешных, что же мы так глухи и слепы? Что же нам увидеть-то все недосуг?

«Батюшки-и-и, а глаза-то у його — сыни-и-и...»

И человеческое в нем, слабое и смертное, напряжено настолько, что напоминает остановленный кадр взрыва с бесконечно, в диком постоянстве, вздыбленной землей, вздернутой на дыбу землей, которой не дано, не дают упасть.

...Это ничего, Володя. Пусть они пишут письма. Вы втемную пьяны — и нет телефонных звонков, там не слышать. Вы втемную пьяны и едете в поезде через чистенькую Европу, через воспитанную Европу, в которой никто себя так не ведет. Без языка. Без своей земли. По чужой. И спадает напряжение, и отодвигаются носороги, и вы играете в своем театре — наедине с собой... наконец-то наедине с собой... Не бойтесь за свой вицмунир, вы никому ничего не должны.

(N 25, сс. 389-419)

Обожествление синеглазого редактора дополняется в журнале бранью по адресу лиц ему неугодных. Эти поношения часто анонимны — литературный прием, продиктованный вполне резонными опасениями оказаться на скамье подсудимых за клевету. По грубости и развязности эти публикации превосходят «Крокодил». Приведу лишь несколько из бесконечного множества примеров.

Разумеется, расистские завывания разного рода околотературной и околополитической публики, компенсирующей этим свою профессиональную несостоятельность, не могут вызвать у нормальных людей ничего, кроме брезгливости и презрения, но яд ее русофобии и человеконенавистничества, как свидетельствуют реальные факты, уже оказывает у нас в стране свое разрушительное влияние.

Поэтому всякий раз, когда розенберговские наследники в западной советологии, политологии и славистике, а также в нашей собственной среде выплескивают на страницы западных и русскоязычных изданий свои убогие по уровню, но воинствующие по содержанию псевдоконцепции, мы обязаны предупреждать наших читателей, как на Западе, так и в тоталитарном мире: — **ВНИМАНИЕ: ПРОВОКАЦИЯ!**
(N 45, с. 394)

...И сообразительные эмигранты (как правило, из бывших и верных членов КПСС) тут же ориентируются... они тоже за социализм с каким-то там лицом и за плюрализм, но только — для своей партийной кодлы.
(В. Максимов, N 25, с. 408)

Впрочем, редакция «Континента» не всегда ограничивается намеками. Порой она позволяет себе прямые грубые выпады.

РИЧАРД ПАЙПС

Что же касается неточности в воспроизведении нами резолюции Николая Второго об убийстве Распутина (каемся, цитировали по памяти!), то, если бы автор достаточно хорошо знал русский язык, он мог бы убедиться, что в нашей интерпретации этой резолюции никакого «абсурда» нет.

К сожалению, тридцатипятилетний стаж научной и публицистической работы еще не гарантирует ученого от предвзятости и заблуждений.

(N 46, с. 360.)

СИМОН МАРКИШ

ОТ РЕДАКЦИИ: С легкой руки некоторых литературоведов в штатском, осевших на Западе по предварительному соглашению с Лубянкой, розенберговский миф об исконном русском рабстве принялся разгуливать по страницам определенного рода русскоязычных изданий в нашем

Зарубежье. Замысел авторов этой, давно скомпрометировавшей себя идейки хрустально прозрачен: помочь советской дезинформации спровоцировать в Советском Союзе волну ответного массового антисемитизма.

Печальнее, когда наживкой такого низкопробного сорта соблазняются люди, интеллектуальная репутация которых выглядела для нас до сих пор совершенно безупречной.

В таком случае мы считаем себя вправе задать автору столь откровенно расистского заявления Симону Маркишу несколько вопросов...

(N 45, с. 421)

Вам непонятен смысл, который в данном случае (в обзоре В. Б.) был вложен в понятие «расизм»? Вы правы, выражение это весьма неточно, ибо клишировано, в последнее время употребляется напропалую. Но дело ведь не в слове, правда? Хотите придумайте иное определение...

(N 46, с. 378)

ЛЕХ ВАЛЭНСА И КАРДИНАЛ ГЛЕМП

Для западногерманской общественности (и не только той, что связана с социал-демократами, т. е. цинично-равнодушной) существует только Валэнса (этакий «польский Ганди») да Примас Глемп, особенно когда скажет какую-нибудь очередную глупость.

(Т. Мянвич. N 46, с. 208)

ПАВЕЛ ЛИТВИНОВ

...Почему также среди русских, прибывших на Запад с третьей волной эмиграции, нет *ни одного* марксиста, тем более ленинца, а вот среди представителей так называемых угнетенных народов таковых вполне достаточно? К примеру, один из них (кстати сказать, довольно заметный диссидент), внук бывшего министра иностранных дел большевистского правительства, несмотря на свое «свободолюбие», «избравшего» Ленина, — едва приземлившись в Риме, прямо заявил, что не хочет иметь никакого дела с буржуазной прессой, но только с коммунистической газетой «Унита». Правда, последняя не поспешила навстречу своему новому почитателю.

(От редакции, N 45, с. 422)

ЛЕВ КОПЕЛЕВ

Почему Копелев не рассказывает, сколько ему пришлось заплатить за свой выезд?

(З. Шук, N 42, с. 194)

...Ирина Кристи, которая действительно получила открытку и действительно выехала, да только, когда Копелев об этом рассказывал (это было 1 июня 1985 г.), уже пять дней как было известно, что «открытку от Сахаровых» написали в КГБ...

Но это был только первый акт. Затем состоялась «гарденпарти» с телевидением и супругами Копелевыми в главной роли, а кульминацией была конференция о движении защиты прав человека...

(Т. Мянвич. N 46, сс. 208-209)

От переводчика

К статье Томаша Мянвича можно было бы ничего не добавлять: с приводимыми в ней фактами не поспоришь, с выводами — поспорят разве что глашатаи той самой «анти-антикоммунистической пропаганды», которой среди эмигрантов из советского блока предается не только Л. З. Копелев.

...А ведь это маленький человечек — не то что Лев Зиновьевич Копелев, выпустивший в Германии уже, наверное, полное собрание своих сочинений, индивидуальных и в соавторстве с теми же «прогрессистами».

(Н. Горбаневская, N 46, сс. 212-213)

ОТ РЕДАКЦИИ: Что же касается политической примитивности, то по этой части вряд ли кто из нас может конкурировать с Львом Копелевым.

(N 46, с. 214)

ГРИГОРИЙ ПОМЕРАНЦ

...нельзя забывать, что Белая армия имела дело не просто с реальным традиционным противником, не просто с красными командирами, конноармейцами и т. д., но — с массами, терроризируемыми и захваченными силами сатанизма марксистского образа...

Есть, правда, и другой, так сказать, гуманитарно-философский подход к развязанной коммунистами бойне: «Гражданская война — не столкновение абстрактного Добра со Злом, а трагическая борьба двух энтузиазмов, двух вер — и

двух списков злодеяний» (Гр. Померанц. Стиль полемики. «Вестник Р. Х. Д.» N 142). Как красиво! И как... уравнивершено культурно.

Ю. Кублановский

ОТ РЕДАКЦИИ: Вообще, знакомясь с полемическими эскападами Г. Померанца, невольно задаешься вопросом: какое все-таки дело этому убежденному буддисту до страстей человеческих, тем более еще и эмигрантских? Живи себе, казалось бы, «над схваткой», достигай нирваны и в ус, как говорится, не дуй. Так нет же, нейметя болезному! Но уж коли нейметя, то мы, со своей стороны, вынуждены обратить внимание уважаемого поклонника Будды на одну, на наш взгляд, весьма принципиальную разницу между двумя списками вышеупомянутых злодеяний: у белых это считалось аморальным и преследовалось (разумеется, с учетом издержек всякой междоусобицы) по суду, а у красных за это же выдавались ордена. К примеру, за крымские зверства Беле Куну и Ионе Якиру, не считая сотен других, рангом пониже. (N 42, сс. 367-368)

АНДРЕЙ СИНЯВСКИЙ

Сообщаю безо всяких экивоков: мне лично Синявский крайне антипатичен — но не настолько, однако, чтобы тратить на него целую статью. Будь он неким уникамом, я бы просто посмеялся, может, плюнул бы, пожалуй, даже пожалел бы его (ибо мне сдается, что все это — от комплекса неполноценности; бедняга!). Но в том-то и беда, что Синявский — «Голос из хора». А хор-то — довольно большой, массовый, причем весьма голосистый, подстать небызывестному советскому хору им. Пятницкого. Тут и Ефим Эткинд, и Лев Копелев, и — извините за выражение! Эдичка Лимонов. Конечно, в хоре не без разноголосицы: Синявский и Эткинд поносят Россию, Лимонов порочит Америку. Копелев «с ученым видом знатока» потчует своих западных слушателей и читателей химически чистой чущью, беспримесной чепухой. Но весь этот разнобой не слишком существен, лейтмотив-то у всех один: дезинформация, перекос действительности.

Ю. Иофе

ОТ РЕДАКЦИИ: Русофобским откровениям известного литературоведа Синявского, процитированным в письме

Юрия Иофе, мы намеренно противопоставляем юдофобские откровения никому не известной эмигрантки из Нью-Йорка.
(N 40, сс. 390, 397)

На этом пока оборвем ряд цитат из последних номеров «Континента». Как видим, редактор не скупится на советы. Беллю следует быть поскромнее, Пайпсу — выучить русский, Маркишу — подобрать себе прозвище, если не хочет, чтобы его называли расистом, Померанцу — сидеть и не рыпаться. Все эти глубокие мысли объединены развязной, купеческой интонацией: «Хозяин — барин», «Что хочу — то и ворочу», «Моему норову не перечь». Как тонко подмечено в приведенной выше рекламе: «Язык богат своей простотой, а образы поражают доступностью.» Агенты охраны, лубянки, расисты, прогрессисты, русофобы — убогий набор ярлыков и штампов. Стиль выдает редактора с головой. Перед нами вымысел, рассчитанный на то, что не поймают, не докажут, не захотят связываться.

Не балуют нас редакционные примечания ни ссылками на источники, ни пояснениями по существу вопроса. Это всегда туманные, маловразумительные обвинения. Словно неведомо главному редактору, что цитаты следует приводить не по памяти, а сообщая о том или ином факте, указывать, откуда это стало известно.

В действительности, если копаться в этой грязи, понять, что к чему, совсем не трудно. Например, утверждение, что «среди русских, прибывших на Запад с третьей волной эмиграции нет ни одного марксиста, тем более ленинца, а вот среди представителей так называемых угнетенных народов таковых вполне достаточно». Конечно, с третьей волной выехало больше евреев, которые были членами КПСС, чем русских, состоявших в партии. Но ведь и сама эмиграция преимущественно еврейская. Убежденных сторонников Ленина среди третьей эмиграции практически нет, никто так себя не называет, никто, насколько мне известно, не вступил в компартию в Европе или США. Если же иметь в виду ленинские приемы полемики, то тут действительно примеров немало, особенно на страницах «Континента».

Ссылка на Павла Литвинова как на представителя «так называемых угнетенных народов», а также зачисление его в марксисты-ленинцы показывает, что Максимов, собственно говоря, имеет в виду. Марксистами-ленинцами он называет тех, кого не любит. К сожалению, в представители «так называемых угнетенных народов» он, очевидно, зачисляет по тем же критериям, что свидетельствует уже не столько о взглядах, сколько о моральных нормах.

Я не буду излагать убеждения Павла Литвинова, это было бы странно, но лишь отмечу, что история с интервью газете «Унита» — выдумка.

Сразу после приезда на Запад Литвинов выступил на нескольких пресс-конференциях, где были журналисты самых разных направлений. Нетрудно было бы отыскать газеты тех лет, но я предоставляю эту возможность защитникам Владимира Максимова. Опасаюсь, правда, что и они не станут этого делать, понимая на самом деле, чего стоят утверждения главного редактора.

Несколько слов о постоянном объекте травли «Континента» Льве Копелеве. В журнале ему посвящены десятки страниц, множество прямых и косвенных обвинений, шпилек, намеков. Ему уделяется больше внимания, чем Андропову, Черненко и Горбачеву вместе взятым. Особенно почему-то досаждают авторам журнала выступления Копелева по телевидению (статья Зофьи Шик «Две беседы или о чем говорить не принято», N 42, с. 185-198; Томаш Мяннович, «Из записной книжки экстремиста», N 46, сс. 207-214; В. Максимов «Колонка редактора», N 44, с. 311). Мотивы в последнем случае понятны:

В результате, в окончательном варианте телефильма ваш покорный слуга был аккуратно из него вырезан, а на его место вставлен неприсутствовавший там скромный переводчик с немецкого, которого западногерманская лево-либеральная общественность „назначила” нам в литературные и политические учителя только за то, что тот послушно подтверждает все их благоглупости о Советском Союзе и коммунизме вообще.

Действительно грустная история. Телевидение „аккуратно” выбросило главного редактора, не пожелало показать

его зрителям. Можно посочувствовать его горю. Но трудно согласиться с тем, что любовь немецких телезрителей вызвана лишь „лево-либеральными благоглупостями”. Есть у известности Льва Копелева более серьезные основания. Не следует забывать, что в конце войны он был арестован КГБ за гуманное отношение к немцам. Это человеческая позиция, противостоящая шовинизму и национализму, сделала Копелева едва ли не самым популярным человеком в Западной Германии.

В примечании к статье Мянвича, обвиняющей Копелева, Наталья Горбаневская заявляет, что с приведенными в ней «фактами не поспоришь». Увы, как это часто бывает в журнале, так называемые „факты” не совсем соответствуют действительности. Мянвич сообщает, что Ирина Кристи получила открытку от Сахаровых, но «уже пять дней как было известно, что открытку от Сахаровых написали в КГБ». Факт же заключается в том, что Ирина Кристи *никаких открыток от Сахаровых не получала. Ни настоящих, ни фальшивых.*

И гадай после этого, о чем рассказывают уважаемый польский автор (которому путать простительно) и грозная переводчица (которая могла бы знать). То ли речь идет о подложных телеграммах, полученных Кристи, то ли об открытке с подделанной датой, пришедшей по адресу Янкелевичей в Бостон, то ли все корреспонденции совместились в голове у автора в один „факт”. Я понимаю, что редакторам «Континента» важно не это, для них главное заклеить Копелева. Но ведь есть и читатели.

Вот уже пять лет Лев Зиновьевич Копелев выступает по телевидению, печатает статьи, разъезжает с лекциями и докладами, участвует в конференциях, пишет письма политическим деятелям. И всегда, о чем бы ни шла речь, он напоминает о положении советских людей, томящихся в тюрьмах и ссылках. Он зачитывает списки имен, рассказывает о судьбах отдельных заключенных, объясняет своим читателям и слушателям, что свобода неделима и необходимо бороться за нее для каждого отдельного человека. По поводу Андрея Дмитриевича Сахарова Копелев обращался и к Вилли Брандту, и ко всем без исключения политическим

деятелям Германии и Австрии. Авторитет его в этих странах так велик, что и канцлер Коль, и президент Вайцзекер, и руководители „зеленых” советуются с ним и «отчитываются» о результатах своих переговоров по «сахаровскому вопросу» с советскими руководителями. Конечно, нельзя утверждать, что демарши западных политиков к чему-то привели, но одно несомненно — Лев Копелев делает все, что в его силах.

Грубость на страницах «Континента» почти всегда призвана скрыть авторскую беспомощность или недобросовестность. В чем обнаружено, например, заблуждение историка Пайпса? В том, что, в отличие от редактора, он знает, что именно сказал Николай II по поводу убийства Распутина: «В России никому не дано право заниматься убийством», а максимовский вольный пересказ: «В России никому не дано убивать без суда» кажется ему абсурдом. Звучит и впрямь нелепо. Убивать по суду, то есть казнить, было дано лишь нескольким профессиональным палачам, и данностью этой приходилось им пользоваться не часто. В то же время без суда убивали на фронте, стреляли в демонстрации рабочих, кололи штыками мятежных киргизов, стреляли в крестьян, мешавших проведению Столыпинской реформы, громили жидов — везде и всюду право убивать административные власти сохраняли за собой.

Или другой пример. Почему Ю. Кублановский и В. Максимов набросились на Г. Померанца: «...достигай нирваны и в ус не дуй... нейдет болезнь»? Потому, что Красная армия в гражданской войне — для него не мифическое мировое зло, а Белая — не только добро. «У белых это считалось аморальным и преследовалось по суду... а у красных за это же выдавали ордена. К примеру, за крымские зверства — Беле Куну и Ионе Якиру», — поучает Максимов. За что за «это»? В статье Г. Померанца речь шла о том, что не Раиса Борисовна Лерт устраивала в 1918 в Киеве первые каннибальские убийства (как могли бы подумать читатели «Наших плюралистов»). Напротив, семья 12-летней Лерт пострадала от денкинского погрома. Кто из белых генералов осознал его аморальность? Кто был наказан? Максимов конечно же никаких фактов не приводит. И не может привести. Он пользуется абстрактными общими

утверждениями, чтобы скрыть свою полную историческую неосведомленность. И мы убеждаемся в ней каждый раз, когда мысль редактора приобретает хоть сколько-нибудь определенный характер. Так ни Якиру, ни Бела Куну за крымские зверства орденов не вручали. И. Якир награждался трижды. Два раза в 1919 г., то есть до взятия Крыма, третий раз в 1930 за Польскую кампанию. Бела Кун получил единственный орден в 1927 г. к десятой годовщине победы Октябрьской революции. («Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия.», М., 1983, Якир, Бела Кун).

Каждое утверждение Максимова оказывается при ближайшем рассмотрении не просто полемическим приемом, а вымыслом. Но вряд ли следует опровергать их одно за другим. Остановлюсь лишь на нападках на умерших писателей.

Хочу нарушить древнее правило: «О мертвых хорошо или ничего», ибо, на мой непросвященный взгляд, мертвый мертвому рознь. В данном случае я имею в виду советского писателя Федора Абрамова...

Биография Федора Абрамова способна украсить любую чекистскую энциклопедию или мемуарный сборник под шапкой «Если враг не сдается, его уничтожают!»

В молодости — бесстрашный сотрудник СМЕРШа, лично пытавший и прикончивший (по его собственному признанию в беседе с одним крупным ленинградским ученым) четырнадцать изменников родины, затем — один из самых активных запевал времен космополитизма и, наконец, в числе руководителей писательского Союза в самый разгар травли Андрея Сахарова и Александра Солженицына. Все эти заслуги благодарное советское правительство отметило различными орденами и шедротами.

(Колонка редактора, N 37, сс. 383-384)

Кто этот неизвестный, но, конечно же, крупный ученый, с которым Абрамов поделился своими садистскими воспоминаниями, поспешивший в свою очередь пересказать их главному редактору? Людям, сталкивавшимся с клеветой, хорошо известна такая конструкция: некто слышал от X, что

тому говорил У. Опровергнуть такое высказывание невозможно, но, по счастью, в цивилизованном обществе не защита, а обвинение должно доказывать справедливость своих утверждений.

Федор Абрамов действительно в годы войны по мобилизации служил в СМЕРШе. Впоследствии он сожалел об этом. Раскаивался он и в своем участии в кампании борьбы с космополитизмом. Этому не приходится удивляться — нормальному человеку естественно сожалеть о своих дурных поступках, а не сваливать их на беспамятство или другие объективные причины.

Не следует забывать, что Федор Абрамов был одним из первых авторов «Нового мира». Его статья «Люди колхозной деревни» разоблачала лакировочную литературу, расчищая место для «деревенской» прозы. В постановлении ЦК 1954 г. эта статья названа среди главных ошибок «Нового мира» Твардовского.

Поведение Федора Абрамова в 60-70 годы не было однозначно зловещим. Он не принадлежал к лагерю черносотенцев и консерваторов, а, напротив, вместе с Твардовским шел по трудному пути совмещения партийной принадлежности и руководящего положения в ССП с любовью к литературе и народу.

Любопытно, что, сурово осуждая „новомирца” Абрамова, «Континент» не без симпатии вспоминает его одиозного «октябрьского» оппонента В. Кочетова:

Тут веселые мальчики в эмиграции навесили редактору нашего «толстого» журнала ярлычок: «любимец (выкормыш) Кочетова», и за что? За четырехмесячное (!!) состояние, формальное и полубеспамятное. в редколлегии «Октября» — самый, на мой взгляд, трагикомичный эпизод в биографии Кочетова, когда этому «самостийнику» (выражение Эренбурга из книги Орловой) вдруг захотелось тоже стать, подумать только, либералом.

(Е. Брейтбарт, N 40, с. 406)

Не будем спорить о намерениях Кочетова в конце 60-х годов. Со стороны казалось, что хочет он стать не столько либералом, сколько черносотенцем, чтобы с сотоварищами громить интеллигентов. Не нам судить, насколько Е. Брейт-

барт права, когда описывает «состояние» Владимира Максимова в редколлегии «Октября» как «формальное и полубеспамятное», но она ошибается, называя его «четырёхмесячным (!!))». Оно продолжалось без малого год — с N 10 за 1967 по N 8 за 1968. Любопытно, что запомнили и близкие родственники, и сотрудники «Континента», и сам Главный. Проверить же — не догадались.

В конце жизни Абрамов настойчиво боролся за охрану природы, за оздоровление деревенской жизни. От участия в кампаниях и проработках он старательно уклонялся, хотя это ему не всегда удавалось. Его подпись оказалась под обращением ленинградских писателей, одобряющим исключение Солженицына, но он же послал телеграмму протеста против этого акта.

Роль Абрамова в литературе наших дней высоко оценил А. И. Солженицын: «Вот ядро современной русской прозы, как я его вижу: Абрамов, Астафьев, Белов, Быков, Владимов, Войнович, Максимов, Можаяев, Носов, Окуджава, Солоухин, Тендряков, Трифонов, Шукшин» («Бодался теленок с дубом», интервью от 23.8.1973 г.).

Решительно ставит на место Максимов шестерых диссидентов (П. Подрабинек, И. Промыслова, В. Гершуни, Т. Трусову, В. Гринева, Ю. Дикова), которые от имени большой группы москвичей — авторов Самиздата, сотрудников сборника «Память», — написали письмо о «пренебрежении традиционными этическими и эстетическими ценностями, которое год от года становится все более заметным в „Континенте“», о том, что люди, активно содействующие правозащитному движению в России, «вознаграждаются» в журнале то низкой иронией, то шельмованием, то грубыми окриками или абсолютно безосновательными обвинениями. В частности, авторы письма защищали от нападок журнала память Корнея Ивановича Чуковского. Письмо не было опубликовано на страницах «Континента», зато там появилась отповедь «рядовым» правозащитникам:

Неужели, отвергнув литературный иконостас во главе с реакционным лауреатом Ленинской премии, мы теперь согласимся на установление нового литературного иконостаса во главе с либеральным лауреатом премии того же имени?

...навязывать мне или журналу свои вкусы и волю, да еще в столь ультимативной форме не рекомендую, ибо бесполезно. Как говорится, ты сер, а я уж, братец, сед!

А потом, уважаемые, мы же с вами демократы: не нравится — не читайте, свободных журналов у нас, слава Богу, теперь великое множество, есть из чего выбрать!

(N 33, с. 373)

Если вспомнить, что серые оппоненты рано поседевшего в литературных боях Главного редактора находятся за железным занавесом, а то и за колючей проволокой, слова «журналов великое множество», «не нравится — не читайте», трудно воспринимать иначе, чем глумление. Глумление, дополняющее издевательства советских властей.

Не нравятся Максиму и взгляды Василия Гроссмана, и, как всегда, он стремится не к разбору произведения, а к доказательствам на уровне личных упреков:

...И чем же объяснить тогда «историософскую концепцию» самого Василия Гроссмана, если до конца жизни он носил в кармане партийный билет, на котором красуется силуэт «великого вождя мирового пролетариата»? Правда, может быть, этот билет ему навязали силой под пытками?

(N 45, с. 422)

Схваченный за руку, Максимов лишь чуть-чуть перестраивает аргументацию.

Что же касается нашей оговорки о партийной принадлежности Василия Гроссмана, то, принося за это свои глубочайшие извинения читателям, мы предлагаем Вам тот же вопрос в несколько иной редакции: «Чем же объяснить тогда „историософскую концепцию“ самого Василия Гроссмана, если он в начале своего творческого пути тоже „выбрал Ленина“, написав и опубликовав такие откровенно конформистские вещи, как „Глюкауф“, „В городе Бердичеве“, „Степан Кольчугин“?»

(N 46, с. 380)

Трудно согласиться со столь мягкой самооценкой. Утверждение о партийной принадлежности Гроссмана не оговорка (слово, вырвавшееся ненароком), а скорее оговор — ложное обвинение, рассчитанное на то, что опровергнуть его будет непросто. Не случайно, извиняясь перед

читателями за «оговорку», Максимов продолжает обвинять Гроссмана в партийности, аргументируя тем, что тот в начале творческого пути «выбрал Ленина» и писал «откровенно конформистские» вещи. Звучит малоубедительно. Есть разница между «началом пути» и «концом жизни». Да и начало было неплохим. На мой взгляд, в рассказе «В городе Бердичеве» конформизма не больше, чем в превосходной повести молодого Максимова «Мы обновляем землю». В конформизме нетрудно обвинить любого советского писателя и почти любого советского человека. И именно поэтому — лучше этого не делать. Особенно Владимиру Максиму.

С самого начала нашего столетия передовой отряд рабочего класса России начал величайшую из битв человечества — битву за переустройство мира как в сфере материальной, так и духовной. И с первых же своих шагов огромное внимание партия уделяет становлению социалистической литературы. Кто не помнит, с каким горячим сочувствием был воспринят Владимиром Ильичем Лениным замечательный роман Горького «Мать»? А как благотворно влияла «Правда» на творчество Федора Шкулева, Демьяна Бедного, Александра Серафимовича! Только революции обязана русская литература рождением таких выдающихся мастеров культуры, как Алексей Толстой, Михаил Шолохов, Александр Фадеев, Леонид Леонов, Федор Панферов, Валентин Катаев. Только в условиях нового, социалистического строя могла вырасти целая плеяда замечательных талантов, среди которых многие и многие получили мировое признание.

Именно от этих мастеров принимало каждое последующее писательское поколение эстафету века, и поэтому пресловутая проблема «отцов и детей», кстати сказать, высосанная из пальца фрондерствующими литмальчиками вкупе с группой эстетствующих старичков, никогда не вставала перед молодежью, верной революционным традициям советской литературы. Разве, к примеру, Владимов или Шим не ощущает самой кровной связи со своими ближайшими предшественниками Казакевичем, Гончаром, Нагибиным, а те, в свою очередь, с Петровым и Гайдаром, с Симоновым и Нилиным? Весь опыт нашей литературы утверждает непрерывность ее становления.

После справедливой и принципиальной критики в адрес формализма, прозвучавшей на встречах руководителей партии и правительства с деятелями литературы и искусства, кое-где подняла голову воинствующая серость, прикрывающая псевдоидейностью свою полнейшую профессиональную несостоятельность. В связи с этим мне хотелось бы еще и еще раз повторить слова секретаря ЦК КПСС Л. Ф. Ильичева, сказанные им в докладе на одной из памятных встреч ...

«Только выдающиеся произведения большого революционного созидательного пафоса, — указывает Никита Сергеевич Хрущев, — доходят до глубины души и сознания человека...»*

Всем нам остается только присоединиться к этому исчерпывающему высказыванию и творить в этом направлении.

Владимир Максимов. Эстафета века. Слово о партии. «Октябрь», N 7, сс. 8-9, 1963.

Перед нами не просто конформизм, а ретивое приспособленчество. На двух неполных страницах Ленин, Горький, «Правда», Партия, встреча партийных руководителей с писателями, секретарь ЦК Ильичев, слова которого хочется повторять еще и еще раз, обещание творить в направлении Демьяна Бедного, Панферова и Петрова, почему-то отделенного от Ильфа (?), обвинения против формалистов и фрондерствующих литмальчиков вкупе с эстетствующими старичками (похожие стилистически на сегодняшние филиппики главного редактора) и, наконец, дорогой Никита Сергеевич. Безусловно, ни Василий Гроссман, ни Федор Абрамов, ни Корней Чуковский, ни кто другой, подвергнутой сегодня Максимовым пристрастному суду (Копелев, Маркиш, Синявский, Эткинд, Померанц) ничего похожего просто *не могли* написать. Даже способные на многое Евушенко и Вознесенский не оставили нам подобных перлов. Эстафета века проходит прямо через Анатолия Софронова, Панферова, Кочетова и иже с ним. Конечно, нельзя забывать, что Максимов сошел с беговой дорожки. И повторяю — все не без греха (или почти все). Но как шагавший в 1963 г. в *таких* рядах позволяет себе упрекать в

---

* Цитаты Ильичева и Хрущева сокращены (ред.)

конформизме Василия Гроссмана, роман которого был арестован за два года до «славной эстафеты»? Понять нелегко.

Я не буду рассматривать здесь содержание журнала. Мне многое в нем нравится, со многим хочется спорить. Остановлюсь лишь на одной неприятно задевающей ноте. З. Рураж, «Откровенно говоря», сообщает, что главная проблема времени — расовая.

Откровенно говоря, завтрашний мир будет не миром соревнования идеологий или религий, но миром соревнования рас. Это вовсе не значит, что оно приведет к какому-то расизму нацистского типа, но нет сомнения, что все расы будут стремиться сохранить то, что имеют, а нередко и попытаются получить то, что другие по тем или иным причинам упустят.

России не следует стыдиться сказать, что она боится Азии. Это можно понять. Более того, ей надо помочь: это лежит в интересах всех европейцев. Несмотря на все возможные доводы против, Россия принадлежит к христианской цивилизации, или попросту к «белой» части человечества. Если она временно сошла с пути этой цивилизации, надо помочь ей вернуться...

Возвращаясь к вопросу о «расизме», признать его как существующее обстоятельство, вероятно, было бы менее стыдно для России, чем верить в «научный социализм». Опасаться ли, что такое признание вызовет враждебные чувства в некоторых азиатских странах? Возможно, и вызовет, но СССР там и так вызывает те же самые чувства...
(N 44, сс. 191-195)

Характерно, что, обожая комментарии, редакция воздерживается от них в данном случае — невольно думаешь, что полуфашистские откровения Рураржа близки журналу, по крайней мере, не вызывают гневных возражений.

Не случайна и реплика Максимова о «так называемых угнетенных народах» (довольно сомнительный эвфемизм для обозначения евреев). Очевидно, по мнению редакции, евреи в СССР вовсе не угнетенная нация, а рассказы о

трудностях поступления в институт, на работу — так называемая сионистская пропаганда.

«Так называемым» оказался у Максимова и Еврейский антифашистский комитет.

Перец Маркиш со товарищи... участвуя в работе так называемого Антифашистского комитета, созданного, как известно, незабвенным Лаврентием Берией для промывания мозгов еврейской общественности на Западе. Трагическая гибель этих людей еще не освобождает их от ответственности за жизнь тех, кто погиб до них по их милости и при их содействии.

(N 45, с. 422)

О «промывке мозгов» писало в свое время еще ведомство Геббельса, и из тех же архивов извлечен, видимо, аргумент о создании Еврейского антифашистского комитета Берией. «Промывание мозгов еврейской общественности на Западе» заключалось в частности в сборе средств для борьбы с нацизмом и в распространении правды о гитлеровских зверствах. В органе Еврейского антифашистского комитета «Единство» появилось первое подробное описание Трешлики, первое достоверное свидетельство о лагерях уничтожения. Утверждение Максимова, что люди погибали «по милости и при содействии» членов Еврейского антифашистского комитета ничем не подтверждено. Кто и где был убит при содействии Михозлса, Квитко, Маркиша? Необходимы факты, без них подобные домыслы — обычная антисемитская болтовня.

Видимо, слово «антисемитизм» редактору не по душе, ему хочется ограничить его применение, а еще лучше — вообще без него обойтись.

...мы приглашаем читателей высказаться по этому поводу на страницах нашего журнала, ибо пора наконец положить предел поползновениям некоторых индивидов в нынешней эмиграции шантажировать своих идеологических оппонентов, а заодно и средства массовой информации русского Зарубежья жупелом антисемитизма.

(N 42, с. 320)

Тут главному редактору низко кланялись советские партийные журналисты. Им тоже, как горькая редька, надоел

этот проклятый жупел, которым, как известно, постоянно бряцают сионисты.

В ответ на приглашение высказаться, В. Львов написал, что видит антисемитизм в статье Лосева, опубликованной в «Континенте». На автора письма тут же обрушился поток брани. Его причислили к «образованщине», обвинили в нелюбви к русскому народу.

...Кем нелюбимых? Господином Львовым и двумя десятками его комплексующих единомышленников? Но русский народ (как впрочем и любой другой!) в их восхищении не нуждается и „нелюбовь” их как-нибудь переживет.

(N 45, с. 401)

Так наивный читатель, принявший за чистую монету призыв высказать свое (а не редакционное) мнение, получил достойный отпор.

Зато трогательные в своей антисемитской неприязнтельности рассуждения княгини Шаховской публикуются в журнале без комментариев.

...Написав, что как будто при погромах не было человеческих жертв, „если память мне не изменяет”, я к тому же напрасно упомянула слово „память”, потому что историю погромов я не читала, а помнить их не могла и по возрасту моему, и потому что детство мое прошло в той части России, где погромов не бывало. Зато я действительно помню, что из сотни русских евреев, которых я в моей жизни встречала уже на Западе (со многими из них я была дружна), *ни один* не сказал мне, что кто-либо из членов его семьи был убит во время погрома. Среди самых антирусских советских эмигрантов 70-х годов, мною встреченных, как будто тоже такого семейного свидетельства (как было о Бабьем Яре) не появилось. Итак, я ошиблась. Скромно прибавлю, что за полвека литературной и журналистической деятельности, вероятно, я была повинна и в других ошибках.

(N 35, с. 375)

Детство Зинаиды Шаховской прошло в одной из сорока благословенных русских губерний, «где погромов не бывало», по той нехитрой причине, что евреям было запрещено там селиться. Не принято было в кругу знакомых

княгини говорить об антисемитизме. Не читала она Владимира Галактионовича Короленко или Владимира Дмитриевича Набокова, написавшего знаменитую статью о погроме 1903 г. «Кишиневская кровавая баня», и кощунственные слова: «Жертв при погромах не было», — кажутся ей всего лишь малосущественной ошибкой. Кто не ошибается? С княгини спрос не велик, но от журнала третьей эмиграции можно было бы ожидать квалифицированных пояснений о действиях предшественников и учителей нацизма. Ибо современный антисемитизм не отваживается на открытые утверждения типа: «Евреи пьют христианскую кровь». Он лишь скромно рассуждает, что может-де все эти рассказы о погромах, жертвах и гонениях — корыстные преувеличения представителей «так называемых угнетенных народов». Если же вникнуть, то и об Освенциме нет у них никакого личного семейного свидетельства.

Конечно, все зависит от точки зрения. Для Г. Андреева, например, средневековый ритуальный процесс, чудовищный кровавый навет, сфабрикованный от начала до конца царской администрацией, вызвавший протесты и насмешки всего мира, служит лишь доказательством прогрессивности и беспристрастности русской судебной системы.

Одним из ярчайших свидетельств независимости русского суда стало его решение по делу еврея Бейлиса, обвиненного в ритуальном убийстве (1911-13 годы). Несмотря на то, что многие представители верхов, сильно подверженные антисемитизму, желали осуждения Бейлиса, суд присяжных, состоявший в основном из самых простых русских и украинских мужиков, признал его невиновным, и Бейлис был освобожден.

(N 42, с. 267)

Независимый судья Болдырев, напутствуя присяжных, подчеркнул, что это было «настоящее ритуальное убийство». И присяжные согласились с обвинением в том, что мальчик Андрюша был убит в одном из зданий еврейской хирургической больницы и перед смертью у него отцедили пять стаканов крови. Однако шестеро присяжных (половина состава) отрицательно ответили на второй вопрос об участии

в убийстве Бейлиса. Бейлис был освобожден, но обвинение евреев в каннибализме сохранилось.*

Правительство наградило независимого судью и прокурора деньгами и повышением по службе, им были вручены личные подарки Николая II. Вместо Бейлиса на скамью подсудимых попали 14 редакторов газет (82 газеты были оштрафованы, конфискованы или закрыты). Были осуждены два следователя, отказавшиеся принимать участие в фальсификации дела, и 25 петербургских адвокатов, пославших телеграмму протеста «против искажения основ правосудия, очевидных на этом процессе, против клеветнического поклепа на еврейский народ». (см. *М. Самюэл. Кровавый навет. Н-Й. 1975*).

Бегство миллионов евреев от погромов в Америку также свидетельствует, по Андрееву, об удивительной демократичности царской России:

...Конституция определяла право граждан России свободно выбирать место жительства как внутри России (не считая такой мелочи, как черта оседлости — С. М.), так и за границей. Этим последним правом воспользовалось с 1901 по 1910 годы около двух миллионов человек.

(N 42, с. 264)

Я не буду рассматривать сложный вопрос об антисемитизме в романе Солженицына «Красное колесо». Мне лично кажется, что его нет, хотя А. Лосев своей статьей заставляет задуматься над этой проблемой. Если рецензент не ошибается в том, что «для Солженицына, не так важно, что Богров пошляк, как то, что он еврей», то перед нами — диагноз болезни.

Если сегодня в Америке кто-нибудь из политических деятелей осмелится сказать: «Для меня важно не то, какой у преступника характер, а то, что он негр», — этот человек будет единодушно заклеен как расист.

---

* Я не хочу умалять нравственной заслуги присяжных, состав которых был, по мнению Короленко, специально подобран (многие из них были членами «Союза русского народа»). Правда, не следует забывать и о том, что спектакль был поставлен удивительно неумело и обвинение прямо на суде с треском провалилось.

Вызывает недоумение не то, что журнал защищает Солженицына от обвинений в антисемитизме, а то к каким аргументам авторы прибегают.

Пьеса («Венецианский купец») правдива, потому что еврейское ростовщичество было фактом жизни, и гуманистична, потому что в ней с большой поэтической силой сказано: „И еврей — человек”...

У Солженицына „и Богров — человек”.

(Лосев. N 42, с. 315.)

Времена меняются. Для XVI века признание еврея человеком было действительно великим революционным завоеванием. Сегодня сомнительно звучит даже такая комплиментарная, казалось бы, формула: «Еврей, а хороший человек».

Что поделаешь, коль анархист Богров был все же евреем?

Что поделаешь, если по проходу в театре пробирался, как змея? *Историю нельзя перечеркнуть!*

(Семен Бадаш. N 44, с. 316)

Что поделаешь, коль евреи оккупировали торговую сеть и Академию Наук, вьются как змеи, да еще размахивают жупелом антисемитизма.

«Знал бы покойный Владимир Лифшиц... что придет время, когда несколько бездарностей от журналистики, ради своих сугубо лукавых целей, обвинят его сына в юдофобии!»

(В. Максимов. N 42, с. 320.)

Мог ли предположить советский интеллигент, что придет время и мы вернемся к разговорам о составе крови, будем в качестве доказательства той или иной точки зрения рассматривать не взгляды автора, а национальность его родителей?

Содержание журнала «Континент» не сводится к брани Максимова и его подголосков. На его страницах появлялись и продолжают появляться интересные литературные и публицистические материалы. Он по-прежнему остается самым толстым, если не самым популярным эмигрантским изданием. Грубые, клеветнические реплики соседствуют со стихами Бродского и Лиснянской, с размышлениями

Джиласа, прозой Аксенова и Венечки Ерофеева.

Это грустно. Мы привыкли там, что против клеветы на страницах «Огонька» бесполезно протестовать, что для редактора важно не мнение читателей, а указание свыше. Но здесь, на свободе, почему мы спокойно наблюдаем, как куражится над живыми и мертвыми главный редактор. Как мы можем делать вид, что ничего не происходит?

Отсутствие сопротивления развращает, создает иллюзию, что все позволено. В результате, у всех на глазах за неполные десять лет неплохой русский писатель стал похож на собственный персонаж, раздраженно бросается на все непонятное и подозрительное, выставив вперед грозное и жалкое оружие — брань.

Перед читателями журнала встает серьезная нравственная проблема. Имеем ли мы право возмущаться клеветой советской прессы и одновременно спокойно читать, что Федор Абрамов «пытал и убивал» людей. Можно ли унижительно третировать «локальную шведскую журналистку» за то, что она осмелилась высказать свое мнение, и одновременно призывать мировую общественность бороться за право Ирины Ратушинской свободно говорить и писать. Если можно выдумывать Максимову, почему нельзя Яковлеву?!

Поведение редакции «Континента» разлагает эмиграцию, делает инсинуации, передержки, грубость, культ личности заурядным, привычным явлением. Вероятно, молчание многих эмигрантов объясняется тем, что им близки политические представления Максимова. Но горе убеждениям, которые столь естественно и спокойно совмещаются с ложью и клеветой.

Конечно, существуют разные взгляды. Можно и нужно спорить о том, какой была русская история, какие ценности важнее всего для будущего русского народа. Мы думаем по-разному. Но дело не в том, одобряем или отвергаем мы политику разрядки, нравится нам царь-батюшка или президент Рейган. Позиции у нас могут быть различными, нравственные критерии должны быть одинаковыми.

Юбилейное интервью Максимова содержало удивительное признание, сделанное, очевидно, от имени редколлегии «Континента»: «НАМ НЕ СТЫДНО».

Хочется спросить Василия Аксенова, Иосифа Бродского, Владимира Буковского, Александра Гинзбурга, Эрнста Неизвестного, Наума Коржавина, Эдуарда Кузнецова: Совсем не стыдно? Даже, когда на мировом форуме вас в глаза величают выдающимися деятелями, виднейшими демократами, видными деятелями духовного возрождения современной России?

Даже когда рядом презрительно унижают невидных, профессионально несостоятельных представителей так называемых угнетенных народов, они же либералы с Лубянки? Почему вам не стыдно?

апрель, 1986

СОДЕРЖАНИЕ

АРХИПЕЛАГ ГУЛАГ СЕГОДНЯ

3 Гибель Анатолия Марченко.

ПРОБЛЕМЫ ДЕМОКРАТИИ

- 6 *Владимир Малинкович*. Этюды на тему реформ.
34 *Вадим Белоцерковский*. Возможна ли демократизация советского режима?
48 О социализме, монополиях и правах человека (*Беседа с Михайло Михайловым*).
65 *Лев Альбурт*. Свободный мир глазами эмигранта.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

- 74 *Василь Маркусъ*. Украинское возрождение 1920-х годов.
102 *Эдуард Беккер*. Депортация советских немцев в годы II мировой войны.

ИСТОРИЯ

- 108 *Николай Бухарин*. Новые задачи в области нашей крестьянской политики.

ФИЛОСОФИЯ, РЕЛИГИЯ, ЭТИКА

- 127 *Илья Зильберберг*. О национальном вопросе, русском национализме, карме и еврейском народе.

КУЛЬТУРА И ВРЕМЯ

- 146 Нужна «посадочная площадка» (*Беседа с Георгием Владимовым*).
174 *Раиса Орлова*. Обращение к Христу?
185 *Владимир Малинкович*. Страсти по Залыгину. Старый спор с проекцией в наши дни. Сострадание.

В ЭМИГРАЦИИ

- 205 *Лев Конелев*. Кому это нужно?
209 *Сергей Максудов*. Безусловный антидемократизм.

**Условия подписки
на журнал «ФОРУМ»**

Цена одного номера:	Годовая подписка:
Англия — 3 фунт.	10 фунт.
Германия — 15 н. м.	50 н. м.
США — 7 ам. долл.	25 ам. долл.
Франция — 40 ф. фр.	135 ф. фр.

В других странах — расчет по курсу немецкой марки.

Адрес: Ukrainische Gesellschaft für Auslandsstudien
e. V., für «Forum».

Bankkonto: Deutsche Bank A. G.
Promenadenplatz, 8000 München 2
Kto Nr. 22/20457, BLZ 70070010.

Postscheckkonto PScha München
Kto Nr. 22278-809.

Представители «Форума»

В Англии   Лиана Померанцева
Liana Pomeranzev
4 Flat, 5 Sevington str.
Maida Vale, London W9

в Израиле   Михаил Хейфец
M. Heifetz
Ramot 41/31
Jerusalem
Т. (2) 877451

